

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

203

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ
НЕОЛИТА И БРОНЗЫ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

203

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ
НЕОЛИТА И БРОНЗЫ**

**Ответственный редактор
доктор исторических наук
И.Т. КРУГЛИКОВА**

МОСКВА "НАУКА", 1991

ББК 63.4

И 88

Редакционная коллегия:

О.С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), В.И. Гуляев, **Н.Н. Гурина**,
А.Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора), Ю.А. Краснов,
И.Т. Кругликова (ответственный редактор), Н.П. Лыбин, В.М. Массон,
Н.Я. Мерперт, Р.М. Мунчаев, В.В. Седов (зам. ответственного редак-
тора), Д.Б. Шелов

Рецензенты:

доктор исторических наук С.В. Ошибкина, кандидат исторических наук
А.М. Смирнов

И 88

Исследования памятников неолита и бронзы. - М.: Наука, 1991.-118с.:ил.

Сборник посвящен различным вопросам древнейшей истории и культуры эпохи неолита и бронзы. В статьях рассматриваются хронология археологических культур, погребальные обряды, технология производства, поселения и т.д. Публикуются результаты раскопок, приводятся образцы первобытного искусства и наскальных изображений.

Для археологов.

А 0504000000-313 -00-91 Кн. II
042(02)-91

ББК 63.4

ISBN 5-02-010045-5

© Издательство "Наука", 1991

СТАТЬИ

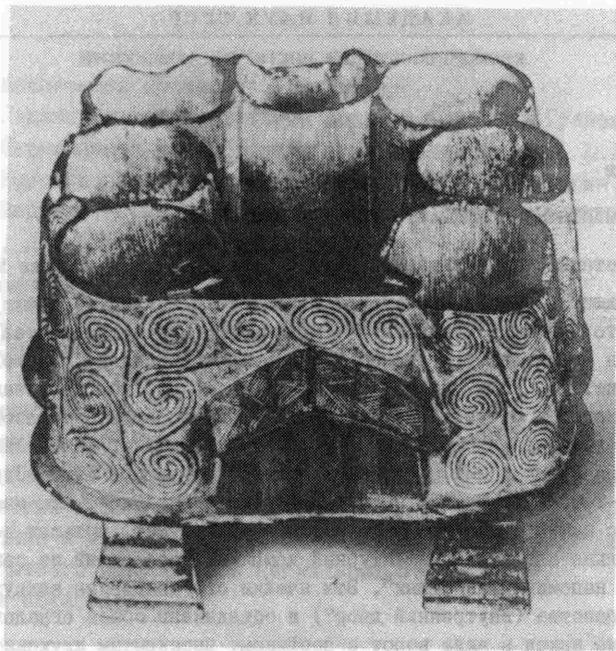
Ю. В. Андреев

ВАШЕННЫЕ ЖИЛИЩА НА КИКЛАДАХ?

(К интерпретации так называемой модели зернохранилища с о-ва Мелос)

Среди дошедших до нас произведений кикладского искусства эпохи ранней бронзы особое место занимает хранящийся в мюнхенском музее древностей уникальный каменный сосуд (в литературе его обычно называют пиксидой), происходящий с о-ва Мелос (рис. 1). Хотя точное место находки до сих пор не установлено, большинство археологов и искусствоведов, когда-либо писавших о мелосской пиксиде, относят ее ко времени расцвета кикладской культуры, или, как принято называть сейчас этот хронологический отрезок, к периоду "культуры Карос-Сирос" (приблизительно 2700-2400/2300 гг. до н.э.). Нетрудно догадаться, что мастер, вырезавший из мягкого камня - хлорита этот загадочный предмет, пытался воспроизвести какой-то довольно сложный архитектурный комплекс, состоящий из семи цилиндрических ячеек, напоминающих башни*. Эти ячейки сгруппированы вокруг замкнутого пустого пространства (внутренний двор?) и объединены общей оградой, имеющей один тоже общий выход в виде ворот с портиком, перекрытым двускатной крышей. Все это сооружение располагается на скругленной платформе, поддерживаемой четырьмя рифлеными ножками. Что именно хотел воспроизвести резчик, изготовивший сосуд, остается загадкой. Мнения ученых, так или иначе касавшихся этого вопроса в своих работах, уже давно разделились. Согласно наиболее распространенной сейчас интерпретации, мелосский сосуд представляет собой не что иное, как модель зернохранилища¹. Цилиндрические ячейки сосуда действительно имеют некоторое сходство с башнеобразными житницами Древнего Египта, известными по целому ряду изображений, как скульптурных, так и графических. Поддерживающие сосуд ножки находят свое функциональное оправдание, если предположить, что его реальным прототипом была приподнятая над землей свайная конструкция, основное назначение которой заключалось в том, чтобы предохранить зерно, сыпанное в житницы от почвенной влаги и грызунов². Существует, однако, и другое мнение, сторонники которого склонны видеть в мелосской модели воспроизведение какой-то жилой постройки, возможно, даже целой группы связанных между собой жилищ³. Наконец, в одной из последних работ, посвященных этому своеобразному произведению кикладского искусства, оно было квалифицировано как макет некоего культового сооружения⁴. Выбирая наиболее правдоподобный из трех возможных вариантов интерпретации мелосской модели, мы, по-видимому, должны учитывать прежде всего, в какой мере каждый из них соотносится с теми археологическими данными, на которых в настоящее время базируются наши представления о кикладской архитектуре III тысячелетия до н.э. Сразу же заметим, что среди архитектурных памятников этой эпохи нет ни одной постройки, которую можно было бы с уверенностью отнести к категории зернохранилищ или же культовых сооружений. Круглые, изнутри облицованные камнем ямы для сыпки зерна, или, как их называют обычно, кулурны, впервые появляются на Крите спустя почти полтысячелетия после периода акме кикладской культуры. Египетские аналоги, к которым обычно обращаются сторонники версии зернохранилища, едва ли что-нибудь могут доказать, в особенности если учесть,

* Вполне вероятно - это предположение высказывалось в литературе неоднократно, - что первоначально каждая ячейка имела конусовидную "крышу", потом утраченную. Такие "крыши" встречаются на некоторых других кикладских сосудах примерно того же времени, что и мелосская пиксида.

Р и с. I. Пиксида с острова Мелос

что маленькие и бедные кикладские общины вряд ли располагали такими запасами зерна, для которых могли бы понадобиться большие житницы египетского типа. Для хранения хлеба и других продуктов им, судя по всему, вполне хватало обычных пифосов или же небольших сыпных ям, устраивавшихся прямо в домах. Святилища, которые хотя бы отдаленно напоминали своей конструкцией мелосскую модель, в истории эгейской архитектуры вообще неизвестны.

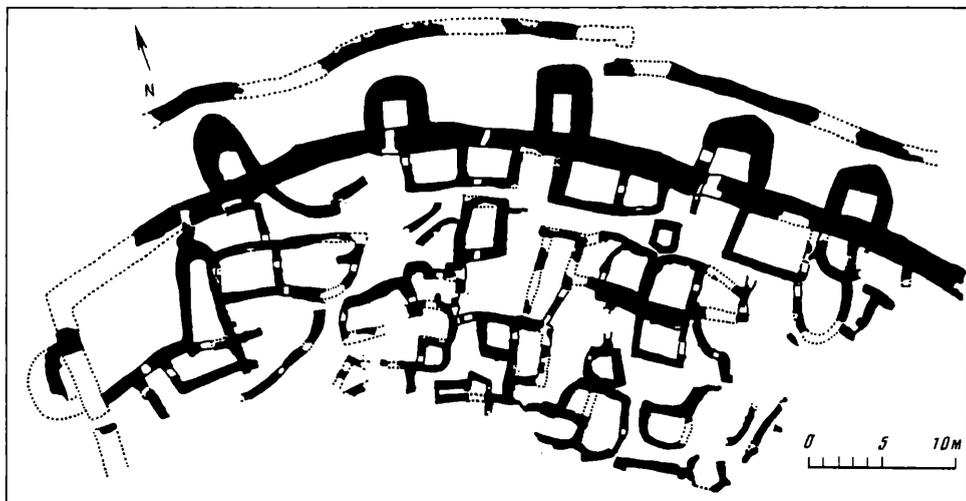
О.Хёкман, собравший в своей статье 1975 г.⁵ обширную информацию о круглых, овальных и апсидальных постройках эпохи неолита и ранней бронзы, обнаруженных археологами в пределах Средиземноморья и Передней Азии, как нам кажется, тщетно пытается доказать обратное. Почти все постройки этого типа, идентифицируемые им как святилища, при более внимательном изучении могут оказаться обычными жилищами или хозяйственными помещениями. Наиболее близкие мелосской модели с чисто формальной точки зрения архитектурные комплексы в Хирбет Кераке (Израиль) и Яниктепе (Северный Иран) гораздо больше похожи на небольшие, компактно сгруппированные скопления примитивных жилищ, чем на культовые сооружения. Правда, в отделке самой модели имеются, по крайней мере, две любопытные детали, которые могут вызвать у человека, рассматривающего ее, определенные ассоциации религиозного характера. Это, во-первых, украшающий наружные стенки сосуда спиралевидный орнамент и, во-вторых, расположенная в глубине портика над дверным проемом (поэтому на фотографиях она почти неразличима) седлообразная насадка. Этой последней детали Хёкман⁶ придает особое значение, сближая ее с седлообразными алтарями, открытыми в святилищах Бейсесултана (Турция). По его мнению, как в том, так и в другом случае мы имеем дело с несколько упрощенной модификацией так называемых "рогов посвящения" (широко распространенный в древнейшей Анатолии и в Эгейском мире религиозный символ, очевидно связанный с куль-

том божественного быка). На наш взгляд, ни один из этих двух доводов Хёкмана не может быть принят как подтверждение его основной идеи. При чрезвычайной насыщенности кикладского искусства, как, впрочем, и любого другого искусства той же эпохи, замысловатой религиозной символикой среди его произведений вообще довольно трудно отличить вещи, принадлежащие к собственно сакральной сфере, от вещей, принадлежащих к сфере профанной, или обыденной, жизни. Что же касается непосредственно мелосской пиксиды, то покрывающий ее стенки спиралевидный орнамент, скорее всего, следует рассматривать как украшение и вместе с тем, несомненно, как средство сакрализации самого сосуда, а не того архитектурного сооружения, которое пытался воспроизвести изготовивший его камнерез. Седлообразная насадка над входом во "внутренний двор", возможно, и в самом деле повторяет какую-то деталь реального архитектурного прототипа модели. В том, что она носит чисто символический характер, мы также, пожалуй, можем согласиться с Хёкманом, поскольку никакой ясно выраженной технической функции она в себе не заключает. Тем не менее, даже если считать доказанным, что она действительно равнозначна знаменитым "рогам посвящения", нет никакой необходимости видеть в ней символический знак, укрепленный над входом именно в святилище, ибо такого рода апотропей, одновременно указывающие на святость оберегаемого ими места, могли защищать от всякой "скверны" и самые обычные жилища или тем более целые поселения. На отделенном от мелосской модели почти целым тысячелетием "морском фризе" из "западного дома" в Акротири (совр. Санторин) мы видим те же священные рога, водруженные на крышах обычных жилых домов, а отнюдь не дворцовых зданий или святилищ*.

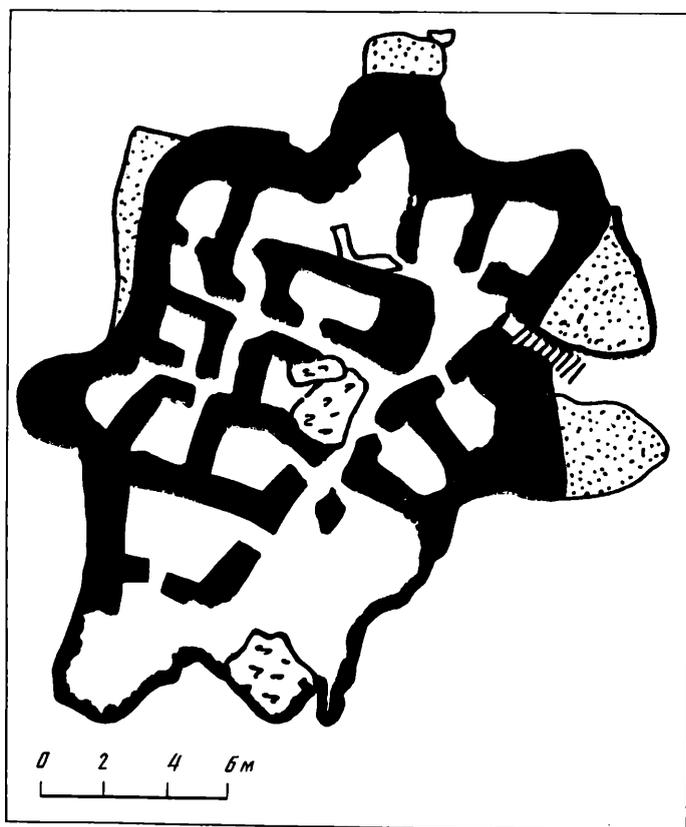
Нельзя не заметить, однако, что заключенная в этой модели конструктивная идея — идея замкнутого пространства, со всех сторон обнесенного стеной с каким-то подобием башен, — отнюдь не чужда кикладской архитектуре, насколько мы теперь ее себе представляем по материалам раскопок. Тот же принцип достаточно отчетливо выражен и в планировке двух наиболее изученных раннекикладских поселений: Кастри на о-ве Сирос и Панорма на о-ве Наксос (рис. 2, 3). Правда, в первом из них кольцо оборонительных стен не было полностью замкнуто. Здесь в этом не было особой необходимости, поскольку с одной (юго-восточной) стороны, где стена отсутствовала, поселение было надежно защищено крутым обрывом. Однако в Панорме стена с полукруглыми "бастионами" охватывала, по-видимому, все это маленькое поселение. Проникнуть внутрь поселения здесь можно было только через единственный узкий проход.

Вполне допустимо, что мастер, создавший мелосский сосуд, пытался передать в своей работе то общее впечатление, которое мог на него произвести городок-акрополь типа Кастри или Панорма или, что еще более вероятно, целый ряд таких городков, виденных им в разных местах. При этом он постарался выделить в архитектуре своего городка как наиболее важный конструктивный элемент, определяющий внешний облик всего поселения, группу башен с заключенным внутри нее свободным пространством, которое может восприниматься как намек на охваченную кольцом стен внутреннюю территорию поселения, занятую жилыми домами. Правда, сами эти дома на модели отсутствуют. Возможно, резчик просто не хотел их воспроизводить, чтобы не дробить образ "города" слишком мелкими и в его понимании второстепенными деталями. Заметим попутно, что аналогичные приемы упрощенной трактов-

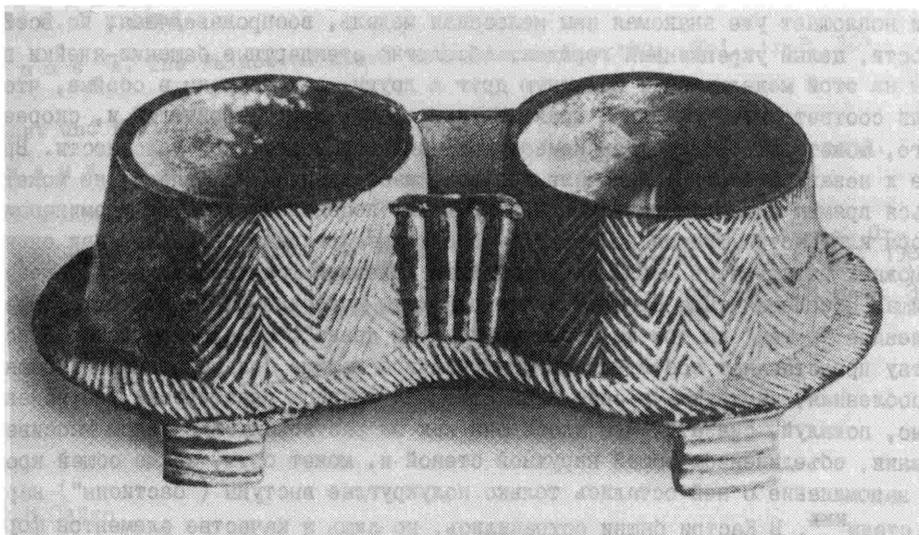
*При раскопках в Акротири были найдены также обломки гипсовых рогов, очевидно сброшенных с крыш толчками землетрясения⁷.

Р и с. 2. Поселение Кастри на острове Сирос

Р и с. 3. Поселение Панорм на острове Наксос

Р и с. 4. Пиксида с острова Керос

ки городского пейзажа применялись неоднократно и в древневосточном, и в античном, и в средневековом искусстве до того, как были открыты законы перспективы.

Впрочем, мы допускаем, что здесь возможно и несколько иное объяснение, если предположить, что создатель модели имел в виду не башни в собственном значении этого слова (т.е. специальные фортификационные сооружения), а особого рода башенные жилища. В древности жилые постройки такого типа были распространены практически по всему Средиземноморью (вспомним хотя бы знаменитые нураги о-ва Сардиния), а также и во многих странах Передней Азии⁸. Одной из их разновидностей могут считаться "башенные дома" минойского Крита, известные по так называемой "городской мозаике" из Кносского дворца⁹. На островах Кикладского архипелага сооружения такого рода археологически до сих пор не выявлены. Тем не менее вполне вероятно, что нечто подобное могут изображать каменные сосуды или пиксиды кикладского производства, которым изготовившие их резчики придали сходство с какими-то круглыми постройками. Это сходство особенно усиливается благодаря наличию у некоторых из них конусообразных крыш¹⁰. Можно, конечно, предположить, что реальным прототипом для этих сосудов послужили обычные круглые хижины, сплетенные из ветвей или тростника. Но в этом случае они должны были бы иметь некое подобие дверного проема, который у них почему-то отсутствует*. Отсутствие такой важной детали можно объяснить тем, что эти каменные модели воспроизводят не обычный жилой дом, а именно башенное жилище, в котором вход устраивается, как правило, где-нибудь высоко над землей (проникнуть в него можно только с помощью приставной лестницы) и делается как можно более незаметным¹¹.

В зависимости от конкретных местных условий жилые башни могли строиться как по одиночке, так и целыми группами, образуя небольшие поселения. Простейший вариант такого поселения - группу всего из двух башен, связанных между собой двумя перегородками, очевидно имитирующими дощатый или бревенчатый забор, изображает пиксида с о-ва Керос (рис. 4). Дальнейшее развитие той же конструктивной

* Такие проемы хорошо видны на более поздних критских моделях круглых хижин из Феста и Като Закро¹².

идеи воплощает уже знакомая нам мелосская модель, воспроизводящая, по всей видимости, целый укрепленный городок. Абсолютно стандартные башенки-ячейки посажены на этой модели почти вплотную друг к другу, как патроны в обойме, что едва ли соответствует реальной практике кикладских градостроителей и, скорее всего, может быть понято как неизбежная дань художественной условности. Впрочем, даже и независимо от этой детали городок, изображенный на модели, не может считаться прямым аналогом таких раннекикладских поселений, как уже упоминавшиеся Панорм или Кастри. Вероятно, было бы правильнее рассматривать его как один из возможных результатов эволюции простейшей исходной формы одиночного башенного жилища. Поселения типа Панорма и Кастри могут восприниматься как две более удаленные "ветви" на том же "генеалогическом древе". В Панорме, который по существу представляет собой единое коммунальное жилище большой семьи¹³, башня как обособленная, замкнутая в себе планировочная единица практически уже исчезла. Можно, пожалуй, сказать, что здесь она как бы растворилась в жилом массиве поселения, объединенном общей наружной стеной и, может быть, также общей кровлей. Как напоминание о ней остались только полукруглые выступы ("бастионы") наружной стены¹³. В Кастри башни сохранились, но лишь в качестве элементов фортификационной системы, утратив свою первоначальную функцию унифицированных укрепленных жилищ. И только мелосская пиксида дает наглядное представление о том, как могло выглядеть поселение, состоящее из достаточно ясно выраженных, еще не искаженных позднейшими модификациями жилых башен.

¹ O e l m a n n Fr. Das Kornspeichermodell von Melos // AM. 1925. Bd. 50. P. 19; Marinatos Sp. Greniers de l'Helladique Anicen // BCH. 1946. Vol. 70. P. 342; P r e s s L. Budownictwo Egejskie. W-wa, 1964. P. 218; S i n o s St. Die vorklassischen Hausformen in der Agais. Mainz am Rhein, 1971. P. 35; R e n f r e w C. The Emergence of Civilization: The Cyclades and the Aegean in the Third mill. B.C. L., 1972. P. 288; H o o d S. The Arts in prehistoric Greece. Harmondsworth, 1978. P. 138.

² O e l m a n n Fr. Kornspeichermodell ... P. 24.

³ P f u h l S. Zur Geschichte des Kurvenbaus // AM. 1905. Bd. 30. P. 336, 349; B u l l e H. Orchomenos. Bd. 1. München, 1907. Bd. 1. S. 45; S c h u c h h a r d t C. Der altmittelländische Palast // SB. 1914. Bd. 12. S. 289; S c h u c h h a r d t C. Alteuropa in seiner Kultur- und Stillentwicklung. Strasburg; Berlin, 1919. S. 151; M a t z Fr. Crete and Early Greece. L., 1962. P. 92; M a t z Fr. The Maturity of Minoan civilization // CAH. Vol. II. P. 1. Cambridge, 1973. P. 148; D e m a r g n e P. Naissance de l'art Grec. P., 1964. Fig. 57.

⁴ H ö s k m a n n O. Zu den Kykladischen Gebäudemodell von Melos // Istanbul. Mitteilungen. 1975. Bd. 25. P. 269; Kunst und Kultur der Kykladeninseln im 3. Jht. v. Chr. Red. J. Thimme. Karlsruhe, 1976. P. 515.

⁵ H ö s k m a n n O. Zu den Kykladischen...

⁶ Ibid. P. 297.

⁷ M a r i n a t o s Sp. Excavations at Thera. Athens, 1974. T. VII. P. 34.

¹³ Типологически Панорм, очевидно, может быть отнесен к той же категории больших общинных домов (в западной литературе они нередко неправильно называются господскими домами), к которой принадлежат также памятники эпохи ранней бронзы на Крите, как Миртос (Фурну Корифи) и Васялики¹³.

¹⁴ Постройку примерно такого же типа, напоминающую своими внешними очертаниями примитивный форт или блокгауз, изображает овальная пиксида, найденная на том же о-ве Наксос, где находился и Панорм¹⁴.

- 8 Джандиери М.И., Лежава Г.И. Народная башенная архитектура. М., 1976. С. 7 и след.
- 9 Evans A. The Palace of Minos at Knossos. L., 1921. Vol. 1. P. 301.
- 10 Kunst und Kultur... P. 338, 359, 361, 362.
- 11 Джандиери М.И., Лежава Г.И. Народная ... С. 90 и след.
- 12 Sinos St. Die vorklassischen... P. 36.
- 13 Warren P.M. Myrthos: An Early Bronze Age settlement in Crete. Oxford, 1972; Zois A. Anaskaphē Basilikēs Hierapetras // Praktika. 1982.
- 14 Сидорова Н.А. Искусство Эгейского мира. М., 1972. С. 42. Рис. 30.

Э.В.Сайко

ТЕХНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ В ХАРАКТЕРИСТИКЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ
РАННЕЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ

В объяснении неравномерности развития различных племен и культурных общностей, входящих в единую историческую систему обществ раннеземледельческих культур¹, важное значение приобретает установление экономических оснований разных возможностей их прогресса. Особое место занимает изучение условий и тенденций развития специализированных производств, и прежде всего наиболее мобильной – технико-организационной их стороны, в рамках которой выделяются технико-технологические системы, т.е. определенная совокупность взаимосвязанных технологических схем и технических приемов в сочетании с использованием соответствующих технических средств. Это лишь один, но очень чувствительный показатель в установлении общего производственного потенциала и характера технико-организационного содержания конкретного труда. Так, например, высокая степень подвижности технико-технологических систем, возможность разрыва здесь устойчивых традиций и перестроек фиксируют высокую динамичность специализированных производств, обеспечиваемую соответствующими условиями прогрессивного движения общества. Устойчивость традиционных технико-технологических систем, напротив, важный показатель стабильности, большей или меньшей консервативности условий развития экономической организации конкретного общества. В этом плане данные об особенностях развития технико-технологических систем могут в определенной мере служить конкретным материалом для выявления степени динамичности специализированных производств, их перспективности, а поэтому уровня и характера развития производственной деятельности конкретных обществ в их историческом движении. Познавательные возможности использования характеристик технико-технологических систем, в частности связи изменений их характера и уровня, с одной стороны, и условий развития производственной деятельности, определяемой, в свою очередь, спецификой и тенденциями развития конкретных обществ, – с другой, могут быть установлены при сравнительном анализе динамики специализированного труда разных групп населения (но лишь при широком пространственном и хронологическом охвате материала). Наличие и характер такой объективно существующей связи в

ее конкретном проявлении иллюстрируют данные исследования особенностей развития керамического производства двух групп племен разных культурно-исторических регионов — анауских и трипольских (представляющих крайние периферийные зоны раннеземледельческого мира, отражающих разные формы и уровни прогресса в нем, максимально реализуемого в Месопотамии при переходе к цивилизации)*.

Для анауских племен (юго-западная область Средней Азии) во второй половине III тысячелетия до н.э. прослеживается явная тенденция к перестройке в социально-экономической организации общества, связанной с явлениями начавшегося процесса цивилизации, который определяется здесь как особый уровень формирующейся цивилизации древневосточного типа, или, условно, как "цивилизация второго порядка". Для племен трипольской культурной общности, обитавших на юго-западе европейской части нашей страны, отмечаемый по археологическим материалам процесс прогрессивного развития не реализовался даже на уровне перехода (как в первом случае) на исторически новую ступень.

В данной работе при решении собственно методической задачи определения возможностей использования данных изменения технико-технологических систем в характеристике и объяснении особенностей исторического развития раннеземледельческих обществ из всего большого имеющегося объема данных о трипольской и анауской керамике (полученных автором при сравнительном исследовании технологий) отобраны лишь некоторые, обобщенно иллюстрирующие различие движения таких систем в плане решения вышеназванной задачи.

Исследование технических показателей керамики трипольских племен осуществлялось по материалам более 50 памятников хронологически разных периодов, начиная с раннего этапа Триполья, включая предшествующую фазу Флорешти (Флорешти, Рогожаны, Сабатиновка II, Гайварон, Греновка и т.д.), среднего Триполья В_I-В_{II} (Сабатиновка I, Борисовка, Озаринцы, Стена, Петрены и др.), Триполья С_I-С_{II} (Бринзены III, Костешты, Усатово и др.), и разных районов, связанных с локальными группами населения междуречья Прута и Днестра (Флорешти, Рогожаны, Костешты и т.д.), Побужья (Тростянец, Ладжин, Клищев, Цвижин, Ворошиловка и др.). При исследовании и сопоставлении данных технических показателей керамики и реконструкции технологических приемов и схем особое внимание уделялось такому составному компоненту технологического процесса, как приготовление формовочных масс, — наиболее широко обсуждаемому и в определенной степени доступному при визуальном наблюдении показателя. Обобщенные, целенаправленно выбранные данные по характеристике керамики различных периодов позволили в рамках вышеназванных задач выделить три основных этапа развития (при более сложной в целом картине) трипольского гончарного производства, связанных с разным состоянием технических приемов и технологических схем изготовления керамики.

Первый этап характеризует формирование некоторой совокупности приемов, определяющих местную трипольскую традицию. Для керамики, например, памятников Буго-Днестровского неолита исследователи отмечают в качестве основного отощителя в силикатной массе растительную примесь². Растительная примесь фиксируется для значительной группы изделий памятников культуры линейно-ленточной керамики³ в юго-западной части Волны, Верхнего Поднестровья, бассейна Реута и других районов юго-западной части СССР. Показательны в этом плане и образцы изделий криштского типа из поселения Сакаротка. Одним словом, для керамики памятников, предшеству-

*Сравнительный анализ технологии керамики рассматриваемых групп племен в широком плане дается в специальной работе.

щих трипольским, использование органического отощителя – достаточно характерный, но не единственный признак.

Главными моментами в характеристике обработки гончарных масс для флорештской фазы и всего раннего Триполья являются своего рода размывание какого-то существующего здесь (при различии технологических схем) единства принципов подхода к формовочным массам и появление новых тенденций в разработке приемов их подготовки. Данные специальных исследований (петрографических и химических) позволяют фиксировать на рассматриваемом этапе развития производства трипольской керамики, например, следующие характерные особенности подготовки глиняных масс: 1) отбор близких по техническим качествам глин при явном предпочтении определенных вариантов гидрослодистых и карбонатных; 2) плохой промес глиняных масс; 3) устойчивость приемов смешения глиняных масс, часто в различном (по пластичности, вязкости и т.д.) состоянии; 4) использование в качестве основного преобладающего отощающего материала различного рода глинистых пород в разном количестве, различного характера, структуры, в разном сочетании; 5) появление тенденции к расширению приема введения в состав глиняного теста материала типа гальки, затем позже – более разнообразного "каменистого" отощителя при сохранении в основном прежних приемов обработки теста; 6) растительная примесь здесь более редкое явление и связывается с определенными видами изделий. При всем разнообразии, отмечаемом в технологии обработки глиняных масс, она сохраняла четко фиксируемую устойчивость. В то же время в обработке глин проявляется тенденция к своего рода специализации – консервации приемов, отмечаемой для памятников разных районов и прослеживаемой для всего первого этапа развития технической организации трипольского керамического производства. Обжиг происходил в неровной среде, часто при относительно низких температурах (но при известных более высоких), порой при 400–550°. Хронологически этот этап соответствует Триполю А (включая фазу Флорешты) и началу периода В₁ (конец V – первая половина IV тысячелетия до н.э.).

Второй этап связан с появлением новых технологических схем, приемов, дифференциацией их уровней. Появляется технологическая система изготовления глиняных масс на основе новых видов неорганического отощителя. Вводятся массы с полиминеральным отощителем – каменные породы, песок, гетитовые породы, сланец и др. – в разном количественном содержании и сочетании. Осваиваются новые приемы обработки самого теста. Такие массы в основном связываются с образцами расписной керамики. Как особая, инородная по принципам изготовления (и, как полагают некоторые исследователи, возможно, привнесенная пришлыми племенами), но достаточно устойчивая фиксируется технологическая схема подготовки глиняных масс на основе специфического карбонатного отощителя в виде ракушечника и особых карбонатных пород. Обжиг изделий из таких масс низкий при преобладании восстановительного пламени. Однако в целом для рассматриваемого этапа отмечается общее повышение температур и общее улучшение режима обжига. Для второго этапа характерно функционирование трех технико-технологических систем: а) традиционной – со схемой обработки формовочных масс на глинистом отощителе, связываемой чаще всего с традиционными формами, рельефной орнаментацией, с обжигом при наличии восстановительного пламени; б) развивающейся на базе применения приема отощения глин инородным, песчанисто-образным материалом – схемы, связанной с использованием различных вариантов так называемого каменного отощителя (гранитов, сланцев, кварца, песка и т.д.) порой при сочетании с глинистым отощителем; в) основанной на использовании глин карбонатного типа и ракушечника – масс, употребляемых для специфических форм изделий. Приемы формовки разные при сохранении главного принципа – отдельными час-

тями. Обжиг более платичный, разный. Отмечается более свободное регулирование среды при окислительном пламени. В хронологическом плане этот этап связывается со второй половиной периода V_I и первой половиной V_{II} . На этом этапе четко фиксируется тенденция формирования локальных технологических схем, характерных для разных районов расселения трипольцев. Датируется он второй половиной – последней четвертью IV тысячелетия до н.э.

Третий этап (конец IV – первая половина III тысячелетия до н.э.) характеризуется более сложными и многоплановыми изменениями, связанными с формированием новых технических и технологических схем и приемов, более глубокой дифференциацией их для разных памятников, введением новых технико-технологических систем. Расширяется ассортимент сырья. Сохраняется древняя схема отощения масс глинистым отощителем. Используемые массы сортируются более тщательно, хорошо смешиваются, обычно во влажном состоянии. В качестве отощителя выступают шамот, гетитовые породы, каолиновый материал и т.п. Калибровка отощителя более качественная. Черепок изделий, выполненных из таких глиняных масс, значительно отличается от силикатных масс сосудов предшествующего времени.

Варианты выполнения таких схем разные для одновременных памятников. Приемы смешения глиняных масс, находящихся в разном состоянии (вязкости, пластичности и т.д.), с разной естественной обломочной примесью, но выполненные на основе новой технологической схемы отощения, хорошо фиксируются для изделий поселений Стена, Ворошиловка, Петренцы. Но во всех случаях применение приемов смешения глины и отощения масс глинистым отощителем характеризуется новым решением, более качественным выполнением. Совершенно на ином уровне разрабатываются и приемы отощения глиняных масс песчанообразным отощителем при расширении видов и приемов обработки последнего.

Для рассматриваемого этапа характерны более глубокая дифференциация технических схем и приемов разработки общих технико-технологических систем для разных районов расселения трипольских племен, более выраженная локализация их. Более того, фиксируется, что очень важно и показательно, внутренняя дифференциация таких приемов для конкретных памятников. Так, для Владимировки (V_{II}) при предварительном исследовании 50 образцов было выделено около 10 вариантов (при сходстве типов глин) формовочных масс, из которых шесть повторяются более устойчиво.

Формовка изделий на рассматриваемом этапе становится более качественной, вводятся новые приемы, в частности используются особые подкладные приспособления для формовки⁴. Значительные изменения отмечаются в качественных показателях обжига. Судя по данным анализов, повышается (при сохранении разных условий обжига, в том числе температур) в целом температурный интервал наиболее часто используемых режимов – 850–950⁰. Для наиболее характерных расписных изделий обжиг преобладает в окислительной, специально регулируемой среде с большей, чем для предшествующего этапа, выдержкой. Находки печей, конструктивные особенности⁵ которых обеспечивали в принципе возможности достаточно высокого и управляемого обжига, – свидетельство развитости его технологии.

Выделение производственного центра на поселении, фиксируемого для позднего Триполья скоплением печей, характеризует достаточно глубокую специализацию средств производства, свидетельствует о необходимости технической стандартизации условий изготовления продукта, о новых требованиях к качеству и объему продукции, о потенциальных возможностях самого производства керамики. В то же вре-

мя, несмотря на более высокие качества форм и уровень формовки (в том числе при использовании специальных приспособлений), а также более качественный обжиг и наличие соответствующих печей, общий уровень организации и развития керамического производства ограничивался здесь особым характером и низкой степенью специализации средств труда. В настоящее время еще не представляется возможным говорить об освоении трипольцами в этот период гончарного круга как особого средства, изменяющего в своей основе не только способ и принципы изготовления изделий, но и условия труда.

Важным показателем в характеристике керамического производства трипольцев рассматриваемого периода является четко прослеживаемая стандартизация приемов изготовления керамики локальных групп памятников на уровне их своего рода консервации.

Итак, в целом в историческом развитии керамического производства трипольских племен в V—III тысячелетиях до н.э. происходит безусловный прогресс, накопление технико-производственного потенциала. В то же время это многоплановая, варибельная форма насыщения производства технологическими достижениями, допускающая сочетание и активное сосуществование даже для одного памятника разноуровневых и разнохарактерных технических приемов, технологических схем и т.д. Вновь вводимые приемы становятся традиционными, консервируются. Идет не борьба, не замещение, не перестройка внутри технологического процесса при изменении его оснований и принципов разработки отдельных звеньев, а насыщение, количественное наполнение последнего новыми компонентами, представленными различными техническими и технологическими схемами разного уровня и характера в одном или разных районах расселения трипольцев⁶. Прогресс такой организации ограничивался возможностями технической базы и конкретными задачами общества. Это одно из свидетельств наличия и действия серьезных внутренних факторов, оказывающих тормозящее воздействие на динамичность, темп движения отдельных, но значимых в экономической структуре видов специализированного труда (а потому и всей производственной деятельности трипольцев) по отношению к характеру его движения в центральных, наиболее перспективно развивающихся областях раннеземледельческого мира.

По-иному развитие технической и всей организации керамического производства происходит в других областях раннеземледельческого мира, в частности в обществе анауских земледельцев Средней Азии. Здесь так же, как и для племен трипольской культуры, выделяется несколько этапов изменения в историческом функционировании производства керамики.

Первый этап (конец V — первая четверть IV тысячелетия до н.э.) — это время становления, начала формирования собственно анауской традиции керамического производства, пришедшей на смену предшествующим техническим нормам джэйтунцев. Она определяется введением в керамическое производство ранних земледельцев Южного Туркменистана в период Анау I А новых технико-технологических систем, связанных с появлением здесь новых групп населения. Для земледельческого населения всей области в период Намазга I — Анау I Б отмечается функционирование двух технико-технологических систем: первой, продолжающей традиции джэйтунского производства, сохраняющей органический отощитель и, очевидно, костровый обжиг, и второй, привнесенной, связанной с появлением новых приемов обработки формовочных масс (с введением песчанообразного, неорганического отощителя) и обжигом в одноярусных простейших горнах.

Второй этап (вторая четверть — конец IV тысячелетия до н.э.) характеризуется сложными процессами внедрения новой системы в дифференцированных для разных комп-

лексов (в рамках всей области) вариантах взаимодействия ее со старой. При этом сначала явно господствующей в западной и восточной областях Южного Туркменистана была первая технико-технологическая (хотя и измененная в своем развитии) система. Но уже в ранний период Намазга II вторая технико-технологическая система, более подвижная в подборе отощителя, становится наиболее перспективной. Появляются новые виды и варианты примесей, их сочетаний, новые варианты глиняных масс на основе варьирования в составе, количестве, размерах, форме их отощителя и видов местного сырья. Расширяется выбор используемого сырья разных по составу глин. Одновременно происходит стандартизация определенных приемов. Несмотря на выраженную дифференциацию в подборе и степени преобладания локальных для восточной и западной областей Туркменистана технологических схем и приемов, в целом очень четко прослеживается уже в период Намазга III все усиливающаяся тенденция не только кумулятивных, но и интегративных процессов в технологии обработки глин и других звеньев изготовления изделий (формовки, обжига).

В конце второго этапа фиксируется новый уровень и характер взаимодействия технологических схем и технических приемов в рамках единой - второй технико-технологической системы, когда именно она начинает играть главную роль не только по своей прогрессивной направленности в силу большей подвижности и дифференциации приемов, но и по объему. Технические показатели обработки и подготовки глиняных масс, формовки, обжига позволяют видеть здесь все более активное вычленение определенных общих технических норм и принципов.

Третий этап (III тысячелетие до н.э.) связан со сложными процессами вытеснения и установления новых технико-технологических систем. В технологии сырья происходит уже не параллельное развитие, большее или меньшее господство одной из них, а процесс замещения старых схем новыми, более маневренными. В организации обжига идет поиск оптимальных режимов. Продолжается линия самостоятельной разработки оригинальных, традиционных уже теперь, конструкций печей. В отличие от скачкообразного развития и разных режимов (по уровню) в технологии обжига у трипольских земледельцев повышение температур обжига у анаусцев происходит на этом этапе более равномерно и последовательно, а дифференциация режимов в большей степени технически обусловлена.

С периодом Намазга У (последняя четверть III - начало II тысячелетия до н.э.) связана полная замена технико-технологической системы. Устанавливается новая техническая база функционирования керамического производства. Происходит собственно производственное освоение гончарного круга (хотя знакомство с круговыми формами и первые опыты его использования, возможно, произошли в самом конце Намазга IV). Осваиваются новые схемы печей, новые принципы их работы и т.д. Устанавливается новый характер взаимосвязи технологических схем и технических приемов разных звеньев процесса изготовления изделий. Изменяются характер и содержание (теперь уже не свойственных домашнему производству земледельческих общин) организации керамического производства как особого вида специализированного труда, что реализуется в конечном итоге в формировании новых ремесленных форм и условий организации труда.

При сравнительном рассмотрении особенностей развития технико-технологических систем (как компонентов технико-организационного содержания специализированного труда) керамического производства анауских и трипольских племен в обоих случаях четко прослеживается его положительная динамика (в отличие, например, от обычного, на одном уровне совершающегося воспроизводства особой, необходимой в общей экономической структуре консервативно замкнутого общества, деятельности). Суще-

ствуют достаточно широкие возможности внутреннего развития технико-организационного содержания производственной деятельности в рамках и на уровне саморазвития обществ раннеземледельческих культур. Оно осуществляется за счет усложнения и усовершенствования технологических схем, технических приемов и простых технических средств под воздействием контактов, а также за счет реального прогресса в исторической перспективе определенных технико-технологических систем (в результате общего культурного развития конкретных племен). Оно может происходить вплоть до разрушения традиционных и формирования новых принципов и условий организации специализированного труда (в том числе его технико-организационного и в соответствующих ситуациях социально-экономического содержания).

Принципы и характер развития керамического производства (как особого вида специализированного труда) населения рассматриваемых областей разные. Они связаны с разными условиями функционирования и историческими перспективами развития анауских и трипольских племен. Для последних прослеживаемые изменения, во-первых, сопровождаются одновременно локализацией и консервацией технологических схем и приемов разных групп трипольского населения, во-вторых, совершаются в рамках соответствующих уровню и принципам организации производства собственно раннеземледельческих обществ – домашнему и общинному производству (о чем свидетельствуют, в частности, отсутствие соответствующих технических средств, слабая степень технологической интеграции, условия производства и т.д.). Такая ситуация обусловлена особенностями развития производственной деятельности трипольцев, ее структурой, возможностями и характером развития базовых (скотоводства и земледелия) сфер производства и общими условиями культурно-исторического функционирования. Для анауских племен такие изменения технико-технологических систем на определенном этапе, напротив, связывались с разрывом традиционных норм, консервативных схем, с ростом интегративных тенденций. Здесь в период Намазга У устанавливаются исторически новые (обусловленные особенностями развития анауских племен) принципы и уровень (в том числе технический) организации специализированного труда, в данном случае керамического производства. В обоих случаях явно прослеживаемая взаимосвязь характера реконструируемых технико-технологических систем с внутренними возможностями развития производства исторически определенных обществ раскрывает реальные перспективы методологически конструктивных разработок в сфере изучения технико-производственных оснований развития раннеземледельческих обществ, в частности технико-технологических систем и рабочие возможности последних.

1. С а й к о Э.В. Общества раннеземледельческих культур как историческая система // Тез. Всесоюз. археол. конф. Суздаль, 1987. М., 1987.
2. М а р к е в и ч В.И. Буго-Днестровская культура на территории Молдавии. Кишинев, 1974.
3. З б е н о в и ч В.Г. Поселение Бернашевка на Днестре. Киев, 1980. С. 162.
4. М а р к е в и ч В.И. Позднетрипольские племена Северной Молдавии. Кишинев, 1981. С. II6, II7.
5. М о в ш а Т.Г. Гончарные центры позднего Триполья // СА. 1976. № 3.
6. С а й к о Э.В. Техническая организация керамического производства раннеземледельческих культур // Studia Prachistorica. София, 1986. Vol. 11.

ЗООМОРФНАЯ ФИГУРАТИВНАЯ ПЛАСТИКА КУЛЬТУРЫ КУКУТЕНИ – ТРИПОЛЬЕ:
(количественная оценка и классификация)

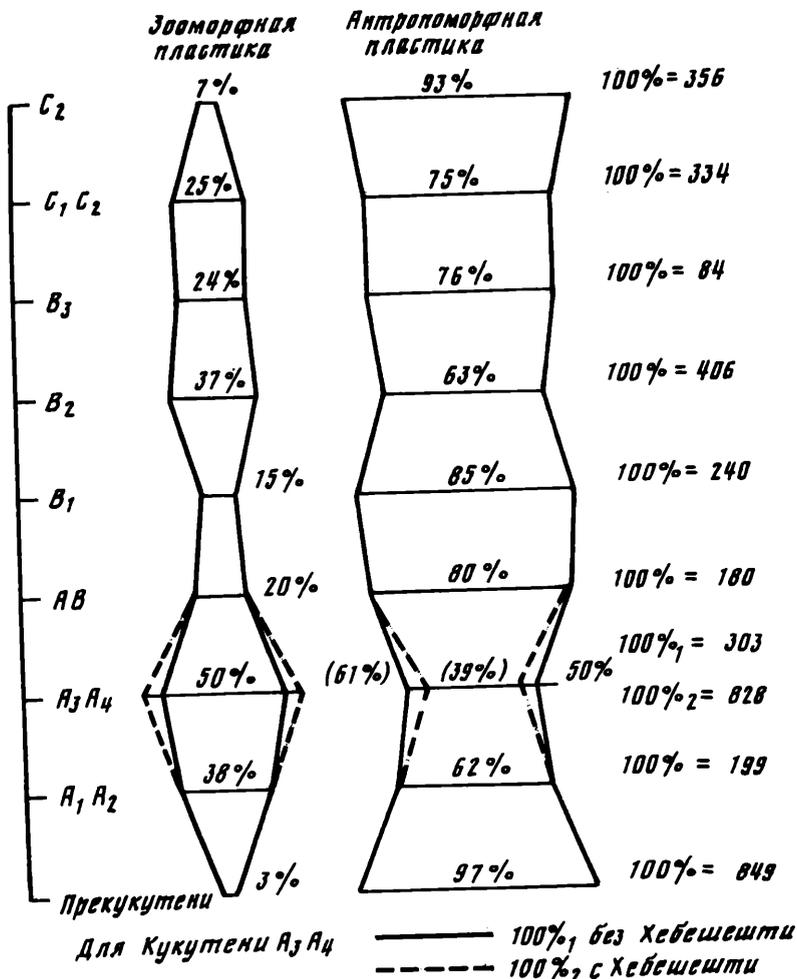
Обилие мелкой фигуративной пластики отличает большинство раннеземледельческих культур. Этот материал уже давно служит одним из источников для реконструкций мировоззрения земледельцев эпохи неолита и энеолита и все чаще привлекает внимание представителей разных дисциплин. Вместе с тем изученность разных категорий энеолитической пластики с территории Юго-Восточной Европы крайне неравномерна. Антропоморфные фигурки публикуют относительно полно, издают специальными сводами, классифицируют. Зооморфные же статуэтки и в публикациях бывают представлены выборочно. Часто предпочтение отдается не серийным вещам, а, наоборот, редким, хотя и очень интересным, но не способствующим пониманию общих закономерностей. Вследствие этого в настоящее время для фигуративной зооморфной пластики отдельных культур отсутствуют точные сведения об объеме материала, видовом составе фигурок, стилистике, хронологии и географии каждой их разновидности. Подобная диспропорция не только обедняет наши представления о духовной культуре ранних земледельцев Европы, но и может заметно их искажать, внося погрешности в любые мировоззренческие реконструкции. Именно поэтому общая количественная оценка и классификация зооморфных статуэток культуры Кукутени – Триполье представляются своевременными и нужными.

I. Количественный анализ любого массового материала состоит из серии независимых характеристик. Для зооморфной пластики существенны такие из них, как оценка объема материала (в целом и по периодам), частота встречаемости пластики на памятниках, количественная оценка ее на одном памятнике. На обсуждении этих характеристик, а также возможности корректного получения некоторых из них мы и остановимся. Несомненно, значимость полученных данных возрастает при сопоставлении с результатами аналогичного исследования других групп материала. В нашем случае это могла бы быть инокультурная зооморфная пластика или однокультурная антропоморфная. Выбор, определивший направление работы, пал на последнюю, поскольку только она на должном уровне систематизирована и обладает большинством искомым количественных характеристик¹.

Информативные возможности используемого массива требуют оговорки. Приходится различать предметы "собранные" и "учтенные". "Собранными" названы статуэтки, хранящиеся в коллекциях, а также такие, изображения которых найдены в публикациях и архивах. "Учтенные" известны только по упоминаниям (в публикациях, отчетах, описях). Наиболее информативную часть массива составляют "собранные" фигурки. "Учтенные" же привлекаются лишь для самых общих количественных оценок.

Зооморфных фигурок собрано 749 экз. Объем массива вместе с учтенным материалом равен 1104 экз. Сюда вошли 1011 статуэток с хронологическими привязками, 55 предметов без привязок (из пунктов с нечеткой датировкой и многослойных памятников), 38 беспаспортных статуэток из разных мест хранения. Общее число зафиксированных антропоморфных фигурок должно быть близко 2600 экз.², что почти в два с половиной раза превышает массив зооморфной пластики.

Чтобы выяснить, как соотносятся две категории фигурок в разные периоды существования культуры, привлекался только хронологически привязанный материал. Доли зооморфной и антропоморфной пластики для каждого периода отражены на процентных гистограммах (рис. 1). Для Кукутени А₃А₄ дано два варианта соотношения. Сделано это из-за очень крупной коллекции румынского памятника Хебешшти, где

Р и с. I. Соотношение двух категорий мелкой фигуративной пластики по периодам

найдено 420 зоофигурок³, но иллюстрации есть только для 70. Остальные 350 предметов оказались "учтены". Поскольку непроверяемая коллекция из Хебешести могла бы заметно исказить результаты, соотношение для Кукутени A₃A₄ было бы просчитано дважды (без нее и вместе с ней). Зооморфная пластика, судя по долям в выборках, претерпевает на протяжении культуры как бы полный цикл развития — появляется в Прекукутени, исчезает в Триполье C₂. Помимо этого, гистограммы позволяют выделить в ее бытовании два этапа. Первый охватывает Прекукутени — Кукутени AB (с резким возрастанием доли категории в Кукутени A₃A₄ — без учета материала из Хебешести до 50% выборки, а вместе с ним — до 61%). Второй, более монотонный этап приходится на Кукутени B₁ — Триполье C₂. В течение Кукутени B₂ — Триполья C₁C₂ доля зооморфной пластики в выборках довольно устойчива — от 37 до 25%. Антропоморфная пластика распределяется во времени иначе. Она преобладает в выборках большинства периодов, и особенно резко в начальном и финальном. 2.Зак.1638

Последнее, возможно, свидетельствует о том, что в целом ее развитие не укладывается в рассматриваемый хронологический отрезок. Заметно уменьшается доля антропоморфных фигурок лишь в Кукутени А₃А₄, когда отмечают также и сокращение их общей численности⁴, и начало изменения стилистики⁵. Видимо, все эти закономерности отражают какие-то новации в семантике статуэток.

Хотя в целом распределение двух категорий кукутэнско-трипольской фигуративной пластики выглядит независимым, обращает на себя внимание стабильность их соотношения в Кукутени В₂ - Триполье С₁С₂. Указывает ли это обстоятельство на взаимосвязь зооморфных и антропоморфных статуэток в данный отрезок времени, предстоит проверить в будущем.

Для оценки встречаемости зооморфных фигурок на памятниках Кукутени - Триполья были рассмотрены материалы со 176 разновременных поселений. На 131 из них производились раскопки, а остальные 45 - это места случайных сборов и пункты, зафиксированные при разведках. Среди раскапывавшихся памятников поселения с зооморфной пластикой составляют 58 % (77 памятников). Их хронологическое распределение и доля в каждом периоде приведены в табл. I.

Т а б л и ц а I

Время	Общее число учтенных раскопанных памятников	Число раскопанных памятников с зооморфной пластикой	Доля памятников с зооморфной пластикой в %
Прекукутени	26	10	38
Кукутени А ₁ А ₂	9	6	67
Кукутени А ₃ А ₄	11	6	55
Кукутени АВ	14	8	61
Кукутени В ₁	20	9	45
Кукутени В ₂	17	15	88
Кукутени В ₃	9	5	56
Триполье С ₁ С ₂	3	3	100
Триполье С ₂	16	10	63
Сумма	125	72	58
Памятники многослойные	6	5	
Общая сумма	131	77	58

Для большинства хронологических периодов (за исключением малых групп) зооморфная пластика присутствует примерно на половине памятников. Ее встречаемость отличается от общего уровня в Прекукутени, где она несколько ниже, а также в Кукутени В₂, где она, наоборот, выше. В пунктах сборов и разведок частота встречаемости фигурок близка усредненной. Они отмечены в 49 % пунктов. Эту характеристику также было бы интересно сопоставить с данными о встречаемости антропоморфной пластики, но пока, к сожалению, их нет.

Корректная оценка количества предметов пластики на памятниках Кукутени - Триполья в настоящее время, пожалуй, невозможна. Наибольшую сложность создает несопоставимость объема работ, производившихся на разных поселениях. В рассмотренной группе памятников среди 130 пунктов, подвергавшихся раскопкам, на 45 % раскапывались отдельные жилища, которые накрывались минимальным раскопом; на 28 % были заложены раскопы большой площади; 5 % раскапывались траншеями; на

5 % применялась комбинация поисковых траншей с накрывающими жилища раскопами; на 2 % производилась сплошная шурфовка; в 15 % случаев характер работ не ясен. Количественные же характеристики культурного слоя почти повсеместно отсутствуют. Поэтому сейчас и не удастся найти какие-либо закономерности в распределении пластики ни для памятников, ни для их отдельных участков.

II. Для зооморфной пластики целесообразно построение классификации, позволяющей описывать разнокультурный раннеземледельческий материал в пределах региона Юго-Восточной Европы. Неолитические и энеолитические фигурки изображают многих реальных или фантастических животных и вариabильны по своему строению. Их классификация должна учитывать конструктивные особенности и традиционную зоологическую таксономию. В предлагаемой схеме присутствуют разряды: класс, вид, тип изображения. Класс и вид отчасти соответствуют зоологической таксономии. Тип изображения различает фигурки конструктивно. Стилистические же особенности пластики каждой культуры будут отражать дальнейшие, уже автономные уровни, к которым приводит типология, базирующаяся на анализе конкретного материала. В классификации предусмотрены классы и виды статуэтки, которые пока не встречены на памятниках Кукутени - Триполья, но известны в других раннеземледельческих культурах Юго-Востока Европы. Они изображены на схеме штриховой линией (рис. 2).

Категория зооморфной фигуративной пластики состоит из пяти классов: I - звери (468 экз.), 2 - птицы (22 экз.), 3 - рыбы (1 экз.), 4 - земноводные и пресмыкающиеся (в Кукутени - Триполье пока отсутствуют), 5 - зооморфные фантастические (в Кукутени - Триполье пока отсутствуют).

Класс I разделен на семь видов, число которых может увеличиться по мере накопления материала. Среди зверей выделены: I - бовиды/овиды (365 экз.), 2 - козы (17 экз.), 3 - олени (20 экз.), 4 - свиньи (25 экз.), 5 - медведи (6 экз.), 6 - безрогие с нечеткой атрибуцией (55 экз.), 7 - четвероногие фантастические, пока на памятниках культуры отсутствующие. Виды I и 6 требуют пояснения. В вид I объединены рогатые фигурки, изображающие бовидов или баранов. Сделано это потому, что во многих случаях из-за плохой сохранности рогов трудно определить, какое из этих животных изображено. Сходство же сложения крупного рогатого скота и овец признано специалистами по экстерьеру⁶. Еще один смешанный вид 6 составили безрогие фигурки, не обладающие четкими признаками определенных животных. Скорее всего, это разные представители фауны: комольный скот (бовиды и овиды), ягнята, телята, собаки, возможно, некоторые дикие звери.

Малочисленные классы 2 и 3 пока на виды не разделяются.

Все зооморфные фигурки делятся на семь типов изображений, по-разному соотносящихся с классами и видами.

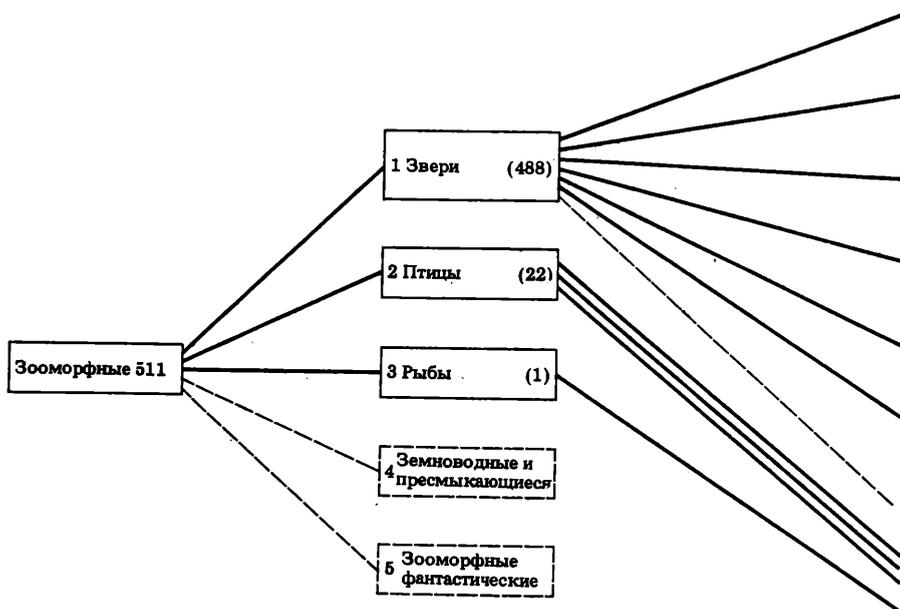
Тип I - фигурки обычного вида с моделированной головой. Для Кукутени - Триполья этот самый многочисленный тип представлен всеми видами зверей (кроме фантастических), птицами, рыбами. Число статуэток равно 457 экз.

Тип 2 - фигурки с условно трактованной головой, у которых отсутствует морда. К типу 2 относятся только изображения бовидов/овидов. Их передние ноги, грудь, шея, рога составляют единую плоскость. Число фигурок равно 27 экз.

Тип 3 - фигурки двухголовые. Одна голова у них спереди, а вторая - сзади. В Кукутени - Триполье пока известна только одна статуэтка типа 3, изображающая бовида/овида. Для других культур Юго-Восточной Европы нередки также двухголовые безрогие звери и двухголовые птицы.

Тип 4 - фигурки-ковчешцы. Отличаются от типа I небольшим углублением на спине - ковчешцем. Они занимают промежуточное положение между статуэтками и террио-

**КЛАССИФИКАЦИЯ ЗООМОРФНОЙ ФИГУРАТИВНОЙ ПЛАСТИКИ КУЛЬТУРЫ
КУКУТЕНИ – ТРИПОЛЬЕ**

КАТЕГОРИЯ

КЛАСС

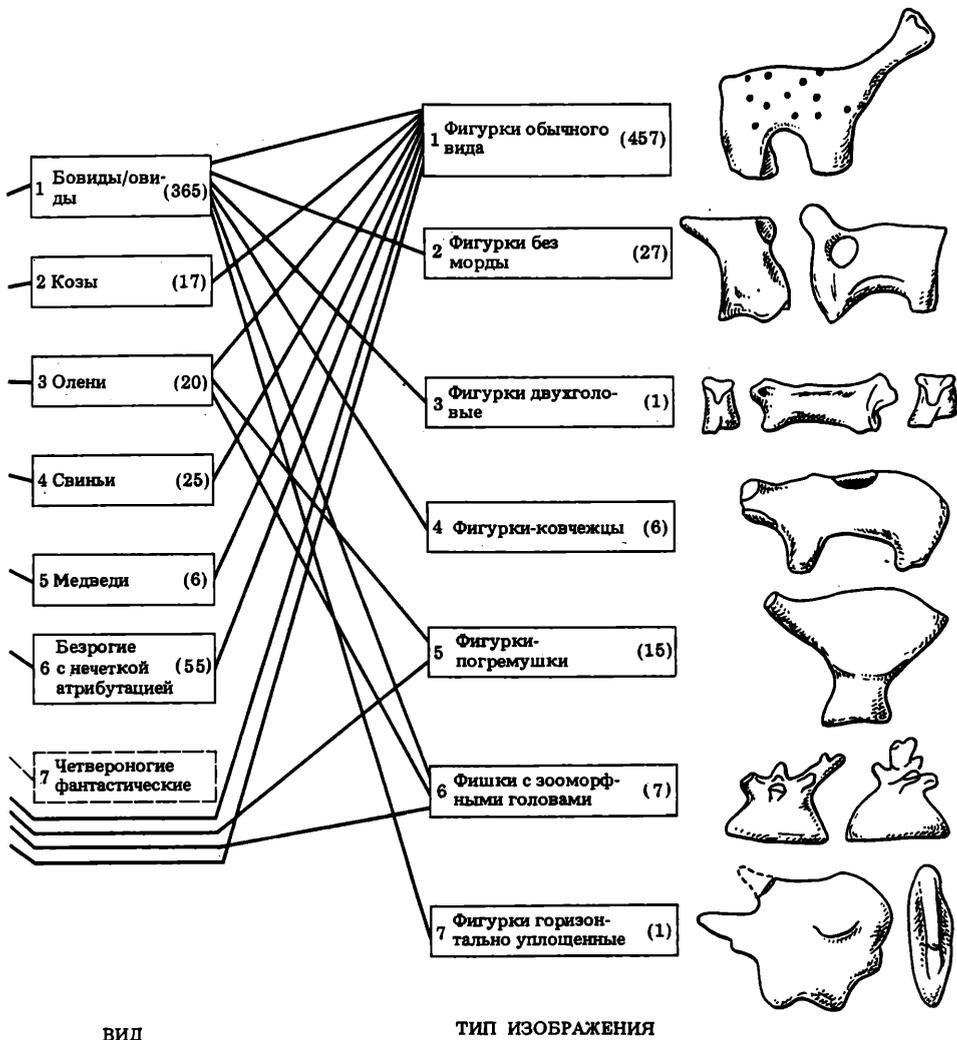
Р и с. 2. Классификация зооморфной фигуративной пластинки культуры Кукутени-Триполье

морфными сосудами. Отнесены к фигуративной пластике, а не к посуде потому, что углубления на их спине малы и не диктуют формы предмета. К этому типу принадлежит 6 изображений бовидов/овидов.

Тип 5 – фигурки-погремушки с небольшими полостями внутри. На трипольско-кукутенских памятниках встречены зооморфные погремушки, имеющие облик оленей, птиц, а также птичьих голов. Всего найдено 15 экз.

Тип 6 – фишки с зооморфными головами. Трипольско-кукутенские фишки бывают с головами баранов, бовидов, оленей, птиц. Известно 8 экз.

Тип 7 – фигурки горизонтально уплощенные. Этот тип представлен единственной статуэткой, скорее всего, бовида. У нее тонкое, плоское, как плитка, тело, морда и ноги изображены в профиль, рога развернуты в фас.

Таким образом, на основании классификации зооморфные фигурки Кукутени - Триполья делятся на 17 разновидностей в соответствии с классами, видами и типами. Еще одну группу составили неопределимые четвероногие статуэтки. Среди них наибольшее число оказалось неопределимо из-за сохранности - 98 экз. Они могли бы относиться к типам 1, 2, 4. Помимо этого, 54 предмета пришлось отнести к неопределимым четвероногим из-за качества иллюстраций. Неопределимые фигурки при оценке состава массива из-за своей малой информативности не рассматривались. Однако для коррекции выводов сведения о них нужны. Такие статуэтки составили 26 % собранных. На Прекукутени приходится 10 экз. (34 % выборки), на Кукутени A_1A_2 - 36 (48), на Кукутени A_3A_4 - 27 (14), на Кукутени АВ - 13 (36), на Кукутени B_1 - 5 (14), на Кукутени B_2 - 36 (24), на Кукутени B_3 - 2 (10), на Триполье C_1C_2 - 11 (13), на Триполье C_2 - 12 экз. (60). При оценке состава массива

ва не рассматривались также отдельные рога, отбившиеся или отвалившиеся от фигурок (поскольку они могли бы равновероятно относиться к нескольким типам и видам). Их количество равно 56 экз.

Из 749 собранных статуэток животных лишь 448 определенных имеют хронологическую привязку и пригодны для выяснения продолжительности бытования выделенных разновидностей кукутенско-трипольской зооморфной пластики. Их распределение по периодам приведено в табл. 2.

Для всех периодов культуры характерно сочетание нескольких разновидностей фигурок, среди которых обязательно присутствуют бовиды/овиды типа I. Причем их доля в выборках с течением времени возрастает. Так, от Прекукутени до Кукутени АВ эта разновидность составляет от 16 до 46 % выборок, а начиная с Кукутени В₁ - от 54 до 85 %. На всем протяжении культуры бытуют также фигурки типа I: коз, оленей, безрогих неясных; погребушки в виде птиц и статуэтки бовидов/овидов типа 2, составляя в выборках незначительную долю. Большинство же разновидностей имеют более узкие хронологические рамки. Некоторые из них встречены только на относительно ранних памятниках. Фигурки птиц типа I присутствуют от Прекукутени до Кукутени А₃, статуэтки свиней - от Прекукутени до Кукутени АВ, бовиды/овиды типа 4 (с ковчезцами) - от Прекукутени до Кукутени В₁. В ряде случаев разновидности фигурок представлены пока в пределах лишь одного периода. Так, единственная погребушка-олень и единственная статуэтка типа 7 относятся к Прекукутени, единственная фигурка рыбы - к Кукутени АВ, погребушка в виде птичьей головы - к Кукутени В₁. Вся известная сейчас серия статуэток медведей датируется периодом Кукутени В₂ и сосредоточена в одном районе, на сушковско-томашевской группе памятников. Можно отметить, что число разновидностей зооморфных фигурок сокращается, начиная с Кукутени АВ и В₁. Показательно, что в ранние периоды (Прекукутени, Кукутени А₁А₂), несмотря на малые объемы выборок, число их выше, чем в более поздние со значительными выборками (Кукутени В₂, Триполье С₁С₂). Поскольку справедливо допущение, что "видовой состав" зооморфной пластики, т.е. набор образов, не случаен и косвенно свидетельствует о значковой нагрузке статуэток, а типы изображений, в свою очередь, о их функциональных различиях, целесообразно проверить вариабельность во времени видов и типов. На всем протяжении культуры присутствуют пять видов животных: бовиды/овиды, козы, олени, смешанная группа безрогих с нечеткой атрибуцией и птицы. Только ранними оказываются изображения свиней. Ограничены одним периодом рыбы (АВ) и медведи (В₂). Типы изображений также распределяются отчетливо. Три из них представлены постоянно - I (фигурки обычного вида), 2 (фигурки без морды), 5 (погребушки). Три типа известны только на ранних памятниках - 3 (двухголовые), 4 (ковчезцы), 7 (горизонтально уплощенные). Тип 6 (фишки) встречаются от Кукутени А₃ до В₁. Видовой состав кукутенско-трипольской пластики выглядит несколько более стабильным, нежели ее типы. Постоянные виды составляют более высокую долю от возможных (5 из 8), чем постоянные типы (3 из 7). Сокращение числа видов происходит на Кукутени В₁, а сокращение числа типов на В₂. С этого времени в крупных выборках число видов и типов соответствует количеству постоянных.

В итоге оказывается, что серией совершенно независимых характеристик подтверждается наличие двух этапов в развитии кукутенско-трипольской зооморфной пластики. Это соотношение в выборках антропоморфной и зооморфной пластики, хронологическое распределение разновидностей, видов и типов последней, изменение во времени доли бовидов/овидов типа I в выборках. Первый этап, приходящийся на Прекукутени - Кукутени АВ, отличает нестабильное соотношение категорий (очень вы-

Т а б л и ц а 2

Распределение во времени разновидностей зооморфных фигурок

В р е м я	К л а с с															Число определенных фигурок	Число представленных разновидностей	Число представленных видов	Число представленных типов фигурок	
	Звери							Птицы					Рыбы							
	Т и п																			
	I			2	3	4	7	5	6			I								
	В и д																			
	бобиды/овиды	козы	олени	свиньи	медведи	бегемоты неясные	бобиды/овиды			олени	птицы	бобиды/овиды	олени	птицы	птицы					рыбы
Прекукутени	5	1	1	3	1		2	I	I	2				I		16	10	6	4	
Кукутени	A ₁ A ₂	12	1	3	3	5	10		3					2		39	6	6	3	
	A ₃ A ₄	70	7	4	10	29	2	I			I		I	2		127	10	6	4	
	AB	7		2	8	1	I			3					I	23	7	6	3	
	B ₁	20	I	2				I		2	4	I				31	7	4	4	
	B ₂	79	4	3		6	9	12								113	6	5	2	
Триполье	B ₃	17		1												18	2	2	I	
	C ₁ C ₂	56	3	2		4	I			5						71	6	5	3	
	C ₂	8														8	I	I	I	
Итого	274	17	18	24	6	49	26	I	6	I	I	12	5	I	I	5	I	446		

сокая доля зооморфной в Кукутени А₃А₄), большое разнообразие фигурок животных (10 разновидностей), присутствие специфических ранних типов, большинство которых широко распространено в неолитических и энеолитических культурах Юго-Востока Европы, низкая доля бовидов/овидов типа I в выборках. Второй этап, охватывающий Кукутени В₁ - Триполье С₂, характеризуется стабильным соотношением категорий, резким сокращением числа разновидностей зооморфных статуэток, минимальным набором их видов и типов, явным преобладанием в выборках бовидов/овидов типа I. Первый из выделенных этапов, видимо, отражает процесс выработки и отбора образно-функциональных стереотипов, что, кстати, подтверждается неизменным присутствием на протяжении культуры пяти видов/классов животных: бовидов/овидов, коз, оленей, безрогих с нечеткой атрибуцией и птиц.

Полученные результаты еще раз позволяют коснуться проблемы интерпретации кукутенско-трипольских зооморфных фигурок. В трипольеведении издавна сложилось представление, согласно которому фигурки изображают в основном домашних животных - стадо. Отсюда вытекало и их прочтение, предполагалась связь с животноводческими обрядами⁸. Впервые усомнилась в правомерности этого тезиса Н.К. Качалова, предположившая, что многочисленные статуэтки бовидов (бовидов/овидов в предложенной классификации) следует связывать с культом быка⁹. Сейчас кажется небезупречным отнесение к изображениям домашних животных даже фигурок копытных, поскольку, по мнению специалистов, экстерьер домашних копытных эпохи энеолита был близок исходным диким формам¹⁰. Установлено также, что набор изображений на памятнике может не соответствовать составу остеологической коллекции¹¹, поэтому непропорционально проецирование их друг на друга при недостатке остеологической информации. Явно противоречат традиционному представлению об образах трипольской пластики статуэтки таких несомненно диких зверей, как медведи и олени. Териоморфные сосуды в виде этих зверей и маркировка посуды с их обликом известны по всему раннеземледельческому ареалу Юго-Восточной Европы. Увязка фигурок бовидов с культом быка также не кажется достаточно убедительной по той причине, что у них варьирует маркировка пола, которая бывает мужской, женской или не обозначенной. Соотношение вариантов маркировки для разных периодов культуры отличается. Поскольку в выборках постоянно несколько классов/видов животных, среди которых есть олени и птицы, очень интересно предположение, высказанное Е.В. Антоновой о том, что зооморфные изображения ранних земледельцев могут являться элементами систем классификации¹². Представляется, что весьма убедительно подтверждает эту гипотезу недавно опубликованный набор фишек из Коновки (Кукутени В₁), состоящий из нескольких десятков простых фишек и семи, завершенных головами. На двух фишках сделаны головы бовидов, на двух - баранов, на одной - оленя, на двух изображения антропоморфны¹³.

1. Погожева А.П. Антропоморфная пластика Триполья. Новосибирск, 1983.

2. У А.П. Погожевой зафиксировано 2120 фигурок, происходящих преимущественно с территории СССР: Погожева А.П. Антропоморфная пластика... Табл. 1-13. Помимо этого, использованы те румынские публикации, в которых брались сведения о зооморфной пластике: Dumitrescu H. La station prehistorique de Rudginoasa // Dacia 1933. T. III-IX. P. 56-87; Dumitrescu V. Une nouvelle station a ceramique peinte du style Cucuteni B // Jbid. P. 115-149; Dumitrescu V. La station prehistorique de Bon-testi // Jbid. P. 88-114; Matasa C. Frumusea. Buc., 1946; Dumitrescu V., Dumitrescu H., Petrescu-Dimbovitza M., Gostar N. Habasessti. Buc., 1954; Vulpe R. Izvoare. Buc., 1957; Berlescu N. Plastioa Cucuteniana din vechile colectii ale muzeului de istorie a Moldovei // AM. 1964. II-III. P. 67-104; Crismaru A. Dragaseni, Botosani, 1977.

3. Dumitrescu V., Dumitrescu H., Petrescu-Dimbovitza M., Gostar N. Habasessti. P. 422.

4. Погожева А.П. Антропоморфная пластика... С. 49.
5. Погожева А.П. Антропоморфная пластика... С. 58-59.
6. Лискун Е.Ф. Экстерьер сельскохозяйственных животных. М., 1949. С. 277.
7. Балабина В.И., Гирник И.П. Зооморфные изображения из Чичирковского поселения // КСИА. 1988. Вып. 193. С. 82-88.
8. Богаевский Б.Л. Орудия производства и домашние животные Триполья. Л., 1937; Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. 1953. № 38. С. 266-270.
9. Качалова Н.К. Изображения быка в пластике трипольских племен // СГЭ. 1977. № 42. С. 31-33.
10. Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Восточной Европы. М., 1970.
11. Perkins D. Fauna from Catal-Hüyük // Science. 1969. Vol. 164, N 3876. P. 177-179.
12. Антонова Е.В. Дикие животные в искусстве древних земледельцев Востока: (К семантике представлений о пространстве) // Центральная Азия. М., 1987. С. 64-75.
13. Шмаглий М.М., Рижов С.М., Дудкин В.П. Трипольське поселення Коновка в середньому Подністр'ї // Археологія. 1985. № 52. С. 42-52.

Н.Н.Гурина

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ КЕРАМИКИ ВЕРХОВЬЕВ ВОЛГИ

На территории верхнего течения р.Волги и связанных с ней систем озер: Волго, Пено, Вселуг, Стерж, Сиг, Глубокое, Салигер, а также оз.Охват и побережья Волги до города Калинина - экспедициями ЛОИА (начальник Н.Н.Гурина) открыто свыше 300 памятников. Среди них - длительные поселения, кратковременные стоянки, мастерские по обработке кремня и места его добычи. Значительное число памятников, подвергшихся широким раскопкам, позволили установить закономерность в расположении разновременных объектов, выявить планиграфию поселений, остатки жилых сооружений, рабочие места мастеров.

Огромное количество орудий, полученных при раскопках, обусловленное наличием легко доступного в древности высококачественного кремня, удивительная стандартизация орудий дали возможность разработать достаточно обоснованную типологию их и выявить последовательность развития. Отчетливая преемственность неолитических форм местным мезолитическим послужила основанием для выделения особой валдайской культуры¹, существовавшей на протяжении мезолита - неолита, свидетельствующей об отсутствии вторжения иноплеменного населения. Полностью развеян миф о "верхневолжских макролитах" как эпохе "бескерамического неолита типа кампинье".

В связи с природными факторами памятники рассматриваемого региона очень редко (только на побережье Волги) имеют четкую вертикальную стратиграфию, поэтому для хронологического членения материала применялось тщательное исследование микрорайонов, позволяющих использовать горизонтальную стратиграфию. Выявление памятников с чистыми комплексами и тщательное наблюдение над стратиграфией находок дали возможность не только отделить мезолит от неолита, но и выявить три хронологических последовательных этапа развития неолита, а также получить некоторые данные об эпохе раннего металла.

Рамки статьи позволяют осветить лишь один из элементов культуры неолитического населения Волговерховья, наиболее подверженный изменениям, - керамику.

Среди открытых и исчерпывающе исследованных памятников есть мезолитические, содержащие чистые комплексы. Их серийность и стабильность типов орудий позволили создать достаточно обоснованные представления о мезолите этого региона в це-

лом. Расположение в непосредственной близости от них поселений неолита с чистыми комплексами дают возможность сопоставить кремневые индустрии в целях уяснения генетической преемственности неолитической эпохи.

На некоторых памятниках с типичным мезолитическим инвентарем встречаются единичные фрагменты неолитической керамики преимущественно одного типа, нередко только от одного сосуда. Существенно, что неолитическая керамика здесь четко локализована в пределах очень небольшого пространства. Такими памятниками являются Нижние Котицы У, Зехново, Зехново III, Ланино, Засыпь II, Голодушка, Залесье I и др. В массе такая керамика обнаружена на поселении Котчище², Котчище II³ (возможно, в прошлом единое поселение). Оно расположено на оз.Мелкое отшнуровавшемся заливе оз.Селигер.

Поскольку Котчище II опубликовано, напомним лишь самое необходимое. Раскоп площадью 180 кв.м полностью исчерпал памятник. Орудия его обладают ярко выраженными мезолитическими традициями. Среди них - короткие сечения (110 экз.), значительная часть которых трапециевидные, неретушированные, но со следами использования, наконечники стрел на пластинах с обработкой черешка и острия со стороны спинки или с брющка, иногда на одной из сторон, заходящей на боковые края, концевые скребки на пластинах правильного ограничения, угловые резцы на пластинах и отщепях, своеобразные нуклеусы. Точно такой же кремневый инвентарь содержали стоянки Девичье на оз.Волго и Заболотье I на оз.Селигер. Их сопровождала такая же керамика. Количество сосудов на обоих памятниках по сравнению с другими поселениями, содержащими более позднюю керамику, относительно невелико.

Во всех случаях примесь служит шамот, глина хорошо отмучена, поверхность, в особенности внешняя, тщательно заглажена, внутренняя имеет крупные расчесы, обжиг сильный, толщина стенок не превышает 0,7 см. Размер сосудов небольшой, устье широкое, диаметр его превышает высоту сосуда (29 и 23 соответственно), днище плавно заостренное, внутри утолщенное, края прямые, равные толщине стенок.

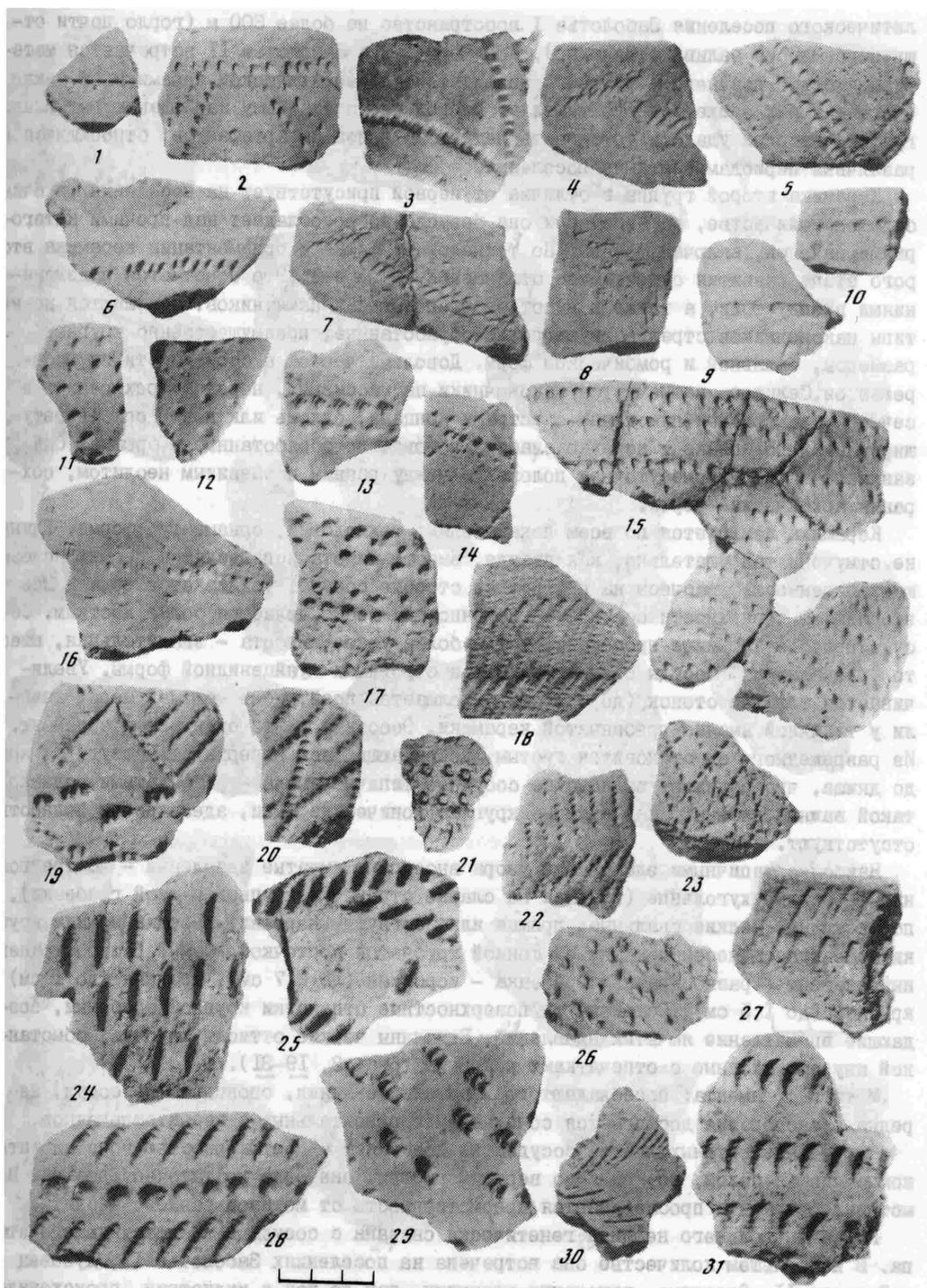
Орнамент поверхностный, разреженный, судя по реконструированному сосуду, концентрируется только в верхней и придонной частях. Элементами узора служат очень мелкие вдавления округлой или подовальной формы, образующие параллельные линии, собранные в неширокие горизонтальные зоны. Изредка край сосуда украшен горизонтальной линией, от которой отходят парные диагональные линии. Очевидно, узор выполнен одним орнаментиром - тонкой палочкой, порой в отступающей манере, а его относительное разнообразие достигается с помощью поворота орнамента (рис. I, I-16).

Указанные черты резко выделяют керамику раннего неолита из сосудов последующих периодов, ее можно отличить от прочей массы даже на ощупь⁴.

Очевидно, к ранней группе, но к более позднему ее этапу относятся и сосуды с несколько менее заглаженной поверхностью, орнаментированные отпечатками тончайшей гребенки (пунктирной), нанесенными вплотную друг к другу. Такие сосуды встречаются в очень малом количестве вместе с первой группой и сопровождаются также архаическими (мезолитическими) типами орудий (рис. I, 18).

Второй этап развития керамики валдайской культуры представлен ее большим количеством, на широко раскопанных памятниках - Залесье II (раскоп 588 кв.м), Дубовец (раскоп 336 кв.м), Заболотье II (раскоп 1432 кв.м), Зехново IV, о-в Кошелев и др.

Поселение Залесье II смыкается с мезолитическим поселением Залесье I, расположенным на более высокой - коренной террасе оз. Селигер. Это позволяет выявить изменения в индустрии обоих памятников. Заболотье II отделяет от ранне-

Р и с. I. Керамика раннего и развитого неолита

1-16 - ранний неолит; 17-31 - развитой неолит; 1, 3, 5, 14, 18, 21, 27, 31 - За-
 лесье П; 2, 4, 7-10 - Котчище П; 6, 19, 24, 25, 28-30 - Заболотье П; 11-13, 16, 17, 20,
 22, 23, 26 - Дубовец; 15 - Зехново Ш

литического поселения Заболотье I пространство не более 300 м (горло почти отшнуровавшегося залива о.Селигер). Помимо того, в Заболотье II встречается материал и более позднего – третьего типа развития неолитической керамики, а также относящийся к эпохе раннего металла. Благодаря тщательному наблюдению над планиграфией находок удалось установить четкую локализацию артефактов, относящихся к различным периодам обитания поселения.

Керамика второй группы в отличие от первой присутствует на поселениях в очень большом количестве, на некоторых она безусловно преобладает над прочими категориями находок, включая отщепы. По технологии, форме и орнаментации керамика второго этапа развития существенно отличается от первой. Это сочетается с изменениями в индустрии, а также в высотном расположении памятников. Появляются новые типы наконечников стрел – двусторонне обработанные, преимущественно крупных размеров, овальной и ромбической форм. Довольно часто, в особенности на побережье оз.Селигер, встречаются наконечники на массивных, нередко трехгранных в сечении, ножевидных пластинах с острыми концами, сплошь или почти сплошь ретушированные по спинке и нередко слабо или вовсе не обработанные с брешка. Они занимают как бы промежуточное положение между ранним и развитым неолитом, сохраняя архаические черты.

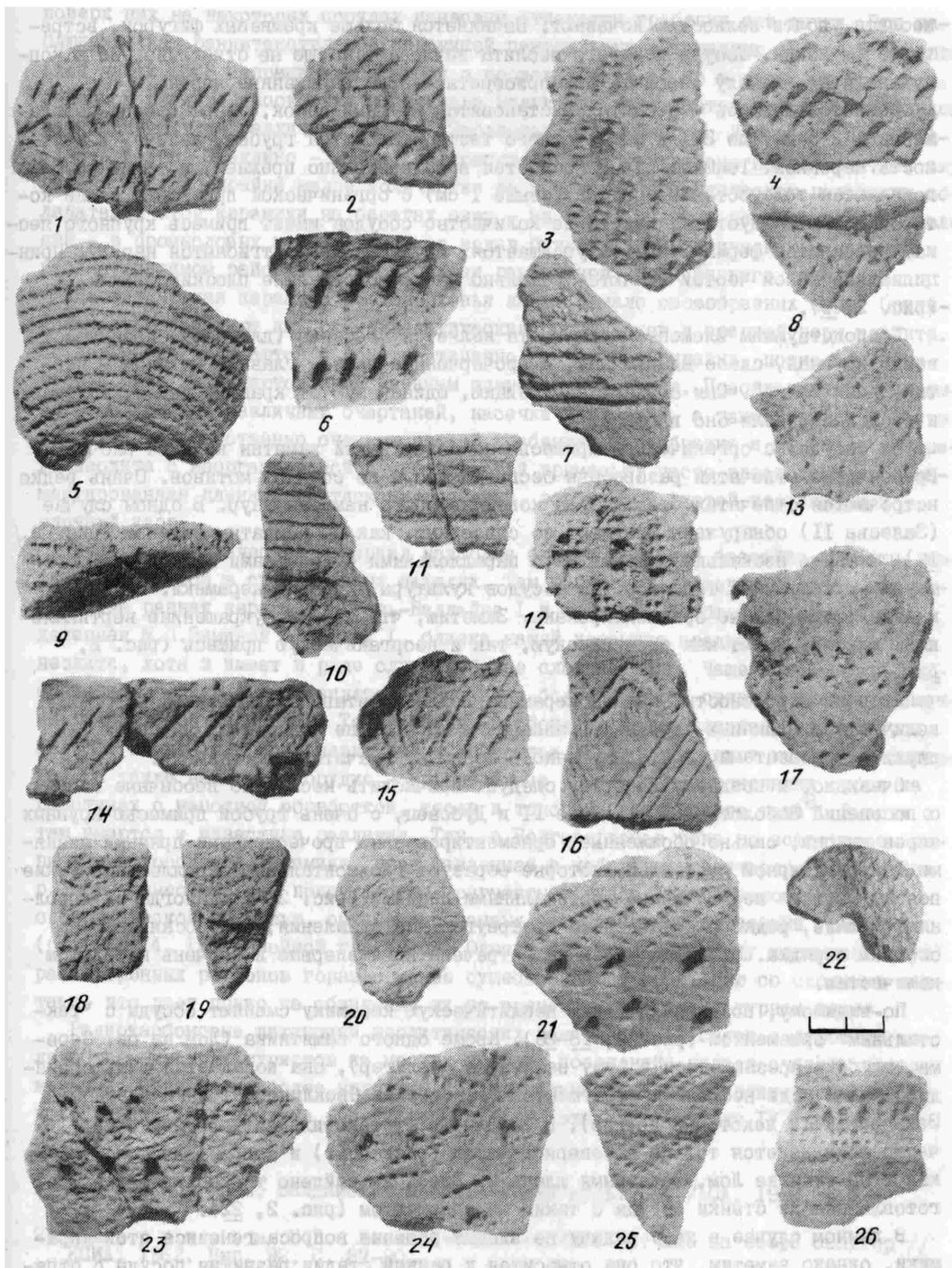
Керамика изменяется по всем показателям: технологии, орнаменту, форме. Глина не отмучена так тщательно, как прежде, вместо шамота используется песок, исчезают залощенность, расчесы на внутренней стороне сосуда, усиливается обжиг. Все это лишает поверхности сосудов заглаженности, тесто делается более жестким. Сосуды приобретают иные пропорции: устье более узкое, высота – значительная, вместо "развалистых" сосуды становятся более стройными – яйцевидной формы. Увеличивается толщина стенок (до 0,9 см), утолщается край, но в меньшей мере, нежели у типичной ямочно-гребенчатой керамики. Особенно резко отличается орнамент. Из разреженного он становится густым, покрывающим всю поверхность сосуда от края до дна, что сближает валдайские сосуды с типично ямочно-гребенчатыми, однако такой важный элемент, как крупные круглые конические ямки, здесь почти полностью отсутствуют.

Наиболее типичными элементами узора выступают ямчатые вдавления – подтреугольные, подчетыреугольные (похожие на слабые отпечатки крупной редкой гребенки), подокруглые, мелкие овальные; прямые или изогнутые нарезки, изредка мелкие кружки, очевидно нанесенные птичьей тонкой трубчатой косточкой. Самый распространенный элемент – разнообразная гребенка – короткая (до 0,7 см), средняя (до 1 см) и крупная (до 1,5 см). Встречаются поверхностные отпечатки крупной гребенки, создающие впечатление ямчатых вдавлений. Единичны четкие оттиски палочки, обмотанной шнуром, сходные с отпечатками раковины (рис. 2, 19–31).

Мотивы орнамента: преобладают горизонтальные линии, опоясывающие сосуд, изредка разнообразие достигается сочетанием горизонтальных и косых отпечатков.

Отсутствие крупных частей сосудов не позволяет с достоверностью восстановить композицию в целом, но, судя по верхним частям, она была достаточно простой. В мотивах орнамента прослеживается преемственность от мотивов раннего неолита.

Керамика позднего неолита генетически связана с сосудами предшествующего этапа. В наибольшем количестве она встречена на поселениях Заболотье II, Дубовец и Залесье II. Очевидно, изменение керамики, так же как и индустрии, происходило постепенно. В это время господствует высококачественная двусторонняя обработка орудий – ретуширование, появляется шлифование кремня. Заметно уменьшается величина наконечников стрел, появляется больше ромбовидных, треугольно-черешковых. Рубящие кремневые орудия – типично валдайские тесла и топоры, характерные для

Р и с. 2. Керамика позднего неолита и раннего металла

I-17 - поздний неолит; 18-26 - ранний металл; 1; 2, 8, 10, 11 - Дубовец;
 3, 4, 12, 13, 17 - Залесье II; 5-7, 9, 14-16, 18-20 - Заболотье II; 21-26 - Лавино

неолита, почти полностью исчезают. Появляется больше кремневых фигурок, встречаются лунницы. Сосуды позднего неолита вычлняются еще не отчетливо, но к концу неолита – началу энеолита они приобретают ярко выраженные черты.

Меняется примесь – отощителем становится крупный песок, кварц (зерна неоглаженные, 2–5 мм) до 30% и выше, отчего тесто становится грубее, жестче, поверхность неровной. Толщина стенок остается приблизительно прежней, в то же время появляются толстостенные сосуды (свыше 1 см) с органической примесью, после которой остаются пустоты. Некоторое количество сосудов имеет примесь крупного песка. Изменяется форма края, он утолщается, иногда слегка отгибается наружу. Принципиально новой чертой являются довольно часто встречаемые плоские днища (рис. 2, 9).

Господствующим элементом орнамента является гребенка (длинная), преимущественно крупная, слабо вдавленная, и прочерченные линии, главным мотивом – вертикальная "елка". Они создают композицию, одинаковую от края до дна, включая и последнее, если оно плоское.

На сосудах с органической примесью на поверхности заметны крупные расчесы. Гребенчатые отпечатки разбросаны беспорядочно и не создают мотивов. Очень редко встречаются отпечатки стержня, на конец которого намотан шнур. В одном случае (Залесье II) обнаружены фрагмент со сдвоенным, как бы рамчатым штампом (рис. 2, 12), а также несколько фрагментов с параллельными отпечатками мелкоперевитого шнура – украшение, типичное для сосудов культуры шнуровой керамики. Наконец, многие фрагменты не орнаментированы. Заметим, что сосуды, украшенные вертикальной "елкой", имеют как органическую, так и неорганическую примесь (рис. 2, I–II).

По всей вероятности, именно керамика позднего этапа сопровождается большим количеством глиняных стержней, назначение которых не ясно. Едва ли они могли служить орнаментами, поскольку некоторые имеют значительный диаметр.

Очевидно, к позднему же этапу следует причислить несколько необычные сосуды с поселений Заболотье II, Залесье II и Дубовец, с очень грубой примесью крупных зерен кварца, сильно обожженные, орнаментированные прочерченными прямыми линиями или пунктирной гребенкой, которые образуют горизонтальные параллельные узкие пояса, местами пересеченные вертикальными линиями (рис. 2, 7). Иногда их дополняют мелкие, редко расставленные подтреугольные вдавления, разбросанные без особого порядка. Подобная керамика встречена нами впервые и в очень небольшом количестве.

По-видимому, поздневалдайскую неолитическую керамику сменяют сосуды с "текстильным" орнаментом (рис. 2, 18–26). Кроме одного памятника (Лом на оз. Серема, глубоко врезающегося в сушу залива оз. Селигер), она попадает лишь sporadически, в виде нескольких фрагментов (мастерская Свеклино, стоянки Ланино, Зехново III и некоторые другие). В Заболотье II текстильная керамика очень четко локализуется только в северной части (раскоп II) и сопровождается, так же как и на стоянке Лом, железными шлаками. Здесь же найдено тонкое пряслице, изготовленное из стенки сосуда с таким же орнаментом (рис. 2, 22).

В данном случае в нашу задачу не входит решение вопроса генезиса этой керамики, однако заметим, что она относится к ранней стадии развития посуды с отпечатками ткани. В ряде случаев в качестве отощителя к глине использованы органика или очень небольшое количество мелкого песка, отчего поверхность сосудов как бы мягкая, приятная на ощупь, имеет очень слабые расчесы.

Край преимущественно прямой, лишь некоторые сосуды имеют слабо выраженную шейку, отпечатки ткани неотчетливы (очевидно, это ложнотекстильный орнамент),

поверх них на некоторых сосудах нанесены отпечатки гребенки или тычки. При наблюдении над раннепетлистой керамикой центральных и западных областей европейской части СССР напрашивается вывод о происхождении ее не в одном центре, а в обширном регионе. Поскольку в верховье Волги она наблюдается на ряде памятников, расположенных на различных озерах: Заболотье II - Селигер, Дубовец - Пено, Ланино - Волго, Свеклино - Волго, ее присутствие в этом районе нельзя считать случайным. Однако крайне малое количество ее говорит о спорадическом появлении обладателей этой керамики на берегах озер - на месте прежних неолитических поселений - в промысловых целях. Одной из задач будущих археологических изысканий в рассматриваемом районе являются поиски памятников эпохи раннего металла.

Неолитическая керамика Волговерховья имеет немало своеобразных черт. Оригинальностью обладают как ранне-неолитические сосуды, так и средней поры неолита. Последние не включаются в понятие типично ямочно-гребенчатых, поскольку конические ямки не являются существенным элементом ее узора. Преобладают мелкие ямчатые вдавления различных очертаний, насечки и нарезки, а также довольно часты оттиски преимущественно очень короткой гребенки. Своеобразна и керамика позднего неолита с неорганической и органической примесью, часто плоскодонная, орнаментированная длинными оттисками гребенки, образующей густой вертикальный елочный узор.

В целом керамический материал наиболее близок керамике бассейна р. Мсты, хотя и отличается в существенных деталях. Там также присутствует в небольшом количестве ранняя керамика в Усть-Валдайке I и Репище⁵. В общем, керамика, выделенная М.П.Зиминой в группу I, близка нашей керамике средней и поздней поры неолита, хотя и имеет в ряде случаев более сложный узор. Чаще встречаются глубокие конические ямки, свидетельствующие о более близкой связи с типичной ямочно-гребенчатой керамикой. Тождественны в обоих регионах глиняные стержни⁶, в большом количестве представленные в Заболотье II, присутствуют кремневые фигурки⁷, а также некоторые орудия - оригинальные удлиненные наконечники стрел на пластинах с неполной обработкой, тесла и топоры валдайского типа⁸. Вместе с тем имеются и известные различия. Так, в Волговерховье пока не встретилась типичная волосовская керамика, представленная в небольшом количестве в бассейне р. Мсты, вместе с тем присутствуют фрагменты сосудов "волосовского времени" - с органической примесью, орнаментированные бессистемными оттисками гребенки (рис. 2, 14, 15), двойной гребенкой. Однако эти различия между керамикой двух рассматриваемых регионов гораздо менее существенны по сравнению со сходными чертами, что дает право на сближение их во времени и в этнокультурном плане.

Радиоуглеродные датировки неолитических памятников (в связи с огромным количеством костров туристов на местах древних поселений) нельзя считать достоверными. Судя по наиболее надежным датам, полученным для мезолитических стоянок, ранний этап неолита, по-видимому, можно отнести к началу IV тысячелетия до н.э.

1. Г у р и н а Н.Н. Валдайская неолитическая культура // СА. 1958. № 3. С. 31-45.
2. Г а в р и л о в а И.В. Неолитическая стоянка Котчище на озере Селигер // КСИА. 1962. Вып. 92. С. 87-90.
3. Г у р и н а Н.Н. К вопросу о раннем неолите Верхнего Поволжья // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. С. 84-94.
4. Г у р и н а Н.Н. Неолитическая стоянка Щепочник (к вопросу о происхождении валдайской культуры) // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 150-157.
5. З и м и н а М.П. Неолит бассейна р. Мсты. М., 1981. Табл. 35, 13-16; 14, 3, 4.

6. З и м и н а М.П. Неолит... Рис. 10.
 7. З и м и н а М.П. Неолит... Рис. 18.
 8. З и м и н а М.П. Неолит... Табл. 15, 17, 29; 22, 9, 12, 13; 54, 7.

М.Д.Хлобыстина

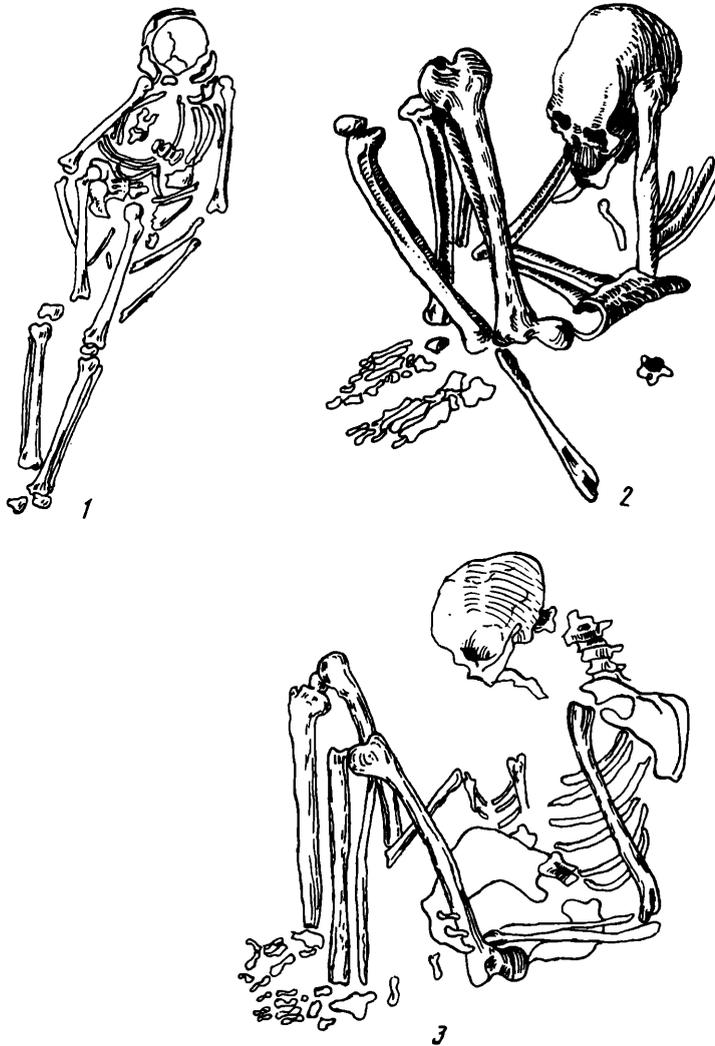
"СИДЯЧИЕ" ПОГРЕБЕНИЯ КУЛЬТУР СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

Феномен погребения в позе сидя относится к редким разновидностям погребального ритуала, связанного со специфичными формами обрядовой практики первобытных коллективов. Однако "сидячие" погребения, известные в широком культурном и территориально-хронологическом диапазоне Северной Евразии (верхний палеолит - бронзовый век), не являлись предметом специального изучения.

Древнейшие "сидячие" погребения можно обнаружить на стоянках Костенки II и XV верхнепалеолитической констанковской культуры (Среднее Подонье, 23 000 лет до наших дней)¹. Так, в Костанках II была сооружена овальная в плане погребальная камера из костей мамонта, непосредственно примыкавшая к синхронному по времени жилищу. Погребен мужчина в возрасте старше 50 лет (по М.М.Герасимову) в сидячей скорченной позе, лицом на юго-восток. Спина и левым боком он упирался в вертикально поставленный череп мамонта со следами возжигания огня. Отметим, что как "сидячая" поза умершего, так и ориентировка ассоциируются с архаичной ритуальной практикой одного из древнейших палеоазиатских этносов, нганасан². В целом данный комплекс, судя по единичности и экстраординарному ритуалу, имел, очевидно, сакральный характер. В Костанках XV была вырыта грунтовая могила, располагавшаяся у западного края жилища, ниже уровня пола (либо если вне жилища, то ниже культурного слоя); перекрытие в виде четырехугольной плиты, вырубленной из лопатки мамонта. Погребен ребенок (мальчик?, по В.П.Якимову) в возрасте 5-6 лет, в сидячей скорченной позе, лицом на запад. На черепе убор из 150 просверленных зубов песка, в инвентаре "мешочек" с кремневыми изделиями и нож, помещенный на желтую глину, заполнявшую округлое углубление. Очевидно, перед нами имитация очага, причем характерный цвет глины воспроизводит, не исключено, пламя от горящих костей животных, типичного топлива стационарных стоябищ верхнего палеолита. Данный комплекс выступает древнейшим стадийным предшественником как известных детских жертвенных погребений типа Луки Врублевской, так и ритуала моделей очагов, распространенных, в частности, в неолите Северной Евразии³.

Основное количество "сидячих" погребений можно обнаружить в культурах Северной Евразии эпохи неолита - бронзового века. Так, в неолитическом днепро-донецком могильнике Деревинка I (Поднепровье), на завершающем этапе "С" (вторая половина IV тысячелетия до н.э.), совершенно единственное "сидячее" погребение 4I⁴. В грунтовую могилу помещен мужчина в возрасте 45-55 лет в позе сидя с вытянутыми нижними конечностями, лицом на юго-юго-запад; в инвентаре пластинка мариупольского типа из клыка кабана и сосуд типа Средний Стог I. Погребение входит в территориальный комплекс захоронений исключительно мужчин и детей (подростков), сформировавшийся вокруг групповой могилы 42-45, являясь, по-видимому, единственным "сидячим" погребением во всем днепро-донецком ареале.

В позднэнеолитическом могильнике на стоянке Абора I (Латвия, XIX-XVIII вв. до н.э.), совершены два "сидячих" погребения⁵. Ранний комплекс 4 включал женщину в позе сидя с вытянутыми нижними конечностями, лицом обращенную на северо-северо-восток; в инвентаре костянная трапецевидная подвеска и два просверленных зуба

Р и с. I. "Сидячие" погребения неолита и бронзового века
 I - Абора I, погребение 4; 2 - Ленковка, погребение 3;
 3 - Усть-Белая, погребение I

диких животных (рис. I, I). Погребение не изолировано, но входит в состав группового, разнополого, последовательно сформировавшегося комплекса № 6, 4, 3, 7, где, не исключено, является парным к вытянутому на спине погребению мужчины с "максимальным" инвентарем (№ 3). Более позднее погребение 58 в позе сидя также входит в групповой, разнополый (?) комплекс № 59, 58, 56, 57 и совершенно вторым. По аналогии с вышеназванным вероятно женский пол субъекта этого безинвентарного "сидячего" погребения. Обратим внимание на примечательную параллель "сидячим" погребениям Аборы I, свидетельствующую, как представляется, о нерядовом статусе, который спорадически был присущ женщинам в обществе охотников и рыболовов неолита.

тических культур Северной Евразии. Таковы "сидячие" погребения женщин в составе групповых, разнополых, последовательно сформировавшихся комплексов в пренеолитических могильниках Тевьек "К"/5 и Гёдик, "Н", в "сидячих" позах и с обильными украшениями (Французская Бретань, острова залива Морбиган, У тысячелетие до н.э.)⁶.

В постмаркипольском культурно-территориальном комплексе ранней фазы северо-причерноморского энеолита (так называемая "группа вытянутых") ритуал "сидячего" погребения крайне редок. Тем более обращает на себя внимание одно из древнейших (вторая половина IY тысячелетия до н.э.) погребений, № 14, совершенное в основании кургана 7 могильника Койсуг (Нижний Дон)⁷; "сидячего" взрослого субъекта сопровождали кремневый нож-скребок, раковина, а также прямоугольный глиняный "алтарь", покрытый красной краской. Экстраординарность позы в сочетании с сакральным предметом инвентаря позволяет предполагать культовый статус умершего субъекта, пол которого, к сожалению, не определен.

В могильниках среднестоговского культурно-исторического комплекса, на ранних стадиях синхронного, но в основном наследующего памятникам "группы вытянутых" (Поднепровье, конец IY - рубеж IY-III тысячелетий до н.э.), привлекает внимание серия энеолитических "сидячих" погребений⁸. В могильнике Деревка II единственное "сидячее" погребение принадлежало взрослому субъекту, захороненному совместно с подростком в грунтовой могиле II-12⁹, ноги согнуты в коленях, руки сложены на животе, у таза обломок мотыги-молота. Судя по инвентарю, предполагаем мужской пол взрослого субъекта, причем комплекс в целом примечательно аналогичен неолитическому комплексу из Караваяхи¹⁰. В кургане 5 могильника Койсуг древнейшие погребения 23 и 27 содержали "сидячих" взрослых неизвестного пола; одного субъекта сопровождал сосуд типа раннего Среднего Стога II¹¹. Отметим также "сидячие" погребения могильника Игрень 8 на известном своими древностями днепровском полуострове¹²; два из восьми индивидуально захороненных взрослых субъектов помещены в позу сидя, в инвентаре характерны среднестоговские крупные ножи на пластинах, что позволяет предполагать мужской пол умерших. Наконец, на южной периферии позднего среднестоговского могильника Александрия в округлых грунтовых могилах совершены "сидячие" скорченные погребения № 41, 43, 44 без инвентаря¹³. Создается впечатление, что в данном случае ритуал "сидячего" погребения не был вызван высоким прижизненным статусом умерших субъектов (подобно Деревке II), а связан с особыми обстоятельствами гибели захороненных.

Обращаясь к культурам развитого энеолита - ранней бронзы, отметим, что в различных регионах древнейшей культурно-исторической области¹⁴ можно обнаружить хотя и в незначительном числе, "сидячие" погребения. Так, в нижнеповолжском регионе у хут. Степана Разина в кургане I погребение 16 содержало "сидячее" захоронение подростка (?) с обильной охрой, без инвентаря, наиболее позднее в небольшом подкурганном кладбище (20 - мужчина, 17, 19 - дети)¹⁵. В этом же регионе курган 5/22 могильника Бережновка I содержал погребение мужчины в "сидячей" скорченной позе с восточной ориентировкой; в инвентаре этого основного подкурганного комплекса характерный раннеямный сосуд "воротничкового" типа¹⁶. В приуральском регионе привлекают внимание "сидячие" погребения могильника Увак¹⁷. Таков основной комплекс кургана 2/5 с погребением мужчины, совершенным в обширной грунтовой могиле, сплошь обложенной корой и травой, с перекрытием из жердей и травы; в инвентаре отщеп и бусина из мела. В кургане 7 основное ямное захоронение оказалось нарушено впускным, "сидячим", что, заметим, является сугубой редкостью для древнеямного ритуала. Погребен мужчина в возрасте 45-50 лет с

обильной охрой, с головой, присыпанной под охрой еще и мелом, ориентированный на северо-восток; непосредственно у костяка остатки окрашенного дерева. Наконец, в западном древнеямном регионе на территории Дунайско-Днестровской акватории в кургане 6/4 у с.Заречного¹⁸ умерший взрослый субъект был "посажен" в могильную камеру таким образом, что его лицо обращено на восток. Древнеямные могилы являлись древнейшими в данном подкурганном комплексе. В Нижнем Поднепровье, в курганном комплексе у С.Александровка¹⁹, где древнеямные погребения древнейшие в курганах, обнаружен редкий для данного культурного комплекса феномен детско-взрослого группового захоронения: ребенок в позе сидя сопровождал парное разнополое погребение. Еще одно "сидячее" погребение назовем для крайнего восточного ареала раннескотоводческих культур древнеямного круга: в Уйбат-Хултане на р.Абакан, притоке Енисея (Отроги Саян), в каменном ящике совершено парное захоронение, где мужчина в скорченной "сидячей" позе, без инвентаря, женщина - в вытянутой, с игольником и мраморным шариком-подвесом²⁰.

В целом отметим малое количество "сидячих" древнеямных погребений и преобладание среди них именно мужского и детско-подросткового половозрастного компонента²¹. Показательно совершение подобных погребений в основании подкурганых кладбищ, в сильной охре, в обширных могилах, что может свидетельствовать о неординарном прижизненном статусе захороненных в них субъектов либо определенной культовой роли малолетних индивидов.

"Сидячие" погребения катакомбной культурно-исторической области встречаются как сугубое исключение, что, не исключено, связано с объективными особенностями погребального ритуала - своеобразной формой могильной камеры, делавшей затруднительным совершение захоронения в позе сидя. Тем примечательнее ряд "сидячих" погребений из восточных, заволжских рубежей катакомбного культурного ареала Евразийского степного пояса, совершенных в прямоугольных грунтовых могилах. В этой связи привлекают внимание "сидячие" погребения могильника Быково I²². В кургане I5 могилы I и 2 древнейшие для подкурганного кладбища. В погребении 2 - мужчина в позе сидя; в инвентаре кинжал (копье?), шило, отщепы, кусок серы и кости ног лисы. В погребении I - подросток "посажен" на слой золы и обсыпан золой; в инвентаре подвеска-амулет и I2 астрагалов (последние могут свидетельствовать о мужском поле умершего). В кургане I6/I2, в основном погребении, в обширной камере со ступенчатым входом помещен молодой мужчина в позе сидя, в сильной охре, окруженный слоем угля и золы; в инвентаре кости лошади и овцы. Как можно заметить, названные "сидячие" погребения принадлежат субъектам мужского пола, причем их неординарность оказывается подчеркнута не только редкой "сидячей" позой, но также признаками огневого ритуала и составом инвентаря. Наконец, весьма своеобразно "раннебронзовое" групповое захоронение из Бахчисарая (Крым)²³. Комплекс включал две могилы: в 6, центральной, мужчина-доминант в позе сидя, в 7, сопровождающей, две женщины с детьми и мужчина-"раб". Авторы раскопок полагают, что перед нами "ритуал эпохи развившихся патриархальных отношений, когда погребение главы семьи сопровождалось умерщвлением женщин и детей".

Редкий феномен группового "сидячего" погребения можно обнаружить в абашевских древностях Мало-Кызыльского II могильника (Южный Урал, первая половина II тысячелетия до н.э.): в кургана 2/2 помещены четыре костяка взрослых субъектов с "антитезной" ориентировкой СВ - ЮЗ; умершие в обильной охре, без инвентаря²⁴. Не исключено, что разность ориентировок связана с половыми различиями и мы имеем в таком случае два дарных разнополюх (?) комплекса.

В погребальных ритуалах культур шаровидных амфор, представленных на западных рубежах территории страны в двух вариантах, прикарпатском и волынском (вторая половина III тысячелетия до н.э.), исследователи отмечают "сидячие" погребения мужчин, носящие ярко выраженный престижный характер²⁵. Так, для подольского варианта типична каменная гробница из с.Хартоновцы с групповым, последовательно совершенным захоронением: три женщины (одна с ребенком), все в позе вытянуто на спине, и мужчина, погребенный последним в позе сидя поверх костяка молодой женщины. В инвентаре три амфоры, два кремневых топора, четыре костяные поясные орнаментированные пряжки. В волынском варианте мужчины-доминанты помещались в позе сидя в каменные гробницы с числом погребенных до 10 субъектов. Таковы комплексы из сел Колодяжье и Суэмцы Житомирской области: у ног "сидячего" мужчины размещены костяки женщин и детей. Аналогичные по своему социальному звучанию памятники можно обнаружить и на Тернопольщине²⁶. В целом в названных памятниках ритуал "сидячего" погребения приобретает, подобно Бахчисарайскому комплексу, черты, связанные с развитием процесса ранней социальной дифференциации в наиболее развитых обществах ранних скотоводов и земледельцев. Исключительность прижизненного статуса мужчины, возглавлявшего "большую" семью или общину, предопределяла и экстраординарность посмертного ритуала.

В развитом бронзовом веке восточного региона Евразийского степного и лесостепного пояса, в андроновской культурно-исторической области, ритуал "сидячего" погребения получил некоторое распространение в могильниках Центрального Казахстана на поздних стадиях развития андроновского ареала (конец II тысячелетия до н.э.). Так, в могильнике Канаттас ограда II²⁷ содержала два каменных ящика: в южном "сидячее" погребение взрослого субъекта, в инвентаре сосуд; в северном — останки кремации, без инвентаря. Не исключено, что разность ритуала захоронения в этом биритуальном комплексе свидетельствует о разнополости умерших субъектов. В могильнике Сангру (Сангунр) II "сидячее" погребение взрослого (мужчины) совершено в одиночной плитняковой цисте ограды 4; в инвентаре два вазовидных сосуда²⁸. В могильнике Балакулболды II "сидячее" погребение взрослого (мужчины?) совершено в каменном ящике ограды 9 лицом на запад; в инвентаре узорчатый сосуд²⁹. В могильнике Бугулы II единственное погребение кургана 6³⁰ совершено в плитняковой цисте, увенчанной пышной конструкцией из двойной ограды и насыпи; взрослый (мужчина?) "посажен" лицом на запад, инвентарь отсутствует. Примечательно распространение названных "сидячих" погребений в рамках развитого андроновского бегазы-дандыбаевского культурного комплекса, характеризовавшегося процессом начальной социальной дифференциации в обществе пастушеских скотоводов.

В Прибайкалье, в глазковском культурно-территориальном комплексе Приангарья и Верхоленья, ритуал "сидячего" погребения встречен неоднократно (энеолит — ранняя бронза, вторая половина II тысячелетия до н.э.): таковы комплексы из Пономарева, I4, Пади Частые, 2, Ленковки, 2 (?) и 3, Усть-Белой, I, Обхоя, наконец, в могильнике Шумилиха преобладает поза сидя³¹ (рис. I, 2, 3). Перед нами пример того, как ритуал "сидячего" погребения, будучи в предшествующей, китойской культуре исключительным (Ярки, могила мужчины—"жреца", Рютино, могила мужчины—"умельца")³², входит в погребальную практику.

Таким образом, можно заключить, что изучение своеобразных "сидячих" погребений, преимущественно мужских, связано, очевидно, с вопросами архаичных форм зарождающегося культа предков и в целом с проблемами социально-идеологических структур первобытности.

1. Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона // МИА. 1963. № 121. С. 48, 50, 52-64. Рис. 35, 36; Герасимов М.М. Основы восстановления лица по черепу. М., 1955. С. 237; Рогачев А.Н. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. 1957. № 59. С. 109, 111. Рис. 56; Якимов В.П. Население Европейской части СССР в позднем палеолите и мезолите // Вопросы антропологии. М., 1961. Вып. 7. С. 24.
2. Грачева Г.Н. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. Л., 1983. С. 4, 123, 125.
3. Бибиков С.Н. Раннетрипольское поселение Лука-Врублевская на Днестре // МИА. 1953. № 38. С. 194; Цветкова И.К. Ритуальные "клады" стоянки Валодары // Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975. Она же. Черноморский неолитический могильник // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985. С. 88, 89. Рис. 2, 2; Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары (от Шукино до Бурети). Новосибирск, 1974. С. 139-142.
4. Телегин Д.Я., Жидяева С.И. Деревский неолитический могильник // Археология. 1964. Т. XVI. С. 158. Рис. 4, 8; Телегин Д.Я. Раскопки в Ясиноватке (о периодизации могильников мариупольского типа) // СА. 1988. № 4. С. 17.
5. Дозе И.А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979. С. 44, 45. Рис. 38, 39, 41; Табл. 5.
6. Reuquart M., Reuquart St., = J., Bouhli M., Vall'lois H. Tevies. Archive de l'Institute de paleontologie Humaine. P., 1937. P. 18; Reuquart M., Reuquart St. = J. Hoedio. Anvers, 1954.
7. Максименко В.Е., Кореняко В.А., Горбенко А.А. Исследования в дельте Дона // АО 1970 г. М., 1971. С. 99.
8. Телегин Д.Я. Середньо-Стогівська культура епохи міді. Київ, 1973. С. 104.
9. Там же. С. 48. Рис. 16, 3, 28, 1.
10. Брюсов А.Я. Караваевский могильник и стоянка // Тр. ГИМ. М., 1941. Вып. II.
11. Телегин Д.Я. Середньо-Стогівська культура... С. 103, 126.
12. Телегин Д.Я., Зализняк Л.Л. Раскопки на Игрэнском полуострове // АО 1974 г. М., 1975. С. 359.
13. Телегин Д.Я. Середньо-Стогівська культура... С. 112.
14. Мерперт Н.Я. Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы (III - начало II тыс. до н.э.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968.
15. Мерперт Н.Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы Юга Европейской части СССР. Киев, 1967. С. 95.
16. Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60. С. 72. Рис. 14, 3.
17. Федорова-Давыдова Э.А. Приуральская группа памятников ямной культуры // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 47; Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974. С. 90; Смирнов К.Ф. Древняя культура в Оренбургских степях // Новое в советской археологии. М., 1965. С. 156, 158. Рис. 1, 2.
18. Суботин Л.В. Работы Дунай-Днестровской экспедиции // АО 1960 г. М., 1981. С. 311.
19. Марина Э.П. Работы Самарского отряда // АО 1979 г. М., 1980. С. 301.
20. Кызласов Л.Р. Афанасьевские курганы на реках Уйбат и Бурь // СА. 1962. № 2. С. 117, 118. Рис. 6.
21. Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Горного Алтая // СА. 1976. № 1. С. 21.
22. Смирнов К.Ф. Быковские курганы // МИА. 1960. № 78. С. 211, 212, 217.
23. Крис Х.И., Веймарн Е.В. Курганы эпохи бронзы близ Бахчисарая // КСИА. 1961. Вып. 71. С. 65, 68, 70. Рис. 16, 18, 1.
24. Сальников К.В. Археологические исследования в Курганской и Челябинской областях // КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 94.

25. Стародавние населения Прикарпаття і Волині. Київ, 1974. С. 152-158. Рис. 39; Свешников И.К. Работы Западно-Подольской экспедиции // АО 1967 г. М., 1968. С. 200.
26. Малеев Ю.Н. Мегалитические гробницы на Тернопольщине // Археологія. 1971. № 2.
27. Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966. С. 85. Рис. 22.
28. Кадырбаев М.К. Могильник Сангуыр II // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1961. Т. 12, С. 56, 58. Рис. 8. Табл. III, 1, 2.
29. Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1979. С. 53.
30. Маргулан А.Х. и др. Древняя культура... С. 192.
31. Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары... С. 95-97, 129, 130, 142. Рис. 12, 24. Табл. 108, 109, 175; Он же. Неолитические памятники Средней Ангары (от устья р. Белой до Усть-Уды). Новосибирск, 1975. С. 10. Табл. I; Бронзовый век Приангарья. Могильник Шумилиха. Иркутск, 1961.
32. Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары... С. 58, 59; Он же. Неолитические памятники Средней Ангары... С. 133.

В.П. Шилов

ЕЩЕ РАЗ О ПОГРЕБЕНИЯХ ЛИТЕЙЩИКОВ КАЛИНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

В 1952 г. в Кургане 8 Калиновского курганного могильника нами было обнаружено погребение 42 литейщика с набором глиняных форм для отливки вислообушных топоров с глиняными вкладными для получения отверстий в проушинах. Также найдены: двухсторонняя глиняная форма для отливки заготовок металлических изделий, два глиняных тигля со следами употребления, каменный пест с ручкой, глиняные миниатюрный сосудик баночной формы и четыре орнаментированных сошла, отщеп кремня, створка раковины *unio*, обломки кальцинированных костей животных.

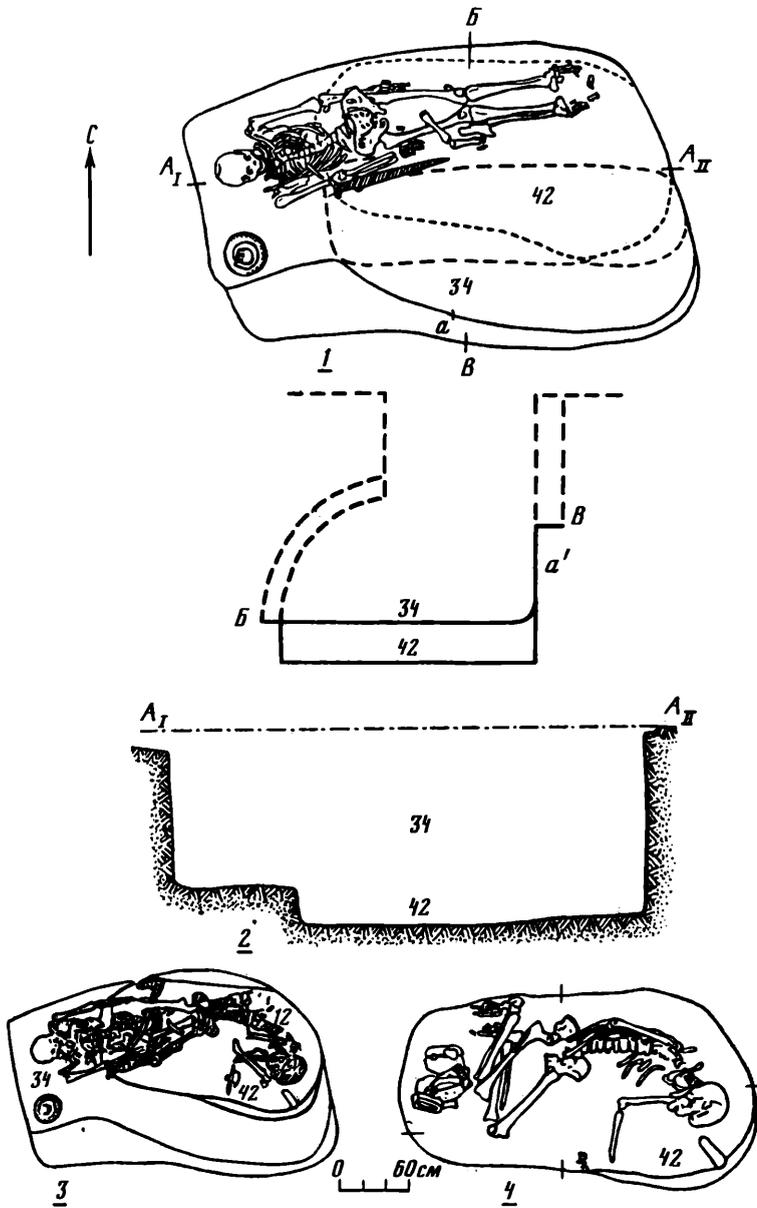
Это захоронение мною было датировано около XV в. до н.э., и я связал его с погребениями позднелатвийской ступени или срубной культуры¹. Позднее Н.К. Качалова датировала это захоронение полтавкинским периодом XVII в. до н.э.²

В настоящее время появились некоторые новые данные для пересмотра культурной принадлежности этого интересного памятника. Переходим к их рассмотрению.

Костяк погребения 42 находился под дном камеры раннесарматского погребения 34, ниже на 0,15 м. Южнее обеих камер этих подбойных могил, расположенных друг над другом, несколько смещенных по линии запад - восток, выявилась следующая картина (рис. I, I). В западной части входной ямы погребения 34 сохранилась ступенька высотой 0,20 м и длиной 0,54 м. Восточнее большая часть ее была вырвана в засыпи входной ямы более раннего погребения 42. От нее по всей длине и высоте сохранилась та же ступенька на ширину 0,1-0,15 м (рис. I, I). На месте восточной части ступеньки во входной яме погребения 34 четко прослежен южный край входной ямы погребения 42 в виде овального выреза в ступеньке 34, который соответствовал по длине камеры погребения литейщика 42³. Выше над камерой лежали кости ноги скорченного погребения 12 (рис. I, 3). Ширину входных ям обоих погребений не удалось проследить, не была выявлена ранее и форма погребального сооружения 42 - подбойная могила (рис. I.).

Можно с уверенностью утверждать, что погребение 42 было совершено в подбойной могиле, входная яма которой сильно повреждена более поздней могилой 34. Особенно пострадала северная стенка входной ямы 42 (рис. I, 2).

В камере 42 покоился костяк мужчины на левом боку, сильно скорченный, головой на юго-восток-восток. Шейные позвонки вместе с черепом несколько "выдвину-

Р и с. I. Погребения Калиновского могильника, курган 8
 1, 2 - план и разрез могилы с погребениями 34 и 42 (лж-
 тейщика); 3 - план погребений 34 и 42; 4 - план погребения
 42

ты" вперед. Кисть левой руки, согнутой в локте под прямым углом, лежала у южной стенки камеры, а кисть правой покоилась на тазовой кости. Череп погребенного носил явные следы искусственной деформации. В.В.Гинзбург исследовал этот череп и дал следующую характеристику: "Мужчина зрелого возраста. Сломанный крупный череп с высокой лобно-затылочной искусственной деформацией. Антропологический тип - европеоидный, степной, долихокраний в основе".

Близкая диагностика дана В.В.Гинзбургом и для трех других костяков с искусственно деформированными черепами того же Калиновского могильника из кургана 8, погребение 28, костяками 1, 2 и 3 - кургана 10, погребение 6⁴.

Характерно положение костяка 42: на левом боку скорченно, головой на юго-восток-восток, как и положение рук (рис. 1, 4). Резкий изгиб левой руки под прямым углом и вытянутой кистью к южному краю подбоя известен как в погребениях предкавказской катакомбной культуры, так и в срубных захоронениях⁵.

Таким образом, в погребальном обряде захоронения 42 сочетаются подобная форма могилы, искусственная деформация черепа, специфическое положение костяка и ориентировка погребенного. Эти черты не свойственны обряду захоронения полтавкинской ступени. Не менее важным и решающим для определения времени этого погребения является наличие в инвентаре миниатюрного баночного сосуда срубной культуры, который я некогда ошибочно определил как тигелек. Внутри сосуда не было обнаружено следов металла (рис. 2, 5)⁶.

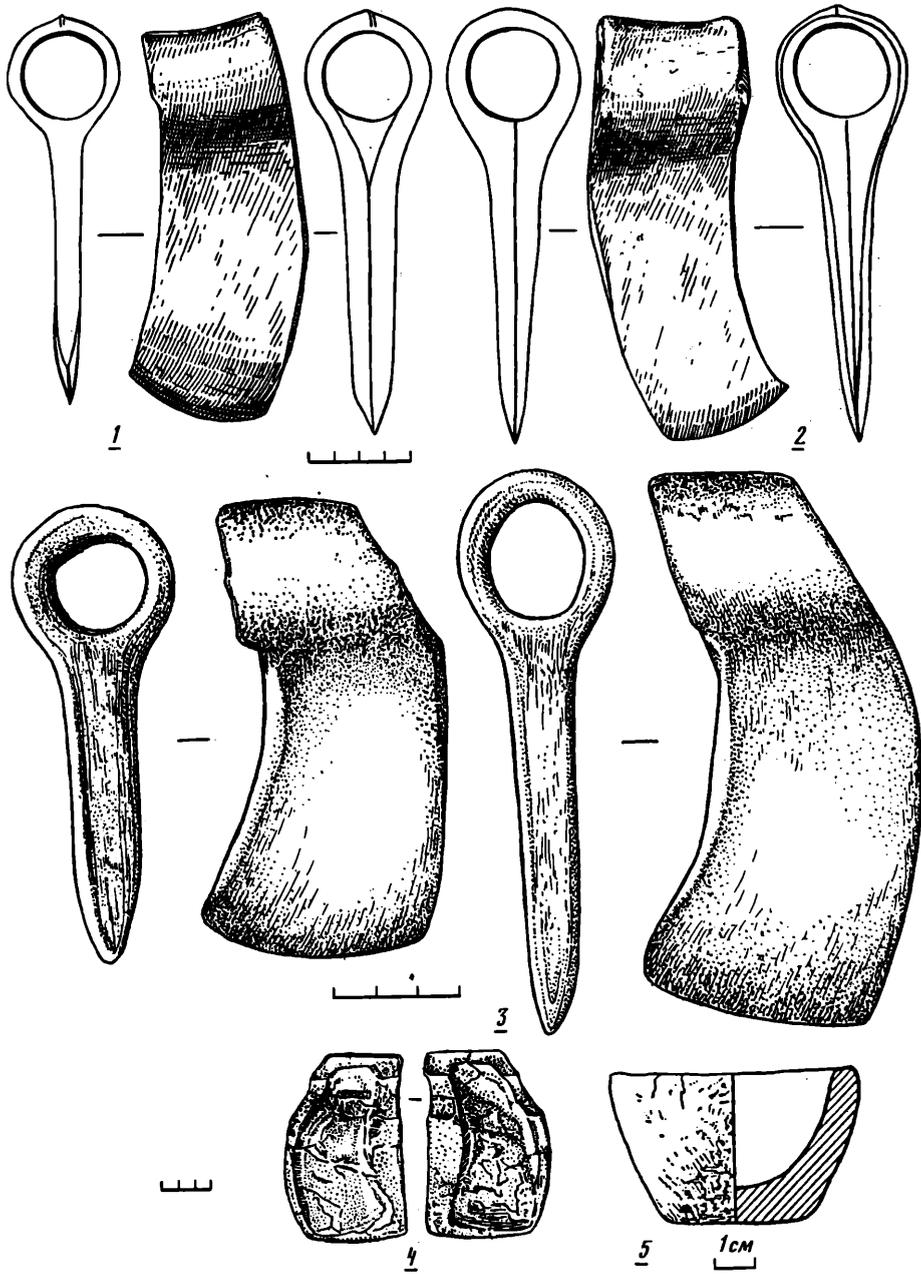
Аналогичные сосудики встречены в ряде срубных памятников Поволжья⁷. Такие сосуды баночной формы в степной зоне Юго-Восточной Европы не всегда являются диагностическими признаками. Они встречаются, особенно в Подонье, в трех археологических культурах: предкавказской катакомбной, многоваликовой (КМК) и срубной. Однако в Заволжье, где обнаружен комплекс калиновского литейщика, погребение 42, несмотря на длительные полевые исследования, памятники КМК вообще не встречены. Не известны здесь также баночные сосуды и в комплексах полтавкинской ступени. Однако они часто встречаются в срубных погребениях Заволжья и гораздо реже в захоронениях предкавказской культуры.

Естественно, что это полностью снимает вопрос о полтавкинском происхождении захоронения литейщика 8/42 Калиновского могильника и позволяет отнести его к позднему этапу предкавказской катакомбной культуры, именно к тому этапу, когда создатели ее вступают в контакты с носителями срубной культуры. Вопрос об этих связях был уже поставлен в работах А.А.Иерусалимской⁸.

Н.К.Качалова ошибочно внесла в характеристику памятников полтавкинской ступени Нижнего Поволжья данные двух групп памятников: полтавкинской ступени и катакомбной культуры. В результате была искажена историческая перспектива⁹. Однако эта ошибка была исправлена В.И.Мельником, который вычленил катакомбные памятники из объединенных Н.К.Качаловой полтавкинско-катакомбных. После его работы памятники полтавкинской ступени получили совершенно новое звучание и подлинную моногенность¹⁰.

По существу, Н.К.Качалова определяла культурно-историческую принадлежность погребения литейщика Калиновского могильника 8/42 на основании характера орнаментации на четырех обнаруженных в нем соплах¹¹, а если сказать точнее, то по одному, украшенному елочковидным гусеничным орнаментом, что явно недостаточно для решения этого вопроса.

Остановимся вкратце на орнаментации сопел. Все четыре сопла были орнаментированы с помощью четырех штампов. Первый тип штампа зубчатый, зубцы вырезаны на одной из длинных сторон речной раковины перловицы. Такие штампы известны в

Р и с. 2. Вислобушные топоры, литейная форма и глиняный сосуд

1,2 - топоры из Колтубани и из музея г.Актюбинска; 3 - гипсовые отливки топоров из с.Калиновки, курган 8, погребение 42; 4 - глиняная форма из Ворошиловграда; 5 - сосуд из Калиновки

памятниках катакомбных культур: предкавказской – Верхняя Грязнуха К2¹², донецкой¹³. Один штамп происходит из сборов на выдувах в урочище Кошалак, культурная принадлежность которого не ясна¹⁴. Два аналогичных штампа обнаружены на поселении эпохи бронзы Куйбышевской области¹⁵. Такие же мелкозубчатые штампы на длинных сторонах раковин перловиц появляются еще в эпоху неолита и энеолита¹⁶. На втором сопле использована пересекающаяся нарезка, не являющаяся датирующим признаком из-за своего широкого распространения. На третьем сопле орнамент состоял из оттисков среза пера крупной птицы или камыша. Этот мотив бытует от неолита и до эпохи поздней бронзы, поэтому наличие его оттисков на керамике не может служить основанием для определения времени или культурной принадлежности. Четвертый штамп – перевитая веревочка: елочковидными оттисками перевитой веревочки украшена основная и широкая часть этого сопла. Н.К.Качалова пишет: «Но узкие неглубокие с тупыми концами "гусеницы", образованные отпечатками прямо перевитой веревочки или штампа, ее имитирующего, типичны для орнаментации полтавкинской глиняной посуды, и только для нее». И далее: «... "гусеницы" на сосудах катакомбной культуры шире, глубже и имеют личинковидную форму». Это наблюдение и послужило единственным критерием для Н.К.Качаловой для отнесения погребения 8/42 к полтавкинской ступени.

Таким образом, ни техника нанесения орнаментации на калиновских четырех соплах, ни узоры не позволяют определить более узкие рамки калиновских сопел. Неверно также утверждение Н.К.Качаловой, что этот мотив отсутствует на керамике срубной культуры. На полтавкинской керамике и в других регионах встречаются не только узкие, но и широкие оттиски перевитой веревочки¹⁷.

Приведенные выше данные, а также наличие в этом захоронении срубного сосуда полностью снимают вопрос о полтавкинском происхождении этого комплекса. Следовательно, наблюдение Н.К.Качаловой об орнаментации четвертого сопла, украшенного елочковидными узорами, оттиснутыми узким штампом или прямо намотанной веревочкой, связывается с предкавказской культурой, поскольку это позднее погребение со срубными баночными сосудами относится к XV–XIV вв. до н.э.¹⁸

Морфологически калиновские матрицы для отливки вислообушных топоров вопреки утверждениям Н.К.Качаловой вряд ли непосредственно связаны с топором из Колтубани¹⁹ (рис. 2, I, 3). Последний типологически тяготеет к более ранним формам. Наиболее близкой аналогией ему являются топоры, хранящиеся в Хвалынском, Актюбинском, Энгельсовском и Казанском музеях и из Утевского кургана I/I²⁰.

Решающее значение для определения времени и культуры колтубанского топора имеет и находка 1987 г. аналогичного изделия в кургане 4/I VIII группы Тамар–Уткульского могильника Сольилецкого района Оренбургской области вместе с круглодонным сосудом ямной культуры²¹. Прекрасный другой комплекс металлических изделий с топором того же типа встречен в Тамар–Уткульском могильнике VII, курган 8/4. Любопытно, что на бронзовых шильях из кургана I/I из Утевки и Тамар–Уткульского могильника VII, курган 8/4, совершенно одинаковые железные ромбические наверхия. Являются ли эти наверхия окислившейся железной рудой, как полагает О.И.Порохова, или метеоритным железом, покажут будущие анализы этих наверхий. Видимо, центром производства этих топоров все же являлось Южное Приуралье, откуда эти изделия проникали на восток и в Среднее Поволжье²².

Совершенно прав Н.Я.Мерперт, когда рассматривает калиновские топоры как следующую ступень развития топоров по сравнению с колтубанскими²³.

Морфологически калиновские топоры, отлитые в матрицах, отличаются от колтубанских и их аналогов по многим параметрам (рис. 2, I, 3): 1) в калиновских чет-

ко выделена в отличие от топоров колтубанского типа обушная часть топора; 2) верх обушной части калиновских матриц выпуклый, на колтубанских и приведенных нами аналогиях он вогнутый; 3) на калиновских матрицах наблюдается четкая вислообушность (на колтубанских она едва заметна); 4) на калиновских матрицах клин резко расширяется к лезвию, на колтубанских и других ширина клина почти одинакова; 5) задняя часть калиновских топоров выпуклая, колтубанского и его аналогов - ровная почти по всей длине; 6) единственное сходство обеих групп топоров - округлые проушины.

Следовательно, калиновские топоры не могут определить культурную принадлежность коллекции из с. Колтубани²⁴. К тому же неизвестно, происходят ли колтубанские находки из одного или из нескольких комплексов. Доисследование этого кургана, насколько мне известно, не было проведено.

Неверно также утверждение Н.К. Качаловой, что хронологию калиновских топоров лимитирует литейная форма тесла привольненского типа, который она вслед за А.А. Иессеном датирует XVII в. до н.э.²⁵

Во-первых, привольненский клад убедительно связан с первым этапом северокавказской культуры, который на основании трех карбонных анализов C_{14} относится сейчас к концу III - началу II тысячелетия до н.э.²⁶ Эта дата первого этапа северокавказской культуры подтверждается и археологически - находками роговых молоточковидных булавок архаринского типа и бронзовых молоточковидных вместе с бронзовыми колпачками, украшенными пунсонным орнаментом²⁷.

Во-вторых, калиновская двухсторонняя форма изготавливалась не для отливки готовых изделий, а для заготовок, о чем свидетельствует в обоих случаях наличие округлых дниц на обеих матрицах²⁸. Известные в настоящее время формы для отливки клиновидных тесел имеют плоское дно²⁹. После проковки заготовка могла изменить настолько свою форму, что оказывалась совсем не похожей на только что отлитую заготовку - скажем, долото с несомкнутой втулкой и т.п.

Следовательно, датировать погребение литейщика 8/42 Калиновского могильника на основании только этих матриц вряд ли правомочно, поскольку неизвестна окончательная форма готового изделия.

Нет серьезных оснований также синхронизировать оба погребения литейщиков 8/42 и 55/13 Калиновского могильника³⁰, поскольку оба погребенных при общей ориентровке головой на юго-восток-восток захоронены по различным обрядам: первый - в подобной могиле на левом боку скорченно, второй - в большой прямоугольной яме на спине скорченно. Н.К. Качалова привела восемь случаев стратиграфических наблюдений, когда скорченные погребения на боку перекрывают захоронения на спине при отсутствии обратной стратиграфии³¹, и вместе с тем помещает обе обрядовые группы в один хронологический горизонт. Различен и антропологический тип калиновских литейщиков в этих погребениях: один европеоидный; степной тип 8(42), а другой близок к андроновскому 55(13)³².

Пытаясь обосновать дату верхнего горизонта полтавкинской ступени, Н.К. Качалова отнесла ранее полтавкинское захоронение у с. Степана Разина Пролейского рай она Волгоградской области, раскопанное Н.Я. Мерпертом и мною в 1957 г., к позднему, заключительному этапу полтавкинской ступени³³. Здесь костяк также лежал на спине скорченно, головой на юго-восток. У черепа и ног - скопление красной краски. Кроме того, его перекрывало срубное погребение 6/7³⁴.

В инвентаре погребения 4/6 встречен довольно богатый и характерный набор металлических изделий: нож, плоское тесло, массивное втульчатое долото с несомкнутой втулкой, крестовидная булава из зеленого серпантина. Эти металлические орудия целиком повторяют состав клада из с. Привольное, который А.А. Иессен увязал с ранним этапом среднекубанской или северокавказской культуры³⁵.

Я датировал комплекс Степана Разина 2000–1800 гг. до н.э.³⁶ Когда я писал эти работы, я не знал еще трех дат, полученных радиоуглеродным анализом для северокавказской культуры I: 1950±60; 2090±60; 2160±60³⁷. Так что дату этого погребения и первого этапа северокавказской культуры следует несколько удревить – конец III – начало II тысячелетия до н.э. Как установлено рядом исследователей, эта дата раннего этапа северокавказской культуры подтверждается и археологически³⁸.

Однако Н.К.Качалова ошибочно утверждает, что в комплексе с Степана Разина 4/6 сочетание привольненского тесла и долота костромского типа датирует его 1700 г. до н.э.³⁹

Во-первых, массивное долото из с.Степана Разина очень близко к привольненскому и морфологически повторяет долото из третьей обрядовой группы калмыцких степей⁴⁰. В инвентаре погребений этой обрядовой группы встречаются роговые молоточковидные булавки архаринского типа с бронзовыми колпачками, украшенными пунсонным орнаментом, которые датируются концом III и II тысячелетия до н.э.

Во-вторых, кованая тонкая втулка костромского долота смыкается только в самой верхней части в отличие от орудия с.Степана Разина 4/6⁴¹.

В-третьих, два долота костромского клада встречены в комплексе с тремя бронзовыми крючкатыми серпами срубного типа и поэтому не могут быть связаны с XVII в. до н.э. К тому же Н.К.Качалова допускает грубую ошибку, датируя привольненский и костромской клады одним и тем же временем – 1700 г. до н.э.; в другом месте она датирует костромской клад XII в. до н.э.⁴², хотя А.А.Иессен относил их к различным этапам.

Близкие долота типа костромского клада с несомкнутой втулкой известны в памятниках баданбашской культуры – в кладах у Долгой горы⁴³, абашевских памятниках⁴⁴, верхнекызыльском клада⁴⁵. Известно одно аналогичное долото с несомкнутой втулкой из поселения Высокая грива в Западной Сибири⁴⁶.

Встречаются они и в памятниках срубной культуры: клад Ибракаево⁴⁷. Известна находка того же времени у с.Ильдереково вместе с бронзовыми срубными серпами. В поздних долотах с несомкнутой втулкой наблюдается общая тенденция увеличения диаметра втулки, смыкание ее к верхнему краю изделия и расширение рабочей части, что как раз и характерно для долота костромского типа, который не может быть датирован ранее XV в. до н.э.

Таким образом, погребение 42 курганов Калиновского могильника относится к позднему этапу предкавказской катакомбной культуры и датируется XV–XIV вв. до н.э. Культурно-историческая принадлежность калиновского литейщика 42 подтверждается находкой совершенно идентичной глиняной матрицы топора в подобной могиле – символическом захоронении – кенотафе из Луганска, форма которого повторяет топоры калиновского литейщика (8/42). К тому же обнаруженный в кенотафе в подобное сосуд относится к финальному этапу харьковско-воронежской катакомбной культуры, т.е. это погребение датируется временем калиновского могильника, что еще раз подтверждает связь обоих погребений с катакомбными культурами. Хотя не исключено, что эти топоры, относящиеся к позднекатакомбной культуре, могут встретиться и в памятниках срубной культуры⁴⁸, в то время как захоронение литейщика 55/13 следует относить к раннему этапу полтавкинской ступени, синхронному I этапу северокавказской культуры.

Пока что у нас нет данных для определения абсолютной даты верхнего горизонта полтавкинской ступени, как и всего второго этапа погребений полтавкинской ступени.

1. Ш и л о в В.П. Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. № 60. С. 354; Он же. О металлообработке и металлургии древних племен Нижнего Поволжья // МИА. 1959. № 60. С. 14-20. Рис. 5-6; С. 31; Он же. Два погребения литейщиков-металлургов // СГЭ. Л., 1959. Вып. XVI. С. 41-45.
2. К а ч а л о в а Н.К. Культурная принадлежность калиновского "литейщика" и колтубанского погребения // СГЭ. Л., 1962. Вып. XXII. С. 24-25.
3. Ш и л о в В.П. О металлообработке и металлургии... С. 16. Рис. 3; О н ж е. Калиновский курганный могильник... С. 354.
4. Г и н з б у р г В.В. Этногенетические связи древнего населения Сталинградского Заволжья // МИА. 1959. Вып. 60. С. 525, 534.
5. С а ф р о н о в В.А. Классификация и датировка бронзового века Северного Кавказа // Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. М., 1974. С. 107. Примеч. 1; С и н и ц ы н И.В. Древние памятники Восточного Маньча. Саратов, 1978. С. 53. Рис. 46, 1; С. 77. Рис. 70, 2, 3; С. 93. Рис. 86, 4; С. 105. Рис. 98, 1; М е р п е р т Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья // МИА. 1954. № 42. С. 51. Рис. 51; С. 57. Рис. 8, 9 и др.
6. Ш и л о в В.П. О металлообработке и металлургии... С. 17. Рис. 5, 10.
7. М е р п е р т Н.Я. Материалы по археологии Среднего Поволжья... С. 87. Рис. 20, 2, 9, 12; 29, 9, 13 и др.; С и н и ц ы н И.В. Древние памятники низовий Еруслана // МИА. 1960. № 78. С. 121. Рис. 46, 5.
8. И е р у с а л и м с к а я А.А. К истории племен эпохи бронзы степного Предкавказья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. С. 15.
9. К а ч а л о в а Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1965. С. 14.
10. М е л ь н и к В.И. Степное Поволжье в эпоху Средней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 12 и след.
11. К а ч а л о в а Н.К. Культурная принадлежность... С. 24-26; Ш и л о в В.П. О металлообработке и металлургии... С. 18, 19, 29-31.
12. К а ч а л о в а Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1964. // Архив ЛОИА. Ф.ЗБ. Оп.2 № 2. Л. 230. Примеч. 3; М и н а е в а Т.М. Могила бронзовой эпохи в г.Ворошиловске // КСИИМК. 1947. Вып. XVI. С. 135.
13. Г л а д к и х М.И., П и с л а р и й И.А., К р о т о в а А.А., Г е р а с ь к о в а Л.С. Исследования на Ворошиловградщине // АО 1976 г. М., 1976. С. 267. Погребение 3/19, со штампами, исследовалось на территории двора сельхозинститута в г.Ворошиловграде. См. также: К р о т о в а А.А., З е л ь д и н а В.Д. С а м о й л е н к о В.Г. Исследования на реке Лугани // АО 1976 г. М., 1977. С. 315. В кургане VI, 13, у с.Говорука Славяносерского района Ворошиловградской области, обнаружены четыре аналогичных штампа из раковин беззубки для нанесения мелкозубчатого орнамента на керамических изделиях вместе с роговой молоточковидной булавкой архаринского типа. Материалы не опубликованы.
14. К а ч а л о в а Н.К. О локальных различиях полтавкинской культурно-исторической общности // АСТЭ. Л., 1983. Вып. 24. С. 15. Рис. 5, 17.
15. В а с и л ь е в И.Б., М а т в е е в а Г.И., Т и х о н о в Б.Г. Поселение Лоище на Самарской луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987. С. 47, 54. Рис. 11, 12.
16. М а т ы ш и н Г.Н. Энеолит Южного Урала. М., 1982. С. 194. Рис. 38, 2; О н ж е. Экономические кризисы и их роль в смене культур каменного века // Природа и человек. М., 1988. № 58. Рис. 3; К и я ш к о В.Я. Многослойное поселение Раздорское I на нижнем Дону // КСИА. 1987. Вып. 192. С. 74. Рис. 1, 28.
17. К а ч а л о в а Н.К. Культурная принадлежность... С. 25; К р а в ц о в а - Г р а к о в а О.А. Степное Поволжье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. С. 24; ср. С. 29. Рис. 3, 1а, 6а и др.
18. И е р у с а л и м с к а я А.А. К истории племен эпохи бронзы Степного Предкавказья // Архив ЛОИА. Ф. 35. Оп. 2Д. № 76. Л. 183. Рис. 12, 35, 36; Ш и л о в В.П. О металлургии и металлообработке... С. 14 и след.
19. К а ч а л о в а Н.К. Культурная принадлежность калиновского "литейщика"... С. 24-26.
20. Ш и л о в В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 104. Рис. 3, 1-2, 4-5; Ш т у к е н б е р г А. Материалы для изучения медного (бронзового) века восточной полосы Европейской России. Казань, 1901, Табл. IV, 11; В а с и л ь е в И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена) // Древняя история Поволжья. К., 1979. С. 26. Рис. 3, 2.

21. Порохова О.И. Отчет о раскопках 1987 г. // Архив ИА. РГ. № 12015. Л. 17-20, II4. Кстати, этот комплекс содержит и близкий утесному медный нож.
22. Порохова О.И. О раскопках в Ташлинском и Тоцком районах Оренбургской области в 1986 г. // Архив ИА АН СССР. РГ. II4 14. Т. II. Рис. 14, I (курган 5/1); 40, 2 (курган 1/31); 68, I (курган 1/16); 80, 81.
23. Мерперт Н.Я. Из древней истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61. С. 65.
24. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен... С. 104-106.
25. Качалова Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху бронзы... Л. 158.
26. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. К., 1978. С. 104.
27. Шилов В.П. К хронологии нижнего горизонта донецкой катакомбной культуры // Археологические исследования в Калмыкии. ИА АН СССР и КНИИИФЭ, Элиста, 1987. С. 23.
28. Шилов В.П. О древней металлургии и металлообработке... С. 18. Рис. 6, I.
29. Там же. С. 25.
30. Там же. С. 15. Рис. 2; Она же. Калиновский курганный могильник... С. 405. Рис. 34; С. 406; Качалова Н.К. О локальных различиях... С. 9. Табл. 3, 34, 40-43, 47.
31. Качалова Н.К. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Л. 146-149.
32. Гинзбург В.В. Этногенетические связи древнего населения... С. 525, 534.
33. Качалова Н.К. О локальных различиях... С. II.
34. Мерперт Н.Я. Раскопки в Нижнем Поволжье // Памятники эпохи бронзы Европейской части СССР. К., 1967. С. 83. Рис. 1, 2; С. 94. Рис. 7, 4-6.
35. Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов // СА. 1950. XII. С. 200. Табл. III, 1-4; Она же. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе // Известия ГАИМК. М., 1935. Вып. 120. С. 97. Рис. 5, I-5.
36. Шилов В.П. К вопросу о связях Поволжья и Кавказа с Трансильванией в начале II тыс. до н.э. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 88-92. В этой работе я своевременно не заметил опечатку и дата вместо 2000-1800 гг. до н.э. здесь 1800-1600 гг. до н.э.; Она же. Очерки по истории Нижнего Поволжья, Л., 1975. С. 93 и след.
37. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке... С. 104.
38. Шилов В.П. К хронологии нижнего горизонта... С. 23.
39. Качалова Н.К. О локальных различиях... С. II.
40. Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маньча... Табл. 81, 2; 85, 5.
41. Иессен А.А. К хронологии больших кубанских курганов... Ср. С. 200; Табл. III, 2; IV, 2.
42. Качалова Н.К. О локальных различиях... С. II; Она же. Племена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы... Л. 157, 158.
43. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 61. Рис. 52, 17.
44. Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976. С. 151. Рис. 5.
45. Vogtvin N.N. The Verkny Kizil Find // ESA. III. Helsinki, 1928. P. 122-131.
46. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985. С. 129. Рис. 48, 4.
47. Черных Е.Н. История древней металлургии... С. 61. Рис. 52, 2; Скарбовенко В.А. Погребение эпохи бронзы Новопапавловского курганного могильника // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981. С. 10, 19; Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967. С. 219. Рис. 30, 3.
48. Березанская С.С. Первые мастера-металлурги на территории Украины // Первобытная археология, поиски и находки. К., 1980. С. 249. Рис. 2-5.

К настоящему времени археологическая экспедиция Карагандинского государственного университета провела в Карагандинской области раскопки нескольких поселений, давших материалы конца эпохи бронзы. Большинство этих памятников отнесено к алексеевско-саргаринской культуре; керамика же пос. Донгал выделена в особый тип, который характеризуется рядом признаков, не встречающихся на алексеевско-саргаринской посуде¹. Время существования донгальского типа определено периодом перехода к раннему железному веку², что было впоследствии подкреплено стратиграфической ситуацией на поселении Кент, где жилища с донгальской керамикой прорезают более ранний алексеевско-саргаринский слой³.

Выделение донгальского типа керамики проводилось главным образом по формам и орнаментации, отличающимся заметным своеобразием. Особенности же изготовления керамики при этом не затрагивались.

В этой работе керамика пос. Донгал сравнивается с керамикой двух однослойных алексеевско-саргаринских поселений, Копы I и Упасса, с точки зрения некоторых навыков гончарной технологии. В ней с целью выявления сходства и различия культурно-исторической обстановки, в какой протекала деятельность гончарных производств в рамках каждого памятника, изложены: а) итоги изучения качественного состава навыков отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс; б) результаты сравнительного изучения этих навыков, относящихся к числу приспособительных, т.е. способных наиболее быстро меняться при возникновении условий для смешения между носителями различных технологических традиций в гончарстве. Вместе с тем, входя в состав конкретных систем гончарной технологии, передававшихся по наследству из поколения в поколение, они отражали культурное своеобразие той или иной группы древнего населения. Поэтому изучение этих навыков позволяет, во-первых, выявлять различия технологических традиций древнего гончарства, во-вторых, фиксировать проявления процессов смешения между носителями данных традиций.

Для технологического анализа были использованы почти все, за исключением самых мелких, фрагменты донных частей сосудов, имеющиеся в керамических коллекциях поселений. Изучение свежих изломов и поверхностей фрагментов проводилось с помощью бинокулярного микроскопа по методике А.А. Бобринского⁴. Так, при определении особенностей исходного сырья устанавливались степень ожеженности глин, характер содержащихся в них грубых естественных примесей, случаи использования одной или двух глин различной сортности. Для определения степени ожеженности глин все образцы нагревались в окислительной среде в муфельной печи до температуры 850–900°C. В зависимости от тона окраски, которую получили образцы, глины были разделены на нежеженные, слабожеженные и жеженные. Первые кремового цвета, вторые – светло-желтого, а третьи – кирпично-красного или коричневого. Вторичное нагревание в окислительной среде позволило также более строго выявлять случаи использования смесей двух глин.

В анализ формовочных масс с целью выявления культурных традиций, которыми пользовались гончары при выполнении этой части производственного процесса, входило определение качественного состава минеральных и органических примесей, введенных в глину искусственно, их концентрации и размерности.

Результаты контролировались по эталонам, созданным в лаборатории истории керамики ИА АН СССР.

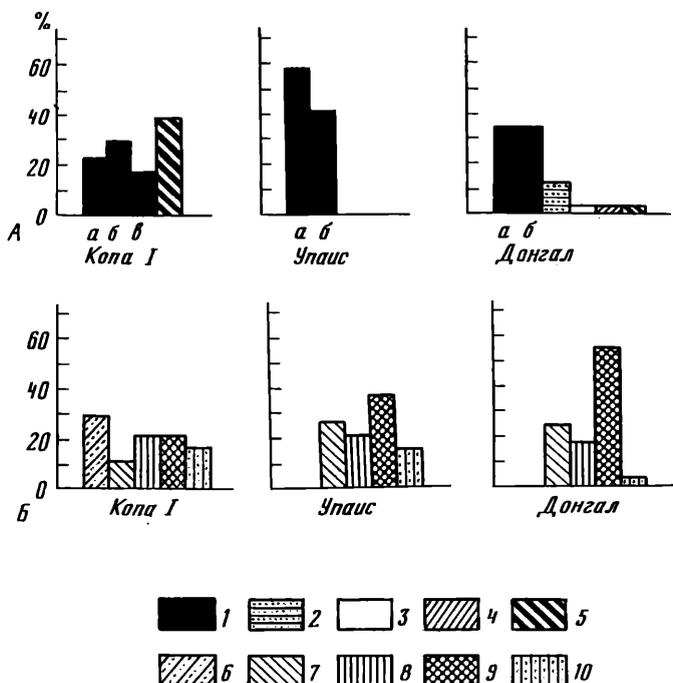
Поселение Копы I. Памятник находится в Каркаралинском районе (Карагандинская обл.) на берегу р.Копы. Раскопом площадью 625 кв.м было вскрыто одно из сооружений и часть прилегавшего к нему пространства⁵. Коллекция керамики насчитывает более 1,5 тыс. фрагментов (в подавляющем большинстве неорнаментированных частей стенок), в том числе обломки донных частей от 24 сосудов, которые и были отобра- ны для технологического изучения.

Анализ исходного сырья. По данным этнографии известно, что гончары пользуют- ся обычно одними и теми же источниками сырья, так как они убеждены, что "каж- дая глина требует особых навыков работы с ней"⁶. По этой причине у них складыва- ются навыки отбора в качестве исходного сырья определенной глины – той, свой- ства которой им хорошо известны. При таком отборе обращается внимание в числе прочего на цвет глины в сыром состоянии и на характер содержащихся в ней грубых естественных включений. Определив последние при микроскопическом изучении кера- мики, мы можем судить о числе источников, из которых брали глину, и выявлять таким образом однородность или неоднородность навыков отбора исходного сырья, характерных для той или иной группы гончаров. Важным признаком различения ис- точников сырья служит также цвет образцов после вторичного их нагревания в окислительной среде. Цвет этот зависит от количества в глине окислов железа, которое может варьировать в разных залежах.

Глины, применявшиеся жителями Копы I для изготовления керамики (рис. I, А), различаются по степени ожелезненности на ожелезненные (62,5 %) и слабоожелезнен- ные. По особенностям естественных примесей в числе первых следует выделить: 1) глины с примесью среднего⁷ песка (20 %); 2) глины с примесью среднего песка и бурого железняка (46,7 %) и 3) глины с примесью крупного песка и бурого же- лезняка (33,3 %). Это может говорить о том, что ожелезненные глины брались по меньшей мере из трех источников. Наличие слабоожелезненной глины (хотя и толь- ко в составе глиняных смесей – 37,5 % образцов) указывает еще на один источник сырья. Отсутствие однородности в навыках отбора исходного сырья указывает на несколько групп гончаров, каждая из которых изготавливала керамику из своего сырья. Малочисленность образцов (12,5 %)⁸ из ожелезненной глины с естественной примесью среднего песка без бурого железняка может отражать начальный период освоения местных залежей глины, поиски пригодного сырья.

Анализ формовочных масс. По исследованным образцам установлено 5 рецептов составления формовочных масс (рис. I,Б): 1) песок+навоз (29,2 %); 2) дресва+на- воз (12,5 %); 3) шамот+навоз (20,8 %); 4) песок+шамот+навоз (16,7 %) и 5) дрес- ва+шамот+навоз (20,8 %). Везде необходимым компонентом, разумеется, является еще и глина. Кроме этого, мы видим, что во всех образцах присутствует органиче- ская примесь (навоз травоядных животных), которая в данном случае является при- знаком, объединяющим рецепты. Нас же интересует в первую очередь различие куль- турных традиций на ступени составления формовочных масс. Целесообразно поэтому здесь и далее считать органическую примесь таким же обязательным компонентом формовочных масс, как и глину, и рассматривать процессы, связанные только с до- бавками тех или иных минеральных примесей.

Добавление любой неорганической примеси несет одинаковую технологическую на- грузку – повышение огнестойкости готового изделия⁹ (под огнестойкостью понима- ется устойчивость керамического изделия к температурным перепадам. Это свойство следует отличать от огнеупорности, означающей способность керамики не разрушать- ся при высоких температурах). Выбор для этой цели дресвы или песка или шамота определялся культурными традициями, сложившимися у гончаров. Сочетание же в од- ном образце разных видов минеральных примесей, выполняющих одну и ту же функцию

Р и с. 1. Распределение керамики по особенностям глин и составов формовочных масс

А - особенности глин: I - "красная" ожелезненная; а - с крупным песком и бурым железняком, б - со средним песком и бурым железняком, в - со средним песком; 2 - "коричневая" ожелезненная; 3 - нежелезненная; 4 - слабожелезненная; 5 - смесь ожелезненной и слабожелезненной глины.

Б - составы формовочных масс: 6 - песок + навоз + глина; 7 - дресва + навоз + глина; 8 - шамот + навоз + глина; 9 - дресва + шамот + навоз + глина; 10 - песок + шамот + навоз + глина

(например, дресвы и шамота), могло сложиться лишь в результате смешения носителей разных навыков составления формовочных масс.

Поскольку первые три рецепта содержат, кроме органики, только по одному виду минеральных примесей, следует считать, что они составлены на основе "чистых" культурных традиций, связанных с разными группами гончаров. Последние два рецепта, содержащие по два вида минеральных примесей, характеризуют смешанные культурные традиции.

Дресва, песок и шамот добавлялись крупные, с размерами частиц от 2 мм и более. Лишь в одном случае встречен шамот с частицами средних размеров (от I до I,9 мм).

Концентрация дресвы в формовочной массе по отношению к глине в основном I:3, т.е. одна часть дресвы на три части глины (рис. 1,Б), песка - I:2-I:4, шамота - I:2-I:5 с преобладанием концентраций I:4 и I:5. Шамот в 10 фрагментах из I4 с этой примесью - из глины той же ожелезненности, что и глина - основа формовочной массы; в трех фрагментах - из слабожелезненной глины. В одном фрагменте обнару-

жен шамот как ожелезненный, так и слабоожелезненный, т.е. приготавлился он по меньшей мере из двух сосудов.

Изучение технологии древнего гончарства позволяет судить о процессах смешения, проходивших в среде древнего населения. В рамках этого изучения анализ особенностей исходного сырья и формовочных масс, характерных для керамики того или иного памятника, дает возможность фиксировать начальные этапы таких процессов¹⁰. При этом смешение проявляется прежде всего в навыках отбора исходного сырья, после чего меняются навыки составления формовочных масс¹¹. В такой последовательности мы и попытаемся восстановить процессы, на фоне которых проходила работа древних гончаров.

В условиях культурного смешения навыки отбора исходного сырья способны быстро приспособливаться друг к другу, что проявляется в возникновении у пришлых гончаров навыков составления смесей из привычной и местной глин. Напомню, что слабоожелезненная глина как самостоятельное исходное сырье отмечено только при анализе особенностей шамота, и поэтому можно предположить, что носители традиции использования этой глины в качестве исходного сырья были пришлыми. В том, что на поселении были именно сами гончары, а не просто их изделия, пошедшие впоследствии на шамот, нас убеждает наличие образцов, изготовленных из смесей ожелезненной (местной) и слабоожелезненной глины. В целом же на памятнике преобладали (что отмечено и при анализе шамота) навыки использования ожелезненных глин, которые характеризуют местную традицию в области отбора исходного сырья.

Изменения в навыках составления формовочных масс отражаются первоначально в появлении смешанных рецептов, сочетающих в себе признаки разных традиций. Напомню, что по материалам Копы I зафиксировано 3 "чистых" и 2 смешанных рецепта. Рецепт "песок+шамот+навоз" мог сложиться в результате смешения традиций "песок+навоз" и "шамот+навоз", а рецепт "дресва+шамот+навоз" - на основе традиций "дресва+навоз" и "шамот+навоз". Так как и "чистые", и возникшие на их основе смешанные рецепты присутствуют на памятнике совместно, то смешение разных групп гончаров проходило скорее всего на протяжении истории данного поселения¹².

Носители традиции "шамот+навоз" были, вероятно, основным населением на памятнике. Именно с ними смешивались и носители традиции "песок+навоз", и носители традиции "дресва+навоз", причем последние наиболее интенсивно, так как, хотя в группе "чистых" рецепты с дресвой составляют меньшинство, в группе смешанных они преобладают над рецептами с песком.

Четкой связи между определенным видом исходного сырья и определенным рецептом формовочной массы не наблюдается, что говорит о большой пестроте состава населения, оставившего данную керамику, и интенсивности проходивших в его среде процессов смешения.

Поскольку по своим внешним признакам керамика поселения достаточно однородна (имеются в виду форма и орнамент)¹³, то "пестрота состава" объясняется здесь, скорее всего, различиями на уровне поселений одной этнокультурной группы, в пределах которой в зависимости от конкретных условий могли складываться разные навыки отбора исходного сырья и разные рецепты формовочных масс¹⁴. В таких случаях в основе процессов смешения лежали, по-видимому, какие-то явления типа переездов, брачных или иных контактов.

Поселение Удайс. Расположено примерно в 80 км к северо-востоку от поселения Копы I в Талдинском районе Карагандинской области, на берегу р.Талды. Раскопом площадью 225 кв. м было исследовано одно жилище и часть еще трех сооружений¹⁵. Технологический анализ керамики проводился по фрагментам донных частей от 19 со-

Анализ исходного сырья. Керамика поселения была изготовлена из глин одной степени ожелезненности, так как после вторичного нагревания все образцы получили одинаковую окраску (рис. I, А). Однако по различиям в составе естественных примесей глины можно разделить на два вида: 1) со средним песком и бурым железняком (42,1 %) и 2) с крупным песком и бурым железняком (57,9 %), что указывает на два источника сырья.

Анализ формовочных масс. Выделены следующие рецепты (рис. I, Б): 1) дресва+навоз (26,3 %); 2) шамот+навоз (21,1 %); 3) песок+шамот+навоз (15,8%); 4) дресва+шамот+навоз (36,8 %).

Размеры частиц минеральных примесей определены как крупные. Дресва и песок добавлялись в глину в отношении 1:2 и 1:3, причем последнее использовалось чаще (рис. I, Б). Концентрация шамота - 1:4 и 1:5 (преобладает соотношение 1:4). Шамот средних размеров зафиксирован только в одном образце (концентрация 1:5). Сосуд этот выделяется еще и присутствием на внутренней поверхности охры.

Как уже было сказано, глины, применявшиеся для изготовления керамики на поселении Упаис, имеют одинаковую степень ожелезненности. Кроме того, ожелезненность шамота идентична ожелезненности глин, в которые он был добавлен, что свидетельствует о сложившейся устойчивости культурных традиций в навыках отбора исходного сырья. Что же касается навыков составления формовочных масс, то они на поселении Упаис не отличались однородностью и позволяют нам выявить проходившие на памятнике процессы смешения населения.

Рецепт "песок+шамот+навоз" мог сложиться только в условиях смешения носителей традиции "шамот+навоз" с носителями традиции использования песка в качестве искусственной примеси к глине. Однако поскольку несмешанный рецепт с песком здесь не выявлен, то не исключено, что смешение это проходило вне данного поселения, за пределами его истории.

В отличие от этого рецепт "дресва+шамот+навоз" является свидетельством смешения, проходившего непосредственно на памятнике. Об этом говорит совместное с ним присутствие в проанализированном материале образцов с "чистыми" рецептами "шамот+навоз" и "дресва+навоз".

Поселение Донгад. Находится в горах Кент (Талдинский район, Карагандинская область), примерно в 80 км к юго-востоку от поселения Упаис. Четыре рядом расположенных жилища были исследованы раскопом площадью 925 кв. м¹⁶. Микроскопическому изучению подверглись фрагменты доньшек и доньшки от 29 сосудов.

Анализ исходного сырья. Установлено, что в основном разрабатывались следующие источники: 1) "красная" ожелезненная глина с естественной примесью среднего песка и бурого железняка (34,5 %); 2) "красная" ожелезненная глина с крупным песком и бурым железняком (34,5 %) и 3) "коричневая" ожелезненная глина (20,2 %). Единичными образцами представлены источники 4) со слабоожелезненной глиной (3,6 %) и 5) с неожелезненной глиной (3,6 %). Кроме того, отмечен один случай (3,6 %) использования смеси "красной" ожелезненной и слабоожелезненной глин.

Анализ формовочных масс. Как и на предыдущих памятниках, во всех образцах в той или иной степени отмечена добавка навоза жвачных животных. С учетом неорганических примесей рецепты формовочных масс распределяются следующим образом (рис. I, Б): 1) дресва+навоз (24,2 %); 2) шамот+навоз (17,2 %); 3) песок+шамот+навоз (3,4 %) и 4) дресва+шамот+навоз (55,2 %).

В 18,2 % случаев в формовочную массу добавлялся шамот, полученный по меньшей мере из двух разных сосудов, поскольку имел разную степень ожелезненности. В остальных - шамот одной степени ожелезненности, в том числе из "красной" ожелезненной глины - 83,2 %, из слабоожелезненной - 11,2 %, из "коричневой" ожелезненной - 5,6 %¹⁷.

Размеры частиц дресвы, шамота и песка крупные. Предпочтительная концентрация, в которой они добавлялись в глину, — 1:3. Кроме этого, использовались концентрации 1:2, 1:4 и 1:5, причем дресва в концентрациях 1:4 и 1:5 находится в составе только смешанных рецептов.

Процесс смешения носителей традиций составления формовочных масс по рецептам "дресва+навоз" и "шамот+навоз" проходил на самом памятнике, поскольку в материалах, кроме самих этих рецептов, выявлен и смешанный, составленный на их основе. Образец с рецептом "песок+шамот+навоз" свидетельствует о каких-то контактах с носителями традиции добавления в формовочную массу песка.

Смешанность населения памятника нашла свое отражение и в разнообразии видов исходного сырья как самих сосудов, так и добавляющегося в них шамота. Значительное преобладание здесь "красных" ожелезненных глин может означать местный характер традиции использования их в качестве исходного сырья. Данная традиция у местной части населения являлась довольно устойчивой, так как они не смешивали эти глины ни с какими другими — ни со слабоожелезненной, ни с "коричневой" ожелезненной. Единственный образец, изготовленный из глиняного концентрата, принадлежал, по-видимому, носителям традиции использования слабоожелезненной глины, приспособившимся к местному сырью, так как слабоожелезненная глина является в нем основной, а "красная" ожелезненная — добавкой.

Выше уже говорилось о том, что гончарные традиции самым непосредственным образом соотносятся с культурными особенностями древнего населения. Передаваясь по наследству из поколения в поколение, эти традиции делают керамику индикатором "различных групп населения, образованных на основе кровного родства"¹⁸. Изучение технологии древнего гончарства дает нам возможность решать многие задачи, которые ставят перед собой археологи, в том числе проблемы генезиса этнокультурных групп и процессов их смешения, ведь в условиях доремесленного и ремесленного на заказ производства, когда продукция гончаров распространялась главным образом в пределах их поселений, смешение изготовителей керамики отражало и смешение тех этнокультурных групп, к которым они принадлежали.

Попробуем теперь на основании проведенного технологического анализа керамики выявить характерные особенности, общие для рассмотренных памятников, а также определить своеобразие каждого из них (результаты носят предварительный характер по причине небольшого числа изученных образцов).

На ступени отбора исходного сырья для всех трех памятников характерно преобладание традиции использования "красных" ожелезненных глин. Наиболее устойчивой эта традиция была на поселении Упайс, где глины других видов ожелезненности не зафиксированы ни по основному черепку, ни по шамоту.

На ступени составления формовочных масс традиции гончарства данных поселений также имеют сходство. Это выражается в следующем: 1) одинаковый (за небольшим исключением, которое касается поселения Копа I) набор рецептов. Упайс и Донгал близки друг к другу не только по набору рецептов формовочных масс, но и по количественному соотношению этих рецептов, причем рецепт "дресва+шамот+навоз" преобладает, а на Донгале составляет даже более 50 %, что свидетельствует о сложении культурной однородности на данной ступени гончарной технологии; 2) наиболее употребительная минеральная примесь (с учетом и смешанных, и несмешанных рецептов) — шамот; 3) везде необходимым компонентом формовочных масс является навоз жвачных животных; 4) наиболее употребительная концентрация минеральных примесей (в первую очередь дресвы) — 1:3.

Нужно отметить, что поселение Копа I стоит несколько особняком от других. В то время как на Упайсе смеси ожелезненных и слабоожелезненной глин вообще не

отмечены, а на Донгале зафиксированы лишь по одному образцу, на Копе I они составляют 37,5 % образцов. Это является свидетельством незавершенности процесса смешения носителей традиции использования в качестве исходного сырья ожелезненных глин с носителями традиции использования слабоожезженной глины. Кроме того, в материалах только Копы I обнаружен несмешанный рецепт "песок+навоз", который к тому же преобладает над другими, что говорит о большей неоднородности в традициях составления формовочных масс на данном поселении по сравнению с двумя другими.

Итак, гончары поселения Донгал пользовались теми же видами искусственных примесей к глине, теми же рецептами формовочных масс, что и гончары "алексеевско-саргаринские", причем совпадают и виды "чистых" (дресва+навоз и шамот+навоз), и виды смешанных (дресва+шамот+навоз и песок+шамот+навоз) рецептов, за исключением того, что только на Копе I отмечен рецепт "песок+навоз". В этом сходстве технологических особенностей керамики отражается сходство состава населения – наличие на каждом поселении нескольких групп гончаров с близкими навыками труда, а также сходство исторической ситуации – смешение этих групп между собой. Основное отличие донгальской керамики заключается в большем разнообразии видов исходного сырья. Это говорит об увеличении числа источников, из которых брали глину, что могло произойти лишь при инфильтрации носителей иных культурных традиций.

В итоге можно сказать, что керамика поселения Донгал мало чем отличается по рассмотренным элементам технологии от керамики алексеевско-саргаринских поселений. Принимая во внимание более позднее время донгальского типа и учитывая определенное морфологическое сходство его с алексеевско-саргаринской посудой, можно рассматривать его как дальнейшее развитие последней.

- I. Л о м а н В.Г. Донгальский тип керамики // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. Караганда, 1987. С. 120, 123.
2. Там же. С. 128.
3. В а р ф о л о м е в В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. С. 57.
4. Подробную характеристику ее см. в кн.: Б о б р и н с к и й А.А. Гончарство Восточной Европы. М., 1978. С. 67-113.
5. Е в д о к и м о в В.В., Л о м а н В.Г. Поселение Копы I // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда, 1982. С. 20-41.
6. Б о б р и н с к и й А.А. Гончарство... С. 76.
7. Размеры частиц во всех случаях указаны по предложенным А.А.Бобринским шкалам для естественных включений и искусственных минеральных добавок (см.: Б о б р и н с к и й А.А. Гончарство... С. 82, 110).
8. Процент от общего числа образцов.
9. Б о б р и н с к и й А.А. Гончарство... С. 90.
10. Там же. С. 244.
11. Там же. С. 97.
12. Там же.
13. Е в д о к и м о в В.В., Л о м а н В.Г. Поселение Копы I... С. 33-41.
14. Б о б р и н с к и й А.А. Гончарство... С. 94-96.
15. Е в д о к и м о в В.В. Исследования отряда Карагандинского гос.университета // АО 1979 г. М., 1980. С. 432.
16. Л о м а н В.Г. Новое поселение эпохи поздней бронзы в горах Кент // Тез. докл. науч. конф. молодых ученых университетов. Караганда, 1984. С. 56-58.
17. Процент от общего числа образцов с шамотом.
18. Б о б р и н с к и й А.А. Гончарство... С. 242.

О СОЦИАЛЬНОЙ ГРАДАЦИИ В ПРОТОМЕОТСКОМ ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

В Закубанье, в его равнинной и предгорной частях, предскифский этап раннего железного века представлен протомеотскими древностями, в основном могильниками, открытие которых связано с именем Н.В.Анфимова. Исследователь обнаружил в равнинной зоне на левой, надпойменной террасе Кубани, в зоне Краснодарского водохранилища два могильника - Николаевский (1958-1963 гг.) и Кубанский (1965 г.) и атрибутировал их культурно-хронологически.

Анализ части материалов из этих могильников представлен в ряде статей. Опубликованы 47 комплексов¹, результаты спектрального анализа бронзовых изделий² и формы керамики³ из Николаевского могильника. В обобщающих статьях Н.В.Анфимова по обоим могильникам дан подробный анализ вещевого материала и более краткий - погребального обряда⁴. Исследователь указывает на характерные черты и специфику погребального обряда, заключающуюся в сосуществовании двух традиций: более древней - умершие положены скорченно на боку или изредка на спине - и другой - умершие вытянуты на спине. В протомеотских могильниках начала раннего железного века, сменившего эпоху поздней бронзы, нас интересует именно погребальный обряд, детально рассмотрению некоторых черт которого и посвящается данная статья⁵.

За последние годы число обнаруженных протомеотских могильников возросло как в равнинной, так и в предгорной зоне, и в настоящий момент их около 14. Мы привлекаем лишь те из них, вещевой материал которых опубликован (кроме керамики), а в обряде хорошо фиксируются два типа труположения. Это могильники Николаевский и Кубанский, а также Псекупс I, в 40 км к западу от Николаевского могильника⁶; частично учитываются и материалы могильников Ясеновая Поляна⁷ и Фарс⁸ из предгорной зоны. Из 157 погребений Николаевского могильника труположение прослеживается в 138, среди них скорченные незначительно преобладают над вытянутыми (53 и 47 %). В Кубанском могильнике (53 погребения) преобладание скорченности несколько больше (60 и 40 %) (табл. I, А). Господствующая ориентировка умерших для обоих типов обряда - южная, нередко с небольшим отклонением к востоку и очень редко к западу. Но встречается и иная, нетрадиционная ориентировка, или нетипичная, по Н.В.Анфимову⁹, превалирующая в указанных могильниках среди скорченных погребений (23 и 37 %) в сравнении с вытянутыми (12,5 и 9,5 %) (табл. I, Б).

По составу инвентаря выделяется несколько групп погребений (табл. 2). Корреляция двух признаков погребального обряда - характера труположения (скорченное и вытянутое) и категорий инвентаря (в том числе и безинвентарность) - показала следующее. В составе погребений намечается несколько количественно неравнозначных групп, которые отражают определенное социальное положение умерших.

Группа конных воинов, которая была выделена Н.В.Анфимовым¹⁰, состоит из четырех-пяти погребений в каждом могильнике. Кроме того, имеется группа могил, в которых содержится только оружие, по 13, пять и одному погребению в каждом могильнике. Очевидно, это могилы пеших воинов, они несколько многочисленнее. В отношении различий в оружии конных и пеших воинов выявляется следующее: 46 наконечников копий из разных могильников имеют диаметр втулки I-I,3 см, реже 2,2-2,3 см и лишь пять наконечников - 2,6-3,6 см. Поскольку наконечники с диаметром втулки I-2 см считаются дротиками, а с диаметром свыше 2,5 см - копьями (у остальных функция могла быть смешанной)¹¹, то большинство протомеотских наконечников - дротики. Таким образом, погребения пеших воинов сопровождалось именно дротиками и только в трех случаях встречены копья. В могилах конных воинов на-

Протомеотские могильники. Соотношение типов погребального обряда

А - труположение, безинвентарность

Могильник	Вытянутое	Скорченное	Всего	Безинвентарное
Николаевский	64 (47 %)	74 (53 %)	138	39 (28 %)
Кубанский	21 (40 %)	32 (60 %)	53	28 (53 %)
Псекупский I	15 (50 %)	15 (50 %)	30	6 (2 %)

Б - нетрадиционная ориентировка и труположение

Могильник	Вытянутое	Скорченное
Николаевский	8 (12,5 %)	17 (23 %)
Кубанский	2 (9,5 %)	12 (37 %)
Псекупский I	0	6 (40 %)

В - безинвентарность и труположение

Могильник	Вытянутое	Скорченное
Николаевский	11 (18 %)	26 (37 %)
Кубанский	8 (36 %)	20 (62 %)
Псекупский I	0	6 (40 %)

конечники содержались не всегда, в двух случаях это были копья, а в трех - дротики (в двух могилах конных воинов Николаевского могильника диаметр втулки наконечников неизвестен). Выделяется группа погребений без оружия, но с мужским инвентарем (по 12, две и шесть могил в каждом могильнике), которые Н.В.Анфимов вместе с погребениями, снабженными оружием, но без узды (т.е. пеших воинов), отнес к мужским могилам¹². Мы считаем эти невоинские захоронения мужскими по наличию в них тех категорий изделий, которые не являлись оружием, встречались только в могилах воинов. Это бронзовые, реже железные ножи определенного типа, роговые наворачия, многочисленные оселки и культовые предметы в виде коленной чашечки коровы. К иному типу ножей относятся железные серповидные ножики из могильников Кубанский и Ясеновая Поляна, располагавшиеся рядом с костями животных и считающиеся бытовыми предметами¹³, сопровождали же они в основном мужские и воинские могилы (табл. 2).

Таблицы 2 и 3 демонстрируют также, что в мужских, воинских и невоинских, погребениях умершие почти всегда были вытянуты на спине (47 могил); лишь в двух могилах с мужским невоинским инвентарем (оселок, кремь) и трех могилах воинов, из которых один пеший (Кубанский могильник), находились костяки в скорченном положении. В могильнике Ясеновая Поляна из четырех целых погребений все скорчены (и все ориентированы на восток, в чем как будто можно усматривать определенную локальность); среди них в одном (4) лежал пеший воин¹⁴. В соседнем могильнике Фарс обнаружены 11 вытянутых погребений с уздой и оружием и три скорченных, одно из последних (костяк плохо сохранился) принадлежит пешему воину. Среди вытянутых погребений с уздой и оружием и три скорченных, одно из последних (костяк плохо сохранился) принадлежит пешему воину. Среди вытянутых по-

ИНВЕНТАРЬ	1		2	3	4	5	6	7	8	9	
	КОПЬЯ		БРОНЗ. СРЕЛЫ	НОЖИ	МЕЧИ-КИНЖАЛЫ	ТОПОРЫ	КАМЕН. БУЛАВЫ	РОГОВЫЕ НАВЕРШИЯ	ПСАЛИИ		УДИЛА
	БРОНС.	ЖЕЛ.		БРОНЗ. ЖЕЛ.	БИМЕТАЛЛ	ЖЕЛ.			КАМЕН.	БРОНЗ.	КОСТ.
ОБРЯД											

ВЫТЯНУТЫЕ	НИКОЛАЕВСКИЙ МОГ-К											
	18 МОГИЛ ПЕШИХ ВОИНОВ	10	2	4			1	1	1			
	5 МОГИЛ КОННЫХ ВОИНОВ	1	1	1	1					2	1,1	1,3
	11 МОГИЛ С МУЖСКИМ ИНВЕНТАРЕМ			2					1			
	5 МОГИЛ С УКРАШЕНИЯМИ											
	19 МОГИЛ ТОЛЬКО С ПОСУДОЙ											
	11 МОГИЛ БЕЗ ИНВЕНТАРЯ											
	ПСЕКУПСКИЙ МОГ-К I											
	5 МОГИЛ ПЕШИХ ВОИНОВ	2	3			1	1					
	4 МОГИЛ КОННЫХ ВОИНОВ	2	1				1				1,1	1,1
	2 МОГИЛ С МУЖСКИМ ИНВЕНТАРЕМ											1,1
	4 МОГИЛ ТОЛЬКО С ПОСУДОЙ											
	КУБАНСКИЙ МОГ-К											
	2 МОГИЛ КОННЫХ ВОИНОВ		1				1			1	1	1
	5 МОГИЛ С МУЖСКИМ ИНВЕНТ.			1	2							
1 МОГИЛА С УКРАШЕНИЯМИ				1								
4 МОГИЛ ТОЛЬКО С ПОСУДОЙ												
8 МОГИЛ БЕЗ ИНВЕНТАРЯ												

СКОРЧЕННЫЕ	НИКОЛАЕВСКИЙ МОГ-К											
	1 МОГИЛА С МУЖСКИМ ИНВЕНТАРЕМ											
	11 МОГИЛ С УКРАШЕНИЯМИ			1								
	35 МОГИЛ ТОЛЬКО С ПОСУДОЙ											
	28 МОГИЛ БЕЗ ИНВЕНТАРЯ											
	ПСЕКУПСКИЙ МОГ-К I											
	1 МОГИЛА С УКРАШЕНИЯМИ											
	8 МОГИЛ ТОЛЬКО С ПОСУДОЙ											
	6 МОГИЛ БЕЗ ИНВЕНТАРЯ											
	КУБАНСКИЙ МОГ-К											
	2 МОГИЛ КОННЫХ ВОИНОВ		1		2			1	1		1	1
	1 МОГИЛА ПЕШЕГО ВОИНА							1				
	1 МОГИЛА С МУЖСКИМ ИНВЕНТАРЕМ											
	8 МОГИЛ ТОЛЬКО С ПОСУДОЙ											
	20 МОГИЛ БЕЗ ИНВЕНТАРЯ											

Таблица 2. Протомеотские могильники. Соотношение категорий инвентаря и типов обряда трупоположения

10		11	12	13	14				15	16					17	18	19	20	21	22	
БЛЯШКИ		ОСЕЛКИ	КРЕМЬ	КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ	УКРАШЕНИЯ				ПОДЕЛКИ	ПОСУДА					ФРАГМЕНТЫ	ГЛИНЯНЫЕ ПРЯСАЦА	КУЛЬТОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ	БРОНЗ. ИГЛЫ	ПОДЕЛКИ ИЗ ВЕЛЕН. ШИПОНА	КОСТИ ЖИВОТНЫХ	НЕТРАДИЦИОННАЯ ОРИЕНТИРОВКА
КОСТ.	БРОНЗ.				БРАСЛЕТЫ	БУСЫ	ПОДЕСКИ	БУЛАВКИ		ЧЕРПАКИ	КУВШИНЫ	КУБКИ	МИСКИ	ГОРШКИ							

1	1	5	3	3				1		1	9										2	1 с-3
		3	2	2			1	1			2	1									1	1 с-8
		7	1	6						1	10					1					3	1 кост. мнжк
					2,1		4	1			2	1				3					1	2 с-3
											15	2				6					2	3 с-3
															1	1					2	3 с-3

		3	1				1	1			4	1		1		1					1	
	2	3									2										2	
		2									2										1	
											4											

	1	1	1				1							1	1						2	
		5	2									2		1	1						1	3
							1														1	
												1		1	2						1	
																					2	2 с-3

		1									1					1						
						2	5	1	4		4					1	2	2			1	2 с-3
				1						1	25	1	1		4	3	16		2	5	5 с-3	
																8				10	5 с-3	
																					8	5 с-3

							1				1			1	1							
											4	1	1		2	1					1	1 с-4
																						5 с-2
																						3 с-3

1	1	2					1							1	1					1	2	
												1		1							1	
			1																			
											2	2		2	6		5			1	1	4 кост.
																	3					6 с-3

гребеней нетрадиционная ориентировка реже всего встречается в мужских (воинских и невоинских) захоронениях: три случая из 29 могил Николаевского могильника. В остальных двух могильниках у таких погребений ориентировка традиционная, южная (табл. 2).

Погребений с украшениями больше в хорошо изученном Николаевском могильнике (16 могил); в двух других могильниках известно по одному такому погребению (158 и 42). В могилах, содержавших украшения, из других изделий найдена посуда (в этих же могилах встречены и бронзовые иглы), т.е. это не воинские и не мужские захоронения. Семь погребений с украшениями Николаевского могильника (раскопки первых двух лет) Н.В.Анфимов отнес к женским¹⁵. В мужских воинских захоронениях тоже встречались украшения – подвески и бусы (по три случая), булава (один случай), что и отмечено Н.В.Анфимовым¹⁶.

Обращает на себя внимание, что среди погребений Николаевского могильника с украшениями (если исключить из них воинские), скорченные встречаются чаще, чем вытянутые – II и пять случаев (табл. 2).

Наиболее многочисленная группа – погребения, содержащие только посуду: 54 в Николаевском и по 12 в Псекупском и Кубанском могильниках (посуда сопровождала и все группы погребений с другим инвентарем) (табл. 2). Среди этих могил с посудой в четырех случаях находились и другие изделия (бронзовая игла, глиняное пряслице и поделки из бедренных эпифизов). Во всех трех могильниках эта группа погребений в два раза больше среди скорченных (35, 8 и 6 могил), чем среди вытянутых (19, 4 и 4 могилы) (табл. 2, 3).

Последняя группа погребений – безынвентарные, составляющие немалый процент в Николаевском (26 %) и особенно в Кубанском (около 53 %) могильниках¹⁷ (табл. I, A); для Псекупского могильника это не установлено из-за плохой сохранности погребений. В двух первых могильниках не имеют инвентаря чаще скорченные (37 и 62 %), чем вытянутые, погребения (18 и 36 %) (табл. I, B). Безынвентарные захоронения чаще имеют не южную, нетрадиционную ориентировку (табл. 2). Н.В.Анфимов, отметив, что нетипичная, северная ориентировка, как правило, имеет место в погребениях без инвентаря, предположительно усматривает в них захоронения иноплеменников, находившихся в подчиненном положении у местного населения¹⁸. Однако в двух случаях северная ориентировка встречена в погребениях воинов – конного и пешего (табл. 2), на что указывает и Н.В.Анфимов.

Итак, в могильниках содержится несколько групп захоронений: I, 2 – воинские могилы (пешие и конные); 3 – могилы с мужским невоинским инвентарем; 4 – могилы с украшениями и посудой – с так называемым женским инвентарем; 5 – могилы только с посудой; 6 – безынвентарные могилы. Для первых трех групп характерен (но не абсолютно) обряд с погребением вытянутым на спине: из 47 только пять скорченных (табл. 3). Скорченные костяки преобладают над вытянутыми в два раза в погребениях с украшениями и посудой и особенно в самых многочисленных захоронениях, снабженных только посудой, а также в три раза в безынвентарных (табл. 3). Нетрадиционная ориентировка умерших тоже чаще встречается, как указывалось, в скорченных погребениях и особенно в сочетании с безынвентарностью (табл. I, B; 2).

Характер группового положения в указанных группах могил позволяет предположить, что в вытянутой позе хоронили преимущественно, но не исключительно, мужчин, а в скорченной – соответственно женщин; скорченность чаще связана с рядовыми группами населения. Иноэтнический компонент (безынвентарные погребения с нетрадиционной, северной ориентировкой) мог быть среди мужского и женского населения, превалируя, может быть, в последнем. Таким образом, протомеотский погребальный об-

ряд отражает определенный статус умерших: социальный и, видимо, половую принадлежность.

Вытянутая поза погребенного – обряд, являющийся новацией и появившийся в степях в начале эпохи раннего железа, в так называемое киммерийское время. Но в начале этой эпохи, на черногоровской ступени, в степях еще продолжал существовать обряд со скорченными захоронениями как наследие конца бронзового века. Вытянутая поза погребенного в протомеотских могильниках тоже новация в равнинной и предгорной частях Северо-Западного Кавказа, сосуществующая с более древним обрядом скорченных захоронений; последний продолжал встречаться и в раннемеотских могильниках. По новому обряду – в вытянутой позе – не случайно, видимо, чаще хоронили представителей высокого социального ранга протомеотского населения – конных и пеших воинов. Конные воины, вероятно, обладали более высоким социальным статусом по сравнению с пешими. Очевидно, обряд "в вытянутой позе" становится предпочтительным вообще для мужчин, а также, вероятно, и для определенной части женщин (немногочисленные вытянутые невоинские погребения с так называемым женским инвентарем: украшениями и посудой или только посудой).

Т а б л и ц а 3

Протомеотские могильники Николаевский, Кубанский, Псекупский. Соотношение групп погребений и типов обряда труположения

Могилы	Погребения	
	Вытянутые	Скорченные
Воинские (пешие и конные)	29	3
Невоинские (с мужским инвентарем)	18	2
С украшениями и посудой (женский инвент.)	6	12
Только с посудой	27	51
Без инвентаря	18	54

Новые материалы впервые позволили выявить определенные параллели между скорченными погребениями протомеотских могильников и впускными курганными захоронениями эпохи поздней бронзы из Михайловского могильника (раскопки В.Н. Каминского в 1965 г.), находящегося в 80–100 км к востоку от Николаевского и соседних с ним могильников в Закубанье. К северу от Кубани, в Прикубанье, локализуются погребения позднесрубной культуры, южная граница которых вплотную примыкает к р. Кубань. Михайловские погребения Закубанья обладают резко выраженным несрубным обрядом и содержат изделия (бронзовый нож белозерского типа, кружка, черпак), которые позволяют относить этот памятник к местной культуре конца бронзового века, синхронной белозерскому этапу, а следовательно, и кобяковской культуре¹⁹.

Скорченным протомеотским захоронениям свойственны разнообразие в труположении (на правом боку, реже в 2–4 раза на левом боку и на спине, изредка ничком), в положении рук (кисти обеих рук перед лицом, либо одна из рук согнута под прямым углом; несколько реже одна из рук вытянута вдоль тела, а другая лежит вдоль пояса, или обе руки протянуты к коленям), а также различная степень скорченности – от сильной до слабой и очень слабой. Для средней скорченности, при которой ноги согнуты в тазобедренных суставах под прямым углом, характерна подтянутость стоп к тазу, наблюдаемая и при сильной скорченности. Те же варианты труположения, а также положения рук присущи погребениям Михайловского могильника поздней бронзы. Кроме того, определенный разницей в ориентировке михайловских погре-

бений, в которой сосуществуют южное и северное направления (с отклонениями чаще к востоку, нежели к западу), как и безынвентарность могил в половине случаев, тоже переключаются с такими же чертами протомеотского обряда, представленными в нем чаще именно в скорченных захоронениях. В двух (из 13) михайловских погребениях встречены: галька, являющаяся культовым предметом в протомеотских и местных могильниках²⁰; глиняное пряслице – изделие, встречающееся в ряде протомеотских могильников; и кремневый скребок – редкое изделие для этих могильников.

Таким образом, михайловские погребения конца бронзового века содержат черты обряда, которые оказываются традицией, продолжающейся и в протомеотское время. Малочисленность михайловских захоронений, резко выделяющихся, однако, среди остальных погребений поздней бронзы Северо-Западного Предкавказья (а в Закубанье это пока первый погребальный памятник данного периода), делает наш вывод предварительным. Но скорченный обряд, свойственный половине погребений в большинстве протомеотских могильников (кроме Абинского), конечно, восходит к эпохе поздней бронзы на этой территории. Сделанное в свое время логичное предположение Н.В.Анфимова о корнях меотской культуры в местных культурах предшествующей поры – эпохи бронзы²¹ – подтверждается теперь на материалах нескольких групп памятников – протомеотских могильников и поселений (Красногвардейское II, верхний слой) – и памятников конца эпохи поздней бронзы – михайловских погребений и поселений кобяковского типа (Красногвардейское I, перекрытое протомеотским Николаевским могильником, и соседнее Красногвардейское II, нижний слой)²². Не исключено, что местная культура конца бронзового века михайловских погребений как-то свяжется с культурой кобяковского типа на Кубани, как и не исключено определенное влияние на михайловские погребения с юга, со стороны кобанской культуры, западная граница которой недавно выявлена В.Н.Каминским в бассейне Большой Лабы, в 25 км к западу от известного кобанского поселения Заслонка на Урупе.

Резюмируя, следует отметить, что на Кубани в развитии указанных местных культур поздней бронзы наблюдается определенный разрыв (при сохранении ряда традиций бронзового века) в начале эпохи раннего железа, чего нет в развитии синхронной кобанской культуры. Однако на Кубани этот разрыв не такой резкий, как в степной зоне, когда культура ранних кочевников сменила культуры различных оседлых племен предшествующего периода (белозерскую, кобяковскую в дельте Дона, позднесрубную). В степной зоне уже нет поселений начала раннего железного века, т.е. киммерийского времени. В лесостепной зоне, от Среднего Поднестровья до Среднего Поволжья, и в предгорном Крыму наблюдается продолжение развития культур конца бронзового века в начале эпохи раннего железа. Указанный процесс сочетался с воздействием степной культуры ранних кочевников на большую территорию, охватывавшую степную зону, и содержал в себе новации новой эпохи. Последние связаны не только с применением железа – процесса, восходящего к эпохе финальной бронзы (почти в каждом белозерском могильнике железные или биметаллические ножи, а также оселки; последние известны и на поселениях кобяковской культуры донской дельты). Влияние культуры степных кочевников, являвшихся воинами-конниками, на культуру оседлых народов (фракийцы, чернолещи, анацины, кобанцы, протомеоты) выразилось в том, что предметы конского снаряжения и вооружения содержали ряд типов и категорий, присущих культуре степных кочевников, но обычно изготовлявшихся на месте в подражание степным образцам. Это определенные типы узды (стремечковидные удила и стержневидные трехдырчатые псалии) и ее украшений; бронзовые наконечники стрел; каменные топоры-молоты и оселки; те биметаллические мечи-кинжалы, прототипы которых, по мнению А.И.Тереножкина²³, восходят к карасукским мечам-кинжалам. Эти изделия были широко распространены более всего в культурах оседлых обществ, локализующихся по окраине степной "киммерийской ойкумены". Степи от Волги до Дуная, занятые подвижным населением ранних кочевников, были той обширной зоной, из которой широко разносились определенные культурные элементы; атрибуты (оружие, узды и связанные с ними украшения) за ее пределы.

Социальное членение общества хорошо фиксируется в погребальном обряде для определенной свиты европейских культур предшествующего периода, со второй четверти II тысячелетия до н.э. и вплоть до киммерийского периода – с IX в. до н.э.²⁴ Вопросы социальной градации обществ указанного периода рассматривались археологами²⁵.

В предсрубный период (XVII в. до н.э.) могильники Среднего Поволжья, Южного Урала и Северного Казахстана содержат захоронения воинов с оружием, конской уздой (дисковидные псалии) и остатками колесниц. Известные могильники этого и последующего периодов – Турбино, Сейма, Ростовка и др. – тоже принадлежат военнородовой знати и нередко снабжены дорогим, богатым оружием. Среди раннесрубных могильников, синхронных Сейминскому, тоже нередки воинские захоронения, а иногда и целые могильники (Покровский). Это захоронения родо-племенной знати, названной военной аристократией²⁶. Возникновение такой военной знати связано, скорее всего, с определенной исторической ситуацией, т.е. с расселением, освоением новых территорий.

В позднесрубной культуре до конца ее существования картина иная. Специалисты указывали, что в позднесрубном обществе, как и в сабатиновском, была слабая социальная дифференциация по сравнению с предшествующим этапом срубной культуры²⁷. Объясняется это "общей культурной стабилизацией"²⁸. Погребальный обряд становится рядовым, ординарным, лишь изредка встречаются погребения, несколько выделяющиеся по обряду, но могилы военной, родо-племенной знати отсутствуют. Вместе с тем клады, литейные формы, поселения и случайные находки этого периода содержат оружие (кельты, конья, стрелы, кинжалы) и узду (костяные стержневидные псалии).

На финальном этапе бронзового века, в белозерской культуре, граничащей на востоке (р. Молочная в Приазовье) с позднесрубной культурой, погребальный обряд в отличие от позднесрубного, в том числе и сабатиновского, отражает усиление социальной и имущественной дифференциации²⁹. Но в богатых курганных белозерских захоронениях, принадлежавших родо-племенной верхушке, оружие встречалось очень редко (три-четыре случая) и было скромным по размерам и оформлению (биметаллические кинжалы), а узда отсутствовала. Между тем псалии, копья и один меч-кинжал известны в случайных находках, кладках и поселениях этого типа. Следовательно, в белозерском обществе родо-племенная знать не сугубо воинская, т.е. не являлась той военной аристократией, которая была у более древних предсрубных ("потаповских", "синташтинских" и "петровских") и раннесрубных племен.

В обществах предскифского времени начала эпохи раннего железа, как мы видели, снова имеет место социальная градация, связанная с выделением родо-племенной, военной верхушки и вообще воинского сословия (а в кочевом мире, вероятно, почти каждый мужчина был воин). Этот процесс у оседлого населения мог стимулироваться соседством с агрессивным кочевым миром.

Вместе с тем за пределами степной зоны известно несколько погребений финальной бронзы, содержащих оружие и детали узды – роговые псалии белогрудовско-белозерского типа. Это погребения маклашевского этапа прикавказской культуры и кобанские (Майртупский могильник 2)³⁰. Следовательно, выделение воинов, в том числе и конных, началось в некоторых обществах оседлых народов Юго-Восточной Европы непосредственно в предкиммерийский период.

1. А н ф и м о в Н.В. Протомеотский могильник с. Николаевского // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2; О н ж е. Кинжалы кабардино-пятигорского типа из Прикубанья // МИА. 1965. № 130; О н ж е. Сложные местной культуры и связи ее со степными культурами Северного Причерноморья // МИА. 1971. № 177; О н ж е. Новый памятник древнемеотской культуры // Скифский мир. Киев, 1967; О н ж е. Отчеты о раскопках 1956 г., 1958–1960 гг.; 1963 г.; 1965 г. // Архив ИА. Р-1. № 2795; № 2796; № 2988; № 3174.
2. Ч е р н ы х Е.Н. Спектральные исследования бронзовых предметов из Николаевского могильника // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1972. Т. 3.
3. Д о в д а ч е Н.Г. Эволюция форм и художественных средств в местной керамике // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1961.

4. А н ф и м о в Н.В. Сложение меотской культуры... ; О н ж е. Новый памятник...
5. См. также: Ш а р а ф у т д и н о в а Э.С. К вопросу о местных традициях эпохи поздней бронзы и социальной градации в протомеотском погребальном обряде // Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе: Тез. докл. науч.-практ. семина. Донецк, 1989.
6. Л о в п а ч е Н.Г. Могильник в устье реки Пескупса // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1965; О н ж е. Отчет о раскопках 1983 г. // Архив ИА. Р-1. № 10916.
7. Д и т л е р А.И. Могильники в районе поселка Колосовка на реке Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. 2. С. 127-129, 132-134, 139-141.
8. Раскопки А.Д.Резепкина в 1980 г. Раскопки А.М.Лескова в 1981-1983 и 1986 гг.
9. А н ф и м о в Н. В. Сложение меотской культуры... С. 171, 172; О н ж е. Новый памятник... С. 35, 36.
10. А н ф и м о в Н.В. Сложение меотской культуры... С. 172; О н ж е. Новый памятник... С. 36, 37, 44.
11. Б о ч к а р е в В.С. Рукопись плановой темы "Металлические изделия эпохи поздней бронзы Нижнего Подонья и Северо-Западного Кавказа (относительная и абсолютная хронология)". Л., 1988. С. 59-61.
12. А н ф и м о в Н.В. Протомеотский могильник... С. 117; О н ж е. Сложные меотской культуры... С. 173.
13. А н ф и м о в Н.В. Сложение меотской культуры... С. 176; Л о в п а ч е Н.Г. Эволюция форм... С. 47.
14. Д и т л е р А.П. Могильники в районе поселка Колосовка... С. 132, 134.
15. А н ф и м о в Н.В. Протомеотский могильник... С. 118.
16. Там же, С. 119.
17. А н ф и м о в Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры... С. 36.
18. А н ф и м о в Н.В. Сложение меотской культуры... С. 172; О н ж е. Новый памятник древнемеотской культуры... С. 36.
19. Ш а р а ф у т д и н о в а Э.С., К а м и н с к и й В.Н. Михайловский могильник конца эпохи поздней бронзы в Закубанье // СА. 1988. № 4.
20. А н ф и м о в Н.В. Сложение меотской культуры... С. 176.
21. А н ф и м о в Н.В. Протомеотский могильник... С. 126.
22. Ш а р а ф у т д и н о в а Э.С. Поселение Красногвардейское II - новый памятник начала эпохи раннего железа на Кубани // КСИА. 1967. Вып. 192; Ш а р а ф у т д и н о в а Э.С., К а м и н с к и й В.Н. Михайловский могильник...; А н ф и м о в Н.В., Ш а р а ф у т д и н о в а Э.С. Поселение Красногвардейское I на Кубани - новый памятник косяковской культуры // СА. 1982. № 3.
23. Т е р е н о ж к и н А.И. Киммерийские мечи и кинжалы // Скифский мир. Киев, 1975.
24. Т е р е н о ж к и н А.И. Киммерийцы. Киев, 1976. С. 22 и след.
25. Т е р е н о ж к и н А.И. Киммерийцы... С. 212 и след.; О т р о щ е н - к о В.В. О социальном членении погребений срубной культуры Поднепровья // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Тез. докл. конф. Донецк, 1979. С. 87; О н ж е. Белозерская культура // Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986. С. 152; Ц и м и н д а н о в В.В. Об уровне социального развития срубного общества // Актуальные проблемы охраны и исследования археологических памятников в Центральном Донбассе: Тез. докл. конф. Черевальск, 1988. С. 20-22.
26. К у з ь м и н а Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. М., 1981. С. 111; Б о ч к а р е в В.С. Развитие общества и прогресс систем вооружения (по материалам поры поздней бронзы юга Восточной Европы) // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа: Тез. докл. Всесоюз. симпозиум. Ереван, 1982. С. 19, 20.
27. Т е р е н о ж к и н А.И. Киммерийцы... С. 213, 214; Б о ч к а р е в В.С. Развитие общества... С. 21.
28. Б о ч к а р е в В.С. Развитие общества... С. 21.
29. Т е р е н о ж к и н А.И. Киммерийцы... С. 101-103, 212-215; О т р о щ е н - к о В.В. О социальном членении погребений... С. 86, 87.
30. Х а л и к о в А.Х. Приказанская культура // САИ. 1980. Вып. VI-24. Табл. 17; 19; 55, 15-17; Д у д а р е в С.Л. Памятник Прикубанья киммерийского времени и проблема периодизации - хронологии древностей предскифского периода Северного Кавказа // I Кубанская археологическая конференция: (Тез. докл.). Краснодар, 1989. С. 4, 5.

ПУБЛИКАЦИИ

А.В.Энговатова

О КУЛЬТУРНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПОГРЕБЕНИЯ СО СТОЯНКИ ИБЕРДУС I

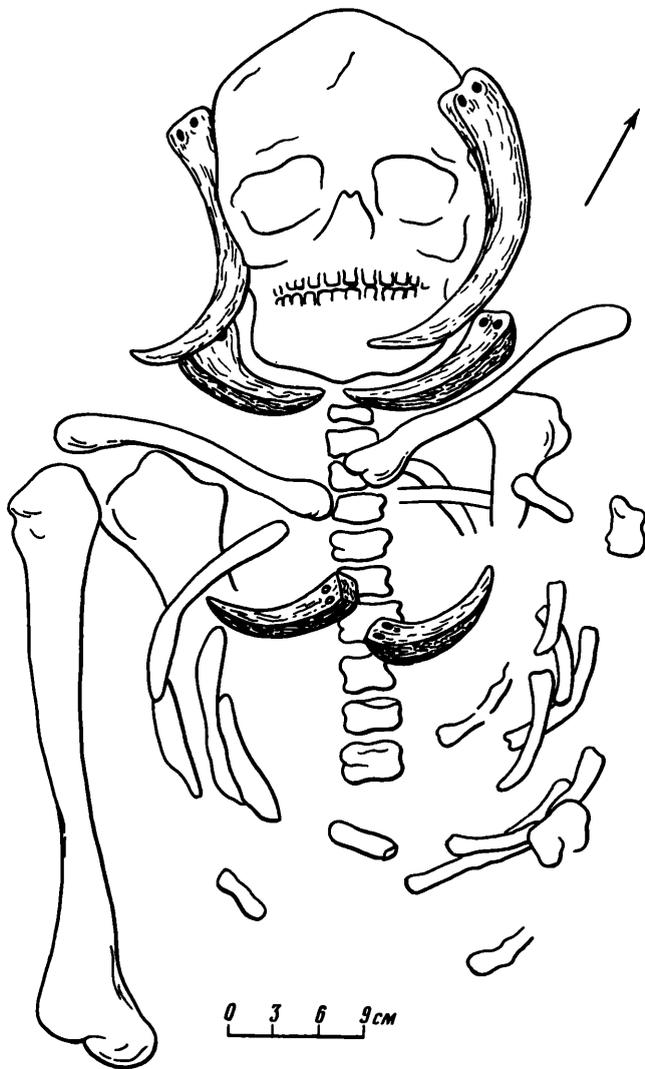
Проблема мариупольской культурно-исторической области, ее хронологии и ареала в последнее время стала особенно актуальна в связи с выделением степных и лесостепных культур, предшествующих ямной¹.

Область распространения могильников "мариупольского типа" - Крым, Поднепровье, Приазовье, Подонье, южная часть Среднего Поволжья². Самый северный могильник, Съезженский, находится около города Куйбышева³.

Находка погребения у с.Ибердус в 28 км от г.Касимова, которое, как мы полагаем, может быть отнесено к "погребениям мариупольского типа", помогает лучше очертить северную границу распространения этой культуры, а также ставит вопрос о характере ее влияния на местные культуры эпохи неолита и раннего металла.

Стоянка у с.Ибердус (Касимовский район, Рязанская область) расположена на левом берегу старицы р.Оки, на второй ее надпойменной террасе⁴. Она была открыта директором Касимовского городского музея краеведения И.А.Китайцевым в 1926 г., в том же году Б.А.Куфтиным были проведены на стоянке трехдневные раскопки, давшие богатый материал⁵. При осмотре стоянки в 1957 г. местные жители показали И.А.Китайцеву место, где был найден богато орнаментированный сосуд. В этом месте И.А.Китайцев заметил "небольшой бугорок", копнув его тростью, он извлек изогнутую просверленную роговую пластину, которая оказалась расщепленным вдоль огромным кабаньим клыком. При расчистке "бугорка" был обнаружен человеческий череп. Найденная роговая пластина находилась на правой теменной и височной костях черепа. Точно такая же половина распиленного вдоль кабаньего клыка находилась на левой стороне черепа. Клыки были просверлены с двух сторон на широкой части и в середине противоположного узкого конца. Кольцом охватывая шею скелета, располагалась следующая пара массивных, просверленных аналогично первой паре, но меньших по размеру клыков кабана. Соответственно длина у первой пары 21,5 см, а наибольшая ширина 2,1 см, у второй - 19,6 и 2,2 см. Наконец, два небольших (12,5 см на 2,1 см) клыка кабана, обработанных так же, находились среди обломков ребер на грудной клетке скелета (рис. 1). Последние две пары клыков целые в отличие от разрезанных пополам клыков, располагавшихся на черепе. Скелет лежал на спине, судя по расположению позвоночника, в вытянутом положении. Ориентиров-

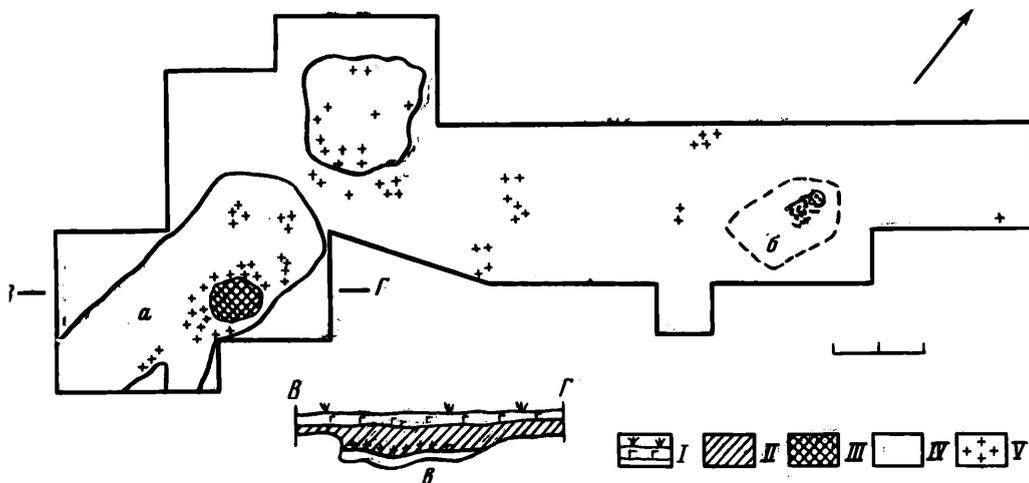
⁵Материалы хранятся в Московском областном краеведческом музее г.Истра.

Р и с. I. Погребение с украшениями из клыков кабана

ка - север-северо-запад. Сохранность костей хорошая, однако в погребении была лишь верхняя половина скелета: череп, ключицы, частично позвонки (10 позвонков), правая плечевая кость, правая и обломок левой лопатки, обломки ребер (рис. I). Нижняя часть скелета, видимо, была разрушена проходящей в нескольких метрах проезжей дорогой. Глубина залегания костей не превышала 20-22 см от современной поверхности, но первоначально она могла быть значительно больше, так как последнее время песчаная дна интенсивно переведалась.

В 1960 г. экспедиция Государственного Исторического музея под руководством И.К.Цветковой провела раскопки непосредственно возле погребения (рис. 2), но следов других могил найдено не было. К юго-западу от погребения шел слой стоянки, относимой автором раскопок И.К.Цветковой к позднему, третьему этапу рязан-

Р и с. 2. Стоянка Ибердус I. План раскопа

а - жилище; б - погребение; в - разрез жилища. I - дерн и поддерновый слой; II - светло-серый песок; III - темно-серый углистый песок; IV - желтый материковый песок; V - фрагменты керамики

ской неолитической культуры. В 14 м от погребения были найдены жилище и хозяйственная яма, материал которых также позволил их отнести к позднему этапу рязанской культуры^{жж}. Тонкий культурный слой перекрывал также и погребение, находившееся в светлом подстилающем песке.

В 1966 г. И.К.Цветкова опубликовала статью, посвященную этому погребению, найденному И.А.Китайцевым, где отнесла его к рязанской культуре и связала с материалами стоянки⁷.

В свете накопившихся к настоящему времени данных погребение со стоянки Ибердус I должно быть отнесено к погребениям "мариупольской провинции". Основанием для этого служат: во-первых, то, что специфические украшения из клыков кабана и их расположение на голове, шее и груди скелета находят полную аналогию в погребениях У1, ХХХа, LV1, LXXIV Мариупольского могильника⁸.

Во-вторых, погребение со стоянки Ибердус I резко отличается от других погребений рязанской культуры, например от Черногорского могильника. Причем на Черной горе основанием для отнесения погребений к рязанской культуре служит стратиграфия стоянки⁹. Тогда как на стоянке Ибердус I связь погребения с самой стоянкой никак не доказана. Более того, слой стоянки перекрывает погребение, что говорит о более раннем возрасте последнего¹⁰. В-третьих, ориентировка погребения на север-северо-запад более характерна для погребений "мариупольской провинции"¹¹, но не присуща рязанской культуре (ориентировка Черногорского могильника: 6 могил с западной, 5 - с восточной, одна - с северной, 3 - с южной и по одной могиле с северо-западной и юго-восточной ориентировкой). Датировка погребения со стоянки Ибердус I может быть дана, исходя из относительной хронологии мариупольских могильников¹². По наличию украшений из клыков кабана, а также по

^{жж} Поздний этап рязанской культуры, видимо, может быть соотнесен с недавно выделенной В.П.Третьяковым энеолитической культурой типа Имерки 5 и датироваться концом III тысячелетия до н.э.⁶.

одиночному вытянутому положению костяка погребение относится к третьему этапу (конец IV – первая половина III тысячелетия до н.э.). В самом Мариупольском могильнике украшения из клыков кабана встречаются в основном в могилах с пластинками типа Б, реже с типом А и Б и единично с типом Г. Пластины позднего типа Г найдены в Никольском, Лысогорском могильниках, могильнике у с.Съезжее и др. Соответственно даты этих могильников могут дать верхнюю границу Ибердусского погребения. По костным остаткам с Никольского могильника получены даты 3690 ± 400 и 2670 ± 120 лет до н.э.¹³ В более поздней работе Д.Я.Телегин датирует Никольский, Лысогорский могильники и основной ряд Мариупольского могильника началом второй половины IV тысячелетия до н.э.¹⁴ Исходя из этого, грунтовое* одиночное нескорченное погребение со стоянки Ибердус I можно датировать второй половиной IV тысячелетия до н.э., т.е. погребение минимум на 500 лет древнее находящейся рядом стоянки, что еще раз подтверждает отсутствие связи между ними.

Возможность появления на Средней Оке групп степных и лесостепных культур юга кажется вполне вероятной, исходя из данных палеогеографии. По данным палинологического анализа, в среднем голоцене (атлантический период, 5–3 тыс. лет назад) отмечаются значительные продвижения к северу степных ландшафтов¹⁵. Зону Средней Оки можно считать, таким образом, "контактной" между племенами лесных охотников и рыболовов и скотоводами "мариупольской провинции". Определенным индикатором таких контактов могут служить своеобразные воротнички на венчиках сосудов. Эта деталь характерна для сосудов I и II этапов рязанской культуры¹⁶. Стоянки этих этапов расположены недалеко от Ибердусской – это Бабино-Булыгино, Черная Гора и др. По относительной хронологии эти этапы датируются IV тысячелетием до н.э. В более северных районах подобные воротнички не характерны в это время для ямочно-гребенчатой керамики. Появление такого яркого морфологического признака, как воротничок на венчике сосуда, становится объяснимым, только исходя из контактов с южными племенами, у которых этот элемент господствовал в керамике в IV тысячелетии до н.э.¹⁷

Таким образом, ибердусское погребение мариупольского типа вполне логично вписывается в общую картину культурных связей IV тысячелетия до н.э.

1. А г а п о в С.А., В а с и л ь е в И.Б., Ш е с т р и к о в а В.И. Хвалынский могильник и его место в энеолите Восточной Европы // Археология Восточно-европейской лесостепи. Воронеж, 1979; Б е л а н о в с к а я Т.Д. Ракушечная культура времени неолита и энеолита на Нижнем Дону // Проблемы хронологии и археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов, 1983; В а с и л ь е в И.Б., М а т в е е в а Г.И. Поселение и могильник у с.Съезжее // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976; В а с и л ь е в И.Б., М а т в е е в а Г.И. Могильник у с.Съезжее на р.Самаре // СА. 1979. № 4; В а с и л ь е в И.Б. Энеолит Поволжья (степь и лесостепь). Куйбышев, 1981; Г е й А.Н. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья (о роли мариупольской провинции в формировании степных скотоводческих культур эпохи бронзы): Дис. ... канд. ист. наук // Архив ИА АН СССР. Р-2/2343; М а л о в Н.М. Хлопковский могильник и его место в энеолите Поволжья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982; М а р и н а Э.П. Энеолит – ранний бронзовый век степного левобережья Днепра: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981; М о р г у н о в а Н.Д. Эпоха неолита и энеолита в лесостепной зоне Волго-Уральского междуречья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; П р я х и н А.Д., С и н ю к А.Т. Новые материалы по неолиту и энеолиту Среднего Дона с Шилынского поселения // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980; С и н ю к А.Т. Репинская культура эпохи энеолита

*"Бугорок" над погребением был столь незначительного размера, что не позволяет рассматривать его как искусственную насыпь.

и бронзы в бассейне Дона // СА. 1981. № 4; О н ж е. Об энеолитических могильниках лесостепи (по материалам Дона) // СА. 1984. № 3; Х а л и - к о в А.Х. Энеолитическая эпоха в лесной и лесостепной полосе Восточной Европы // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

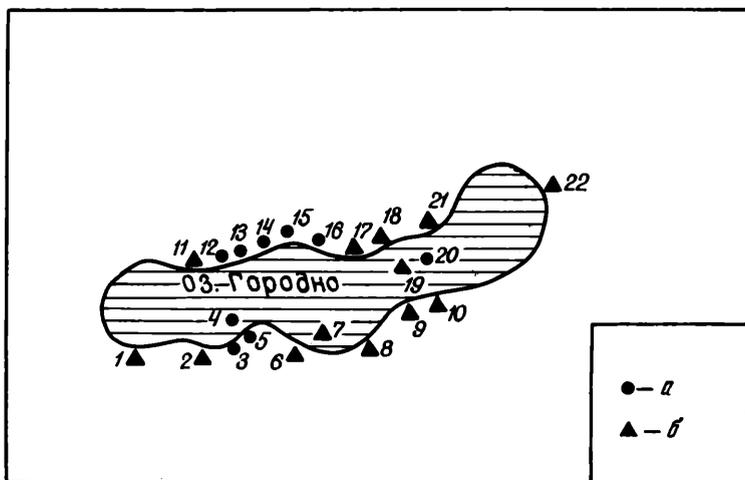
2. Г е й А.Н. Переход от неолита к бронзовому веку... С. 30, 38.
3. В а с и л ь е в И.Б., М а т в е е в а Г.И. Поселение и могильник у с.Съезжее; О н и ж е. Могильник у с.Съезжее...
4. А с е е в А.А. Палеогеография долины Средней и Нижней Оки в четвертичный период. М., 1959. Рис. 2.
5. Ц в е т к о в а И.К. Неолитическое погребение на стоянке Ибердус I // Тр. ГИМ. М., 1966. Вып. 40. С. II.
6. Т р е т ь я к о в В.И. Поселение Имерка 5 - памятник эпохи энеолита в При-мокшанье // СА. 1987. № I.
7. Ц в е т к о в а И.К. Неолитическое погребение... С. II; О н а ж е. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. М., 1970. С. 80. (Тр. ГИМ; Вып. 44).
8. М а к а р е н к о М. Маріюпільський могильник. Київ, 1933. С. 75, 89, 90.
9. Ц в е т к о в а И.К. Черногорский неолитический могильник // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985. С. 92. (Тр. ГИМ; Вып. 60).
10. Ц в е т к о в а И.К. Отчет о раскопках у д.Ибердус в Касимовском р-не Рязанской обл., 1960 // Архив ИА АН СССР. Р-1 № 2094. Рис. 7.
11. В а с и л ь е в И.Б., С и н ь к о А.Т. Энеолит восточно-европейской лесостепи. Куйбышев, 1985. С. 24.
12. Г е й А.Н. Переход от неолита к бронзовому веку... С. 73.
13. Т е л е г и н Д.Я., С о б о т о в и ч Э.В., К о в а л ь х Н.П. Радиоуглеродное датирование археологических материалов // Использование методов естественных наук в археологии. Киев, 1978. С. 56.
14. Т е л е г и н D.V. Dereivka: A Settlement and Cemetery of Cooper Age Horse Keepers on the Middle Dnieper // BAR. International Series 287. L., 1986.
15. С е р е б р я н н а я Т.А. Взаимоотношение леса и степи на Среднерусской возвышенности в голоцене // История биогеоценозов СССР в голоцене. М., 1976; О н а ж е. О динамике лесостепной зоны в центре Русской равнины в голоцене // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 182.
16. Ц в е т к о в а И.К. Племена рязанской культуры... С. 103, 106.
17. В а с и л ь е в И.Б., С и н ь к о А.С. Энеолит... С. 27, 28.

М.П.Зими́на

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ ОЗЕРА ГОРОДНО

Озеро Городно находится в северо-восточной части Валдайской возвышенности и Новгородской области в районе с широко развитыми карстовыми явлениями. В связи с этим уровень озера колеблется, периодически оно сильно мелеет, и раз в 30 лет вода уходит почти полностью. Озеро вытянуто в направлении с запада на северо-восток. Длина его около 9 км, наибольшая ширина около 2,5 км. Береговая линия извилиста. Многочисленны заливы, полуострова и острова. Песчаные берега покрыты сосновым лесом. Даже высокие участки берега (4-5 м), периодически исчезающие под водой, размываются. Культурный слой стоянок, располагавшихся на таких участках, сильно разрушен, находки разнесены на значительные расстояния. В то же время на отлогих участках берега песок намывается. Культурный слой стоянок на таких местах оказывается погребенным под несколькими прослойками намывного песка.

Обследование берегов озера возможно лишь в периоды его обмеления. Первая неолитическая стоянка Иваново Колице была открыта Ю.А.Ливеровским в 1940-1941 гг.

Р и с. 1. Карта распространения неолитических стоянок

а - стоянки; б - местонахождения; 1 - Никандровский плес; 2 - Сайгина лахтина; 3 - Большой Книзик; 4 - Малый Книзик; 5 - Иваново Колице; 6 - Гольский плес; 7 - Кривой остров; 8 - Белые пески; 9 - Граничная; 10 - Шубники; 11 - Красногорский плес; 12 - Домовицкий мыс; 13 - Гумароша; 14 - Габароша; 15 - Ерзовская; 16 - Перевоз; 17 - Каротовая; 18 - Жальничная; 19 - Брусничный остров; 20 - Прямой остров; 21 - Долгий остров; 22 - Сухая

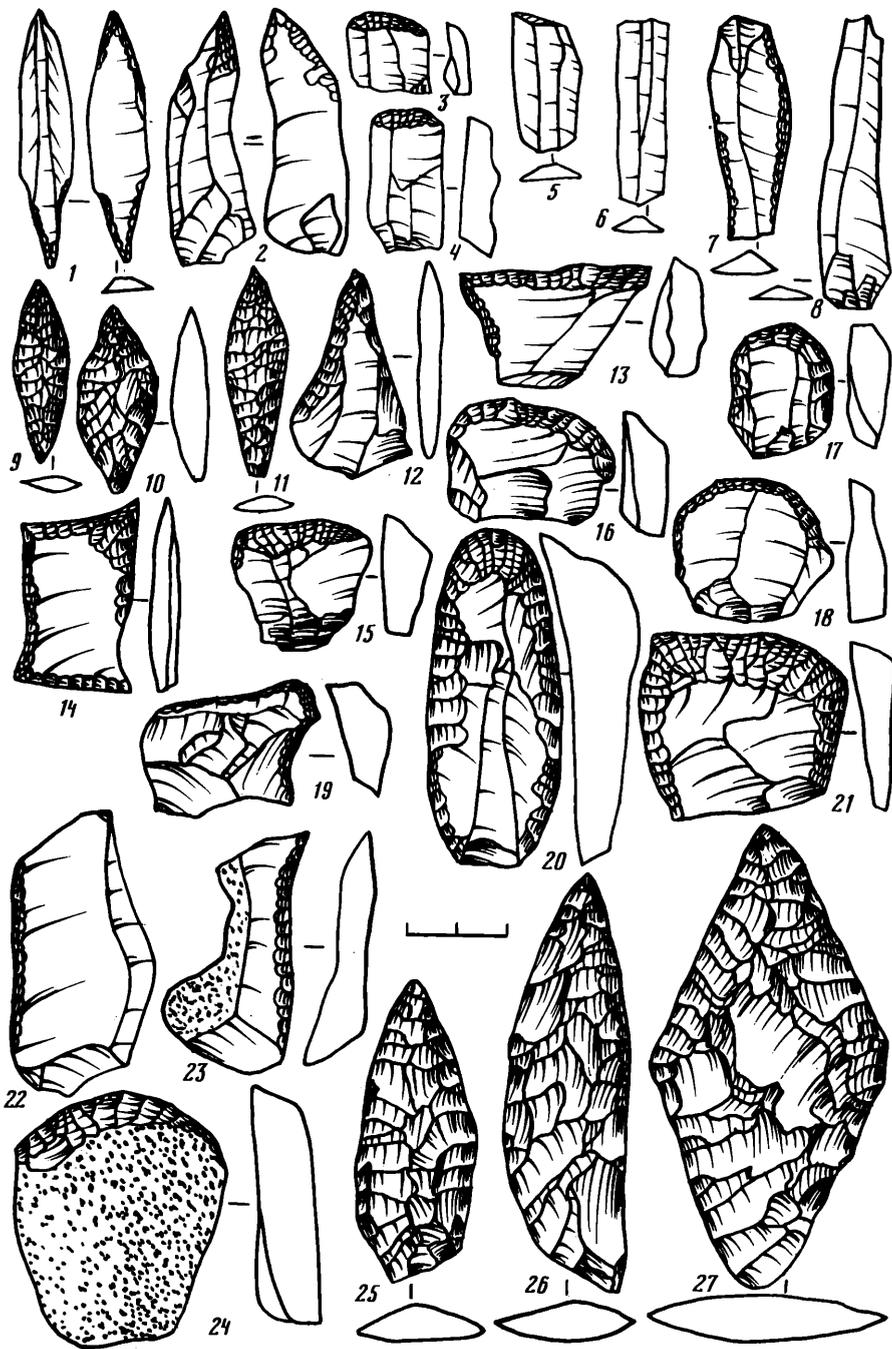
на южном берегу. Материалы этой стоянки использованы в работах М.Е.Фосс¹ и Г.А.Панкрушева². В 1971-1973 гг. К.В.Гарновский на берегах озера открыл 26 неолитических стоянок и местонахождений*, из них две стоянки и пять местонахождений обследованы автором в 1972 г.³

На северном берегу озера (рис. 1) находятся пять стоянок (Домовицкий мыс, Гумароша, Габароша, Ерзовская, Перевоз) и пять местонахождений. На южном берегу озера располагаются две стоянки (Большой Книзик, Иваново Колице) и шесть местонахождений. Две стоянки (Малый Книзик и Прямой остров) и два местонахождения найдены на островах.

Раскопки на стоянках оз. Городно не производились. На трех стоянках с целью обнаружения культурного слоя закладывались шурфы (Гумароша, Перевоз К.В.Гарновским, Иваново Колице - М.И.Зиминной). На первых двух стоянках культурный слой не обнаружен. В небольшом количестве встречались находки в прослойках намывного песка с глубины 0,06-0,8 до 0,35 м. На стоянке Иваново Колице культурный слой залегал на глубине 0,6 м под несколькими прослойками намывного песка.

На подавляющем большинстве известных в настоящее время стоянок культурный слой разрушен, вещи растащены на большие расстояния от первоначальных мест. Сами поселения располагались вдоль глубоководной части озера на высоте 1-1,5 м

*К.В.Гарновский был неутомимым путешественником и самоотверженным краеведом. В поисках поселений первобытного человека он обследовал многие озера Новгородской области. На берегах озер Городно, Ракитно, Карабожа, Люто и др. им найдено около 50 неолитических стоянок и местонахождений каменных орудий. В основе этой работы лежат материалы, собранные К.В.Гарновским.

Р и с. 2. Кремневый инвентарь неолитических стоянок

1, 2, 5, 7 - Большой Книзик; 3, 20, 21 - Габароша; 4, 6, 8, 9, 15, 17-19; 22, 24-26 - Гумароша; 10, 12, 13 - Ерзовская; 14 - Домовицкий мыс; 15 - Жальничная; 11-23 - Перевоз; 27 - Долгий остров

над уровнем воды в озере. В наши дни они скрыты под водой. Тем не менее на стоянках собран значительный материал, позволяющий составить представление о материальной культуре древнего населения, некогда обитавшего на оз. Городно.

Коллекции, собранные на стоянках К.В.Гарновским, насчитывают от 50 до 315 орудий и от 14 до 300 фрагментов керамики. Коллекции местонахождений включают от 18 до 35 предметов.

Материалы одной стоянки, Большой Книзик, выделяются из общей массы. С некоторой долей вероятности эта стоянка может быть отнесена к раннему неолиту. В ее коллекции имеется наконечник стрелы, изготовленный из пластины. Длина его 5,2 см, ширина 1 см. Острие обработано мелкой ретушью с брюшка, черешок – противоположащей ретушью со спинки и брюшка (рис. 2, 1). Большинство орудий сделано из пластин. Среди них ножи и вкладыши составных орудий, сверло и проколка, у которых ретушью обработан рабочий конец, и скребок. У некоторых пластин прилегающая ретушь по одному или двум краям. Два скобеля с несколькими мелкими выемчатыми лезвиями и скребок оформлены на отщепе. Помимо отщепов с ретушью и без ретуши имеются конусовидные нуклеусы, предназначенные для снятия пластин. В целом облик коллекции архаичный (рис. 2, 1, 2, 5, 7).

Материалы, собранные на остальных стоянках и местонахождениях, аналогичны и могут быть описаны суммарно. Они принадлежали одной или нескольким родственным группам населения, обитавшего здесь в эпоху позднего неолита-энеолита. Некоторые памятники (Гумароца, Габароца, Перевоз, Ерзовская, Иваново Колище) были, по-видимому, долговременными поселениями, другие, в том числе островные, представляли собой временные стоянки охотников-рыболовов.

Для изготовления орудий население использовало местный, не очень высокого качества кремень, встречающийся на озере в изобилии. Шлифованных орудий из сланца немного. В коллекциях присутствуют орудия охоты – наконечники стрел и копий; орудия, использовавшиеся для обработки кожи, кости и дерева, – скребки, ножи, сверла, проколки, скобеля; орудия для обработки дерева – долота, топоры, тесла – и камня – отбойники, ретушеры. Почти не встречаются здесь шлифовальные плитки, в больших количествах имеющиеся на одновременных стоянках соседних территорий.

Наконечники копий и стрел ретушированы с двух сторон. Наконечники копий имеют ромбическую и листовидную форму (рис. 2, 25, 27); наконечники стрел – листовидную, ромбовидную и ромбическую форму (рис. 2, 9, 11). Иногда встречаются треугольные и ромбические наконечники стрел с черешком. Последние указывают на принадлежность памятника или определенной части его материалов к энеолитической эпохе.

Ножи в большинстве своем сделаны из отщепов, нередко пластинчатых. У многих ножей ретушью оформлен не только рабочий край, но и частично или полностью вся спинка. Нередки ножи с двусторонней сплошной ретушью (рис. 2, 14, 22, 23, 26).

Проколки и сверла также изготавливаются из отщепов, изредка из пластин. Обычно крутой ретушью оформлялся рабочий край орудий, часто с прилегающими сторонами, но есть сверла со сплошь ретушированной спинкой, встречаются двусторонне ретушированные сверла (рис. 2, 10, 12; 3, 9).

Самой многочисленной группой орудий, как это обычно бывает на неолитических стоянках, являются скребки. Они имеют разнообразную форму и размеры. Чаще всего попадаются подквадратные в плане, округлые, трапециевидные, подтреугольные, прямоугольные скребки; высокие и низкие; крупные и мелкие. Рабочий край скребков округлый или прямой, иногда с закругленными углами. У некоторых скребков рабочий край сужен или скошен в ту или другую сторону. Рабочий край скребков обычно оформлен крутой ретушью, которая нередко заходит на одну или обе боковые грани.

Часто у высоких скребков рабочий край подправлен мелкой вторичной ретушью (рис. 2, 15-18, 20, 21, 24). У некоторых орудий сплошь ретуширована спинка. Подавляющее большинство скребков изготовлено из отщепов, но есть и концевые скребки на пластинах.

Наблюдается некоторое отличие скребков по форме на разных памятниках. Так, на стоянке Перевоз преобладают скребки округлые и квадратные, на стоянке Гумароша - трапециевидные и треугольные, на Ерзовской - округлые и трапециевидные.

Скребла, найденные на стоянках оз.Городно, имеют те же формы, что и скребки, но гораздо большие размеры. Скобели, как правило, сделаны из отщепов, их прямой или вогнутый рабочий край оформлен крутой ретушью (рис. 2, 13, 19).

Имеются в коллекциях и комбинированные орудия с двумя или тремя рабочими концами - двойной скребок, нож-скребок, проколка-скребок-скобель (рис. 2, 14).

Довольно многочисленны рубящие орудия и их заготовки - топоры, долота. Все они имеют трапециевидную, прямоугольную и подтреугольную форму. У топоров прямоугольное, трапециевидное или линзовидное сечение, симметричное лезвие, один угол которого сработан. Шлифованные сланцевые топоры клиновидные, прямоугольной или трапециевидной формы, с прямоугольным или линзовидным сечением (рис. 3, 10).

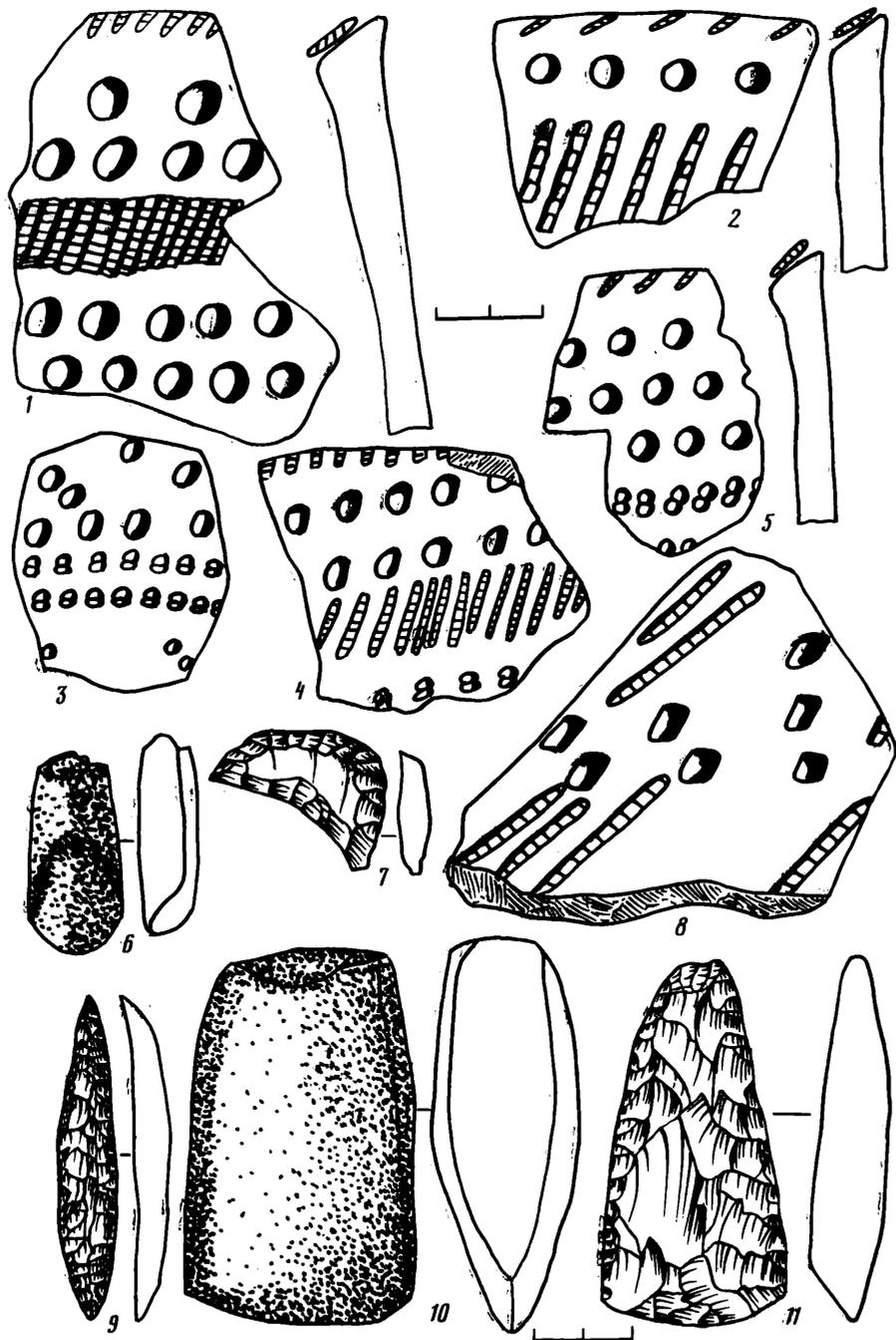
Долота отличают симметричное прямое или округлое лезвие, трапециевидное, сегментовидное или подтреугольное сечение. У некоторых долот вогнутый рабочий край. На стоянке Гумароша найдено миниатюрное желобчатое долото (рис. 3, 6, 11).

Предметы искусства в виде кремневой скульптуры обнаружены на стоянке Ивано-во Колице - антропоморфная фигурка - и на стоянке Перевоз - изображение птичьего крыла (рис. 3, 7). В кремневом инвентаре стоянок Габароша, Гумароша, Ерзовская и Перевоз в небольшом количестве присутствуют пластины и концевые скребки, изготовленные из них. Их, по-видимому, следует связывать с энеолитическим временем. Впрочем, не исключено, что некоторые из них относятся к раннему неолиту.

Описанный выше кремневый инвентарь сопровождается керамикой, украшенной ямочно-гребенчатым и гребенчато-ямочным орнаментом. Посуда, судя по имеющимся фрагментам, имела полуяйцевидную форму, приостренное дно, прямые стенки, прямые или слегка отогнутые наружу венчики. Край последних скошен вовнутрь и утолщен. Обрез венчика сверху, снаружи, часто и изнутри, украшен оттисками гребенчатого штампа. В качестве элементов орнамента использованы круглые, овальные, иногда квадратные ямки, полудлунные вдавления, оттиски гребенчатого и гладкого штампа, веревочки. Орнамент покрывает всю поверхность сосуда.

Для украшения сосуда использовалось обычно несколько элементов орнамента. Наиболее распространенным является узор в виде рядов косо или прямо поставленных отпечатков преимущественно гребенчатого штампа и ямок (рис. 3, 1, 2, 4, 5). Часто встречаются диагональные полосы, выполненные гребенчатым штампом, ямочными или парноямочными вдавлениями, соединяющие горизонтальные зоны (рис. 3, 3, 8). Характерная особенность орнаментики керамики неолитических стоянок озера Городно - узоры из широких зигзагов, ромбов, треугольников, заштрихованных оттисками гребенчатого штампа, встречающиеся здесь чаще, чем на других стоянках этого района. На некоторых стоянках присутствует керамика с разреженным орнаментом.

Представленные выше коллекции аналогичны материалам позднеолитических стоянок или позднеолитических слоев многослойных стоянок других озер и речек бассейна р.Мсты (Усть-Валдайка I-II, Репище, Кончанское I, Велье I, Рутино I и др.)⁴ и по аналогии с ними датируются второй четвертью - серединой III тыся-

Р и с. 3. Находки на стоянках

I-5, 8 - керамика; 6, 7, 9-II - каменные орудия; 1, 2 - Ерзовская;
 2-6 - Гумароща; 7 - Перевоз; 8 - Иваново Кожище; 9 - Карстовая;
 II - Долгий остров

челютия до н.э. Они могут быть включены в территорию распространения мстинской неолитической культуры, родственной культурам ямочно-гребенчатой керамики Волго-Окского междуречья.

Наличие геометрических штрихованных узоров, характерных для культуры типичной ямочно-гребенчатой керамики⁵, свидетельствует о связях с населением западных областей Восточной Европы.

Некоторые формы кремневого инвентаря (скребла, рубящие орудия), встреченные на стоянках оз.Городно, имеют аналогии в материалах позднеолитических стоянок валдайской культуры⁶. Это обстоятельство также объясняется связями с населением, оставившим памятники валдайской культуры.

На оз.Городно нет поселений периода среднего неолита, для которых прежде всего характерны наличие инвентаря из кости, дерева, ямочно-гребенчатая керамика и расположение на большой глубине под несколькими слоями торфа. Материалы среднего неолита в бассейне р.Мсты в настоящее время представлены лишь в торфяниковой части поселения Репище; на территории распространения валдайской культуры памятники с такими материалами не известны.

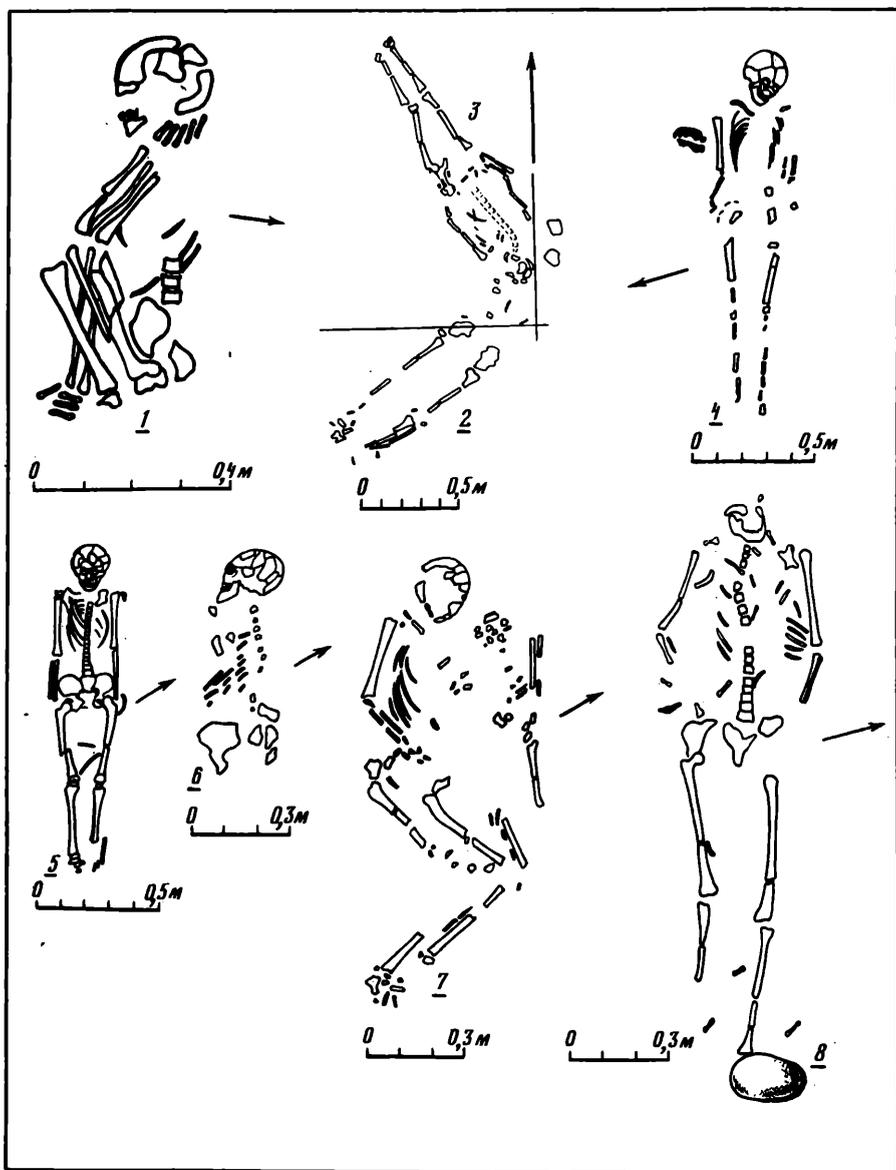
1. Ф о с с М.Е. Древнейшая история Севера Европейской части СССР. М., 1952. С. 165. Рис. 86, 5.
2. П а н к р у ш е в Г.А. Племена Карелии в эпоху неолита и раннего металла. Петрозаводск, 1964. С. 35.
3. З и м и н а М.П. Неолит бассейна р.Мсты. М., 1981. С. 119-120.
4. Там же.
5. Я н и т с Л.Ю. Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р.Эмайги. Таллинн, 1959. Табл. 21, 2-4; О н ж е. Неолитическое поселение Валма//ВЭИИЛ. Таллинн, 1959. Т. 1. Табл. 6, 6; В а н к и н а Л.В., З а г о р с к и с Ф.А., Л о з е И.А. Основные типы керамики раннего и позднего неолита Латвии//МИА. 1973. № 172. Т. 64. С. 8,9; Л о з е И.А. Поселения каменного века Лубанской низины. Рига, 1988. Табл. 1, 1,5,8; З и м и н а М.П. Неолит ... Табл. 10, 13, 17, 20; 31, 8, 9, 23; 32, 11, 21; О н а ж е. Неолитическая стоянка Усть-Валдайка II//Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976. Рис. 5, 15, 19, 20; A i l i o J. Die Steinzeitlichen Wohnplatzfunde in Finland. Helsingfors, 1902. T. II. Taf. 2, 10, 11, 17, 18, E d g r e n T. Jäkärta - Gruppen och västfinska kulturgrupp under yngre stenålder//SMTA. Helsinki, 1966. N 64. Pl. 27c; 34 b.
6. Г у р и н а Н.Н. Валдайская культура // СА. 1958. № 3. С. 37, 38. Рис. 3.

Д.А.Крайнов, А.В.Уткин

ПОГРЕБЕНИЯ НА СТОЯКЕ САХТЫШ I

Одной из особенностей сахтышских многослойных стоянок, расположенных в Тейковском районе Ивановской области, является присутствие в их культурных слоях остатков древних человеческих погребений. Они встречены на всех поселениях, на которых проводились стационарные раскопки (Сахтыш I, II, IIa, VII и VIII)¹. По погребальным обрядам захоронения чрезвычайно разнообразны, причем пестрота характерна не только для отдельных стоянок, но и для отдельных захоронений на одной и той же стоянке. Это объясняется, с одной стороны, различной культурной принадлежностью погребенных, а с другой - разнообразием самих погребальных обрядов, что обусловлено, в свою очередь, сложными, но еще не устойчивыми идеологическими представлениями населения, особенно в энеолите.

В предлагаемой заметке мы остановимся на погребениях стоянки Сахтыш I, которые открыты Верхневолжской экспедицией ИА АН СССР в 1962-1966 и 1971 гг.²

Р и с. I. Стоянка Сахтыш I. Погребения

I - № I; 2 - № 2; 3 - № 3; 4 - № 7; 5 - № 5; 6 - № 8; 7 - № 9;
8 - № 10

Всего на этом памятнике было исследовано 15 погребений (табл.).

Самым поздним захоронением является погребение I (рис. I, I). Оно находилось на юго-восточной окраине стоянки в раскопе I - 1962 г. Бесформенные очертания могильной ямы зафиксированы на глубине 0,2 м от современной поверхности. На глубине 0,4-0,5 м пятно ямы имело подпрямоугольную форму размерами примерно

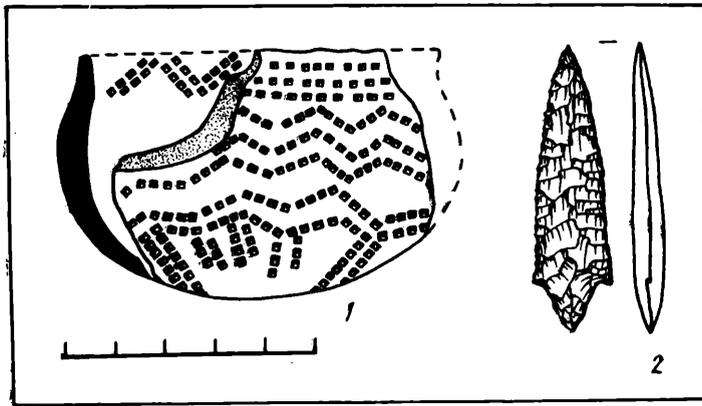
Погребения на стоянке Сахтыш I

№ пп	Полевой № погребения, год раскопок	Местонахождение погребения, раскоп, квадрат	Глубина (м)	Ориентировка	Положение костяка		
					вытянуто на спине	скорчено на боку	разрушено
1.	1, 1962 г.	р.I, кв.6-7	0,7-0,72	З		+(п)	
2.	1, 1963 г.	р.III, кв.3	0,25	СВ	+		
3.	2, 1963 г.	р.III, кв.3	0,25	ЮВ	+		
4.	3, 1963 г.	р.I, кв.32-33	0,45-0,55	В(?)			+
5.	1, 1964 г.	р.III, кв.I	0,5-0,6	СЗ	+		
6.	2, 1964 г.	р.III, кв.7	0,46-0,5	ЮВ	+		
7.	3, 1964 г.	р.III, кв.5-6	0,6	ЮВ	+		
8.	1, 1965 г.	р.III, кв.16	0,4-0,5	ЮВ		+(п)	
9.	2, 1965 г.	р.III, кв.17	0,35	СЗ		+(л)	
				СЗ		+(л)	
10.	1, 1966 г.	р.III, кв.34	0,3	СЗ	+		
11.	2, 1966 г.	р.III, кв.34	0,3	СЗ	+		
12.	3, 1966 г.	р.III, кв.33	0,4	?			+
13.	4, 1966 г.	р.III, кв.34	0,4	?			+
14.	1, 1971 г.	р.IIIa, кв.30	0,7-0,8	?		+(?)	+
15.	2, 1971 г.	р.IIIa, кв.31	0,7-0,8	?		+(?)	+

2,0 x 1,5 м. В заполнении могилы на отметке 0,6 м встречена кучка костей свиньи от одной особи (определение В.И.Цалкина) и половина миниатюрного приземистого сосудика с округлым дном и невысоким, слегка отогнутым наружу венчиком. Сосуд изготовлен из глины с примесью толченой раковины, слабо обожжен и имеет грязно-желтый цвет. Внешняя его поверхность тщательно заглажена и орнаментирована оттисками аккуратного зубчатого штампа. Отпечатками этого же штампа украшена и внутренняя сторона края венчика (рис. 2, 1).

Человеческий костяк находился на глубине 0,7-0,72 м. Он лежал на правом боку в сильно скорченном положении, головой почти на запад, лицом на юго-восток. Руки согнуты в локтях, кисти лежали около затылочных костей. Локти и колени соприкасались друг с другом, фаланги стоп - у тазовых костей. Такое положение скелета указывает на то, что покойник был похоронен связанным (или спеленутым). Рядом с костяком (со стороны спины) обнаружен треугольно-черешковый, тщательно ретушированный с двух сторон наконечник стрелы сейминского типа (рис. 2, 2).

Сохранность костей была очень плохая, за исключением черепа, который, по определению Г.В.Лебединской, относится к европейской расе и принадлежал мальчику 12-14 лет³. Под установлен приблизительно по довольно хорошо развитому рельефу нижней челюсти и относительно крупным сосцевидным отросткам, а возраст - на основании того, что на костях скелета нет зарощения ростовых зон, и по состоянию зубов, среди которых третий моляр еще не прорезался. Все швы черепа, кроме сагитального, свободны. Преждевременная полная облитерация этого шва, по мнению Г.В.Лебединской, наступила тогда, когда рост человека был почти закончен, т.е. в последние год или два жизни ребенка. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что прижизненной деформации свода не прослежено, нет разрастания теменных бугров, затылок и лобная кость не выступают. Других

Р и с. 2. Инвентарь погребения I
1 - сосуд; 2 - наконечник стрелы

признаков патологических изменений на костях не обнаружено.

Датировка погребения I в целом эпохой бронзы не вызывает сомнений. Это устанавливается по обряду захоронения и сопровождающему инвентарю, в частности по наконечнику стрелы. Сложнее определить его культурную принадлежность, так как аналогичные погребения на территории лесной зоны Восточной Европы пока неизвестны. Единственным "индикатором" в этом плане является сосуд из засыпки могилы. По своим технологическим данным и орнаментации он имеет большое сходство с керамикой, которая достаточно часто встречается на многослойных поселениях Волго-Окского междуречья и Костромского Заволжья и называется различными исследователями то фатьяноидной, то абашевской, то чирковско-сейминской. Встречена подобная керамика и на стоянке Сахтыш I. Здесь она залегает в верхнем горизонте культурного слоя совместно с обломками позднефатьяновской и ложнотекстильной посуды и датируется, судя по стратиграфическим наблюдениям, приблизительно серединой второй половины II тысячелетия до н.э. С этой группой керамики, по-видимому, и следует связывать первое погребение.

Остальные 14 погребений относятся к более раннему времени. Одно из них (4) находилось вблизи погребения I, прочие - в западной части стоянки в раскопе III 1963-1966 гг. и в раскопе IIIa 1971 г. Все погребенные обнаружены в темном культурном слое на глубине 0,25-0,8 м. Очертания могильных ям не зафиксированы. Сохранность костяков была крайне плохая. Анатомический порядок удалось проследить у девяти погребений (2, 3, 5-II), другие оказались сильно разрушены, и от них дошли только отдельные кости. Большинство погребений одиночные, лишь захоронение 9 было парным (рис. I, 7). Семь костяков лежало на спине вытянуто, с руками вдоль туловища (2, 3, 5-7, 10, II) (рис. I, 2-5, 8), два - на боку, слегка скорченно. Одиночное погребение 8 было положено на правом боку (рис. I, 6), а в парном захоронении 9 оба костяка лежали на левом (рис. I, 7). В скорченном положении на боку, судя по сохранившимся *in situ* костям ног, находились также разрушенные погребения I4 и I5.

Четыре костяка головами были ориентированы на северо-запад (5, 9-II), столько же - в противоположную сторону. Головой на северо-восток лежало погребение 2, и на восток, по-видимому, было ориентировано разрушенное погребение 4..II по-

гребений (раскоп III) составляли компактную группировку и находились возле поздневолосовского подчетыреугольного, слегка углубленного в землю жилища. Костяки были расположены относительно друг друга на близком расстоянии двумя четкими параллельными рядами в направлении с севера на юг. В каждом ряду было по пять захоронений. Несколько в стороне от них обнаружено погребение 5.

Единственный случай, когда костяки перекрывали друг друга, отмечен во втором ряду, где погребение 3 лежало под углом к погребению 2 и частично перекрывало верхнюю часть его туловища (рис. 1, 2, 3). Г.В.Лебединская, изучавшая костный материал в процессе расчистки и лабораторной обработки, отметила любопытный факт. На задней поверхности левой бедренной кости погребения 2, в нижней трети диафаза, имелся треугольной формы дефект кости, проникающий в губчатое вещество (20 x 22 мм). Повреждение нанесено тупо рубящим орудием типа топора. Судя по локализации разруба кости, были перерублены сухожилия всех мышц, расположенных на задней поверхности бедра. Характер краев дефекта позволяет считать, что направление клина орудия было почти вертикальным и, следовательно, удар был нанесен человеку, лежащему ничком. Аналогичный дефект отмечен в погребении 3 на передне-боковой поверхности правой бедренной кости, несколько выше мышелка. Кроме того, у этого же погребения на правой теменной кости, на 6 мм в сторону от обелионной части стеловидного шва, имелся дефект кости (9 x 17 мм), сопровождавшийся сколом внутренней пластинки. Такое повреждение могло быть нанесено орудием типа стрелы или дротика. Другими словами, эти люди, скорее всего, были умерщвлены насильственно и захоронены одновременно.

Пол и возраст из-за скудной сохранности скелетов достоверно определен только у трех погребений. Костяк второго захоронения, судя по сильно уплотненному веночному шву, массивности черепных костей и хорошо развитому рельефу, принадлежал мужчине не моложе 50-60 лет, а сильно выступающие носовые кости свидетельствуют о его европеоидном облике. Скелет третьего погребения по состоянию швов черепа имел возраст за 50 лет. Сохранившиеся же фрагменты тазовых костей дают право считать, что он принадлежал женщине. И наконец, погребение 4 было мужским. Кроме того, приблизительно определена половозрастная принадлежность еще пяти костяков. В погребении 5 и II лежали подростки, а в погребении 10 — юноши. В парном погребении 9 были захоронены взрослая женщина и девочка-подросток⁴.

Сопровождающий инвентарь и украшения во всех погребениях отсутствовали. Исключение составляло только погребение 10, около кисти правой руки которого была найдена костяная подвеска в виде гусяной головки, а в ногах покоился крупный валун (рис. 1, 8). Возле погребений 2, 5 и 7 обнаружены отдельные кости медведя, главным образом фаланги лап, клыки и челюсти (рис. 1, 4). Они находились обычно на одном уровне с костяком или чуть выше и были, по-видимому, преднамеренно положены во время совершения похорон.

Стратиграфически погребения 2-15 связаны с энеолитическим слоем стоянки и относятся к волосовскому времени. В пользу этого свидетельствуют также находка в захоронении 10 специфически волосовской костяной скульптурки и аналогичные погребения на других памятниках Центра Русской равнины. Вытянутые безынвентарные костяки открыты на соседнем поселении Сахтыш VIII⁵ и на стоянках Языково I, Федоровская, Водыш, Гавриловская и Панфилово⁶. Скорченные волосовские костяки встречаются значительно реже, но известны и они. Это скелет девушки из коллективного захоронения 12 на Сахтыше 11 с типично волосовскими янтарными украшениями⁷ и погребения на волосовской стоянке Рыбино-Стрелка I⁸.

Часть волосовской керамики Сахтыша I имеет поздний облик. Она толстостенная, с растительной примесью, округло- и плоскодонная, с Г-образными венчиками, орнаментирована преимущественно зубчатыми оттисками и датируется по C_{14} 2110±60 (Ле-1023) г. до н.э. К этому времени, по-видимому, могут быть отнесены и погребения, т.е. волосовский могильник на Сахтыше I существовал на рубеже III-II тысячелетия до н.э.

Дальнейшие полевые исследования стоянки Сахтыш I безусловно приведут к открытию новых захоронений. По нашим наблюдениям, раскопки 1963-1966 и 1971 гг. охватили только окраинные части волосовского могильника. Основная же территория некрополя осталась нетронутой и находится в южной части поселения, вдоль гребня небольшого естественного возвышения, которое вытянуто с северо-запада на юго-восток (от погребений 2, 3, 5-15 в сторону погребения 4). В настоящее время здесь густые заросли орешника.

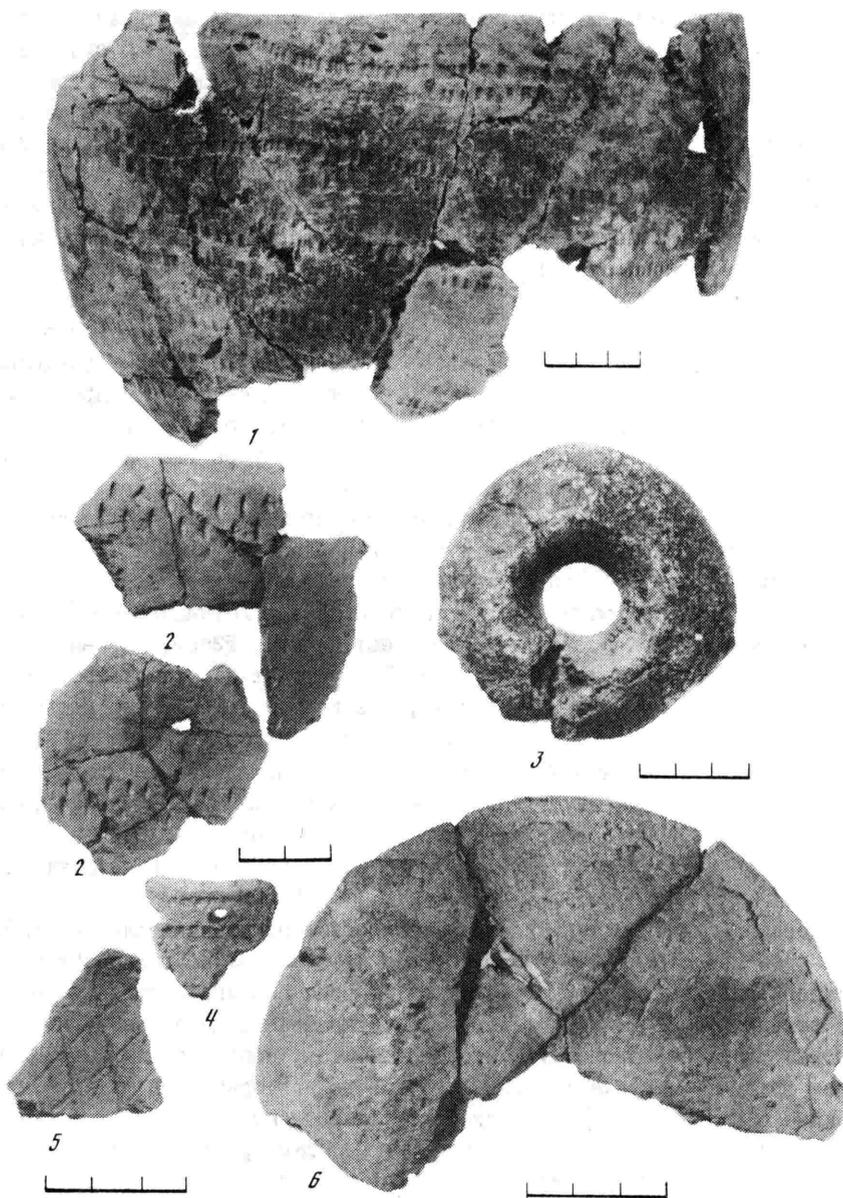
1. Г а д з я ц к а я О.С., К р а й н о в Д.А. Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья // КСИА. 1965. Вып. 100; К р а й н о в Д.А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973; О н ж е. Новые исследования стоянки Сахтыш II // КСИА. 1982. Вып. 169; Г а д з я ц к а я О.С. Стоянка Сахтыш VII // КСИА. 1986. Вып. 185; К р а й н о в Д.А. К вопросу о религиозных представлениях племен волосовской культурно-исторической общности (по материалам Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР) // Религиозные представления в первобытном обществе: (Тез. докл.). М., 1987.
2. К р а й н о в Д.А. Отчеты о работе Верхневолжской экспедиции в 1962-1966 и 1971 гг. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2522, 2704, 2918, 3125, 3385 и 4589.
3. Л е б е д и н с к а я Г.В. Предварительное заключение об остеологическом материале из Сахтыша I и Сахтыша II // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2704.
4. Л е б е д и н с к а я Г.В. Описание остеологического материала со стоянок Сахтыш I и Сахтыш II: (Раскопки Д.А.Крайнова) // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 2704.
5. К р а й н о в Д.А. Стоянка и могильник Сахтыш VIII.
6. Б а д е р О.И. Археологические раскопки у дер. Языково // АЖ. 1936. № 2; О н ж е. Неолитические погребения на Верхней Волге // СА. 1937. № 3; К а з а р и н о в Л.Н. Прошлое Чухломского края // Труды Чухломского отделения Костромского научного общества и Чухломского музея. Солигалич, 1929. Вып. IV; Г а в р и л о в а И.В. Неолитические племена Костромского Поволжья // МИА. 1973. № 172; О н а ж е. Об особенностях памятников волосовского типа в Костромском Поволжье // КСИА. 1980. Вып. 161; Ц в е т к о в а И.К. Гавриловская неолитическая стоянка с могильником: (По материалам раскопок 1945 г.) // КСИИМК. 1947. Вып. XVII.
7. К р а й н о в Д.А. Новые исследования...
8. На стоянке Рыбино-Стрелка I в 1967-1968 гг. было открыто шесть погребений. Четыре из них (3-6) были полностью разрушены. Погребения 1,2 сохранились относительно хорошо. Костяки находились в культурном слое на глубине 0,35-0,45 м. Оба лежали в скорченном положении, первый - на правом боку, второй - на левом. Могильные ямы не прослежены, инвентарь и украшения отсутствовали.

Г.В.Синицына

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ СТОЯНКА ИГРЕКОВО II В СРЕДНЕМ ПРИОБЬЕ

Стоянка Игреково II расположена в 3 км от устья р. Чулым, открыта в 1971 г. В.И.Матющенко, исследовалась автором в 1972 и 1974 гг. На основании материалов стоянок Игреково I и II в литературу уже введено понятие "игрековского этапа"¹ неолита Приобья, но его характеристика дана только по немногочисленным материалам разведочных раскопок 1971 и 1972 гг. Основная же коллекция, полученная в 1974 г., до сих пор не опубликована.

Стоянки располагались на западном и восточном всхолмлении останца (Игрековский остров), возвышающегося над правобережной обской поймой. Остров вытянут

Р и с. I. Стоянка Игреково II
 1, 2, 4-6 - керамика; 3 - булава; 1-3 - из заполнения жилища

в широтном направлении на 2 км, с запада и востока окружен озерами (обскими старицами). Стоянка Игреково I² расположена на западном всхолмлении высотой 8 м от уровня воды в оз. Звезда.

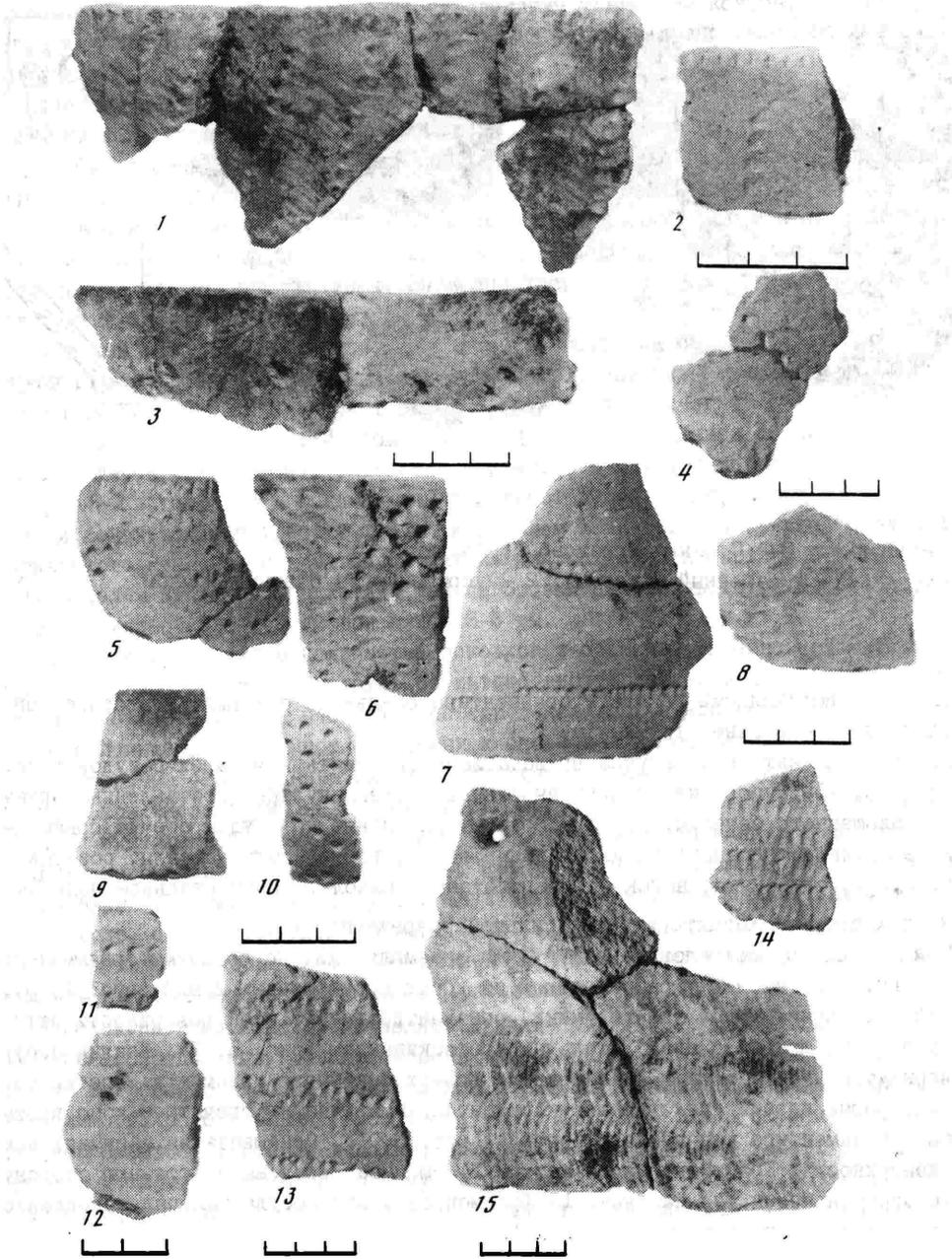
Игреково II расположено на склоне восточного всхолмления высотой 5-6 м. Стоянка исследована полностью. Стратиграфия на всей площади раскопа (216 кв. м) однородна: 0,20 см - гумус, 20-100 см - серый песок, содержащий культурный

слой, который подстилался желтым песком без находок. На памятнике выявлено два костыля округлой формы, чашеобразные в разрезе, мощностью 15–35 см, размерами 105 x 120 и 145 x 110 см. В заполнении одного из них найден нож, в заполнении другого – фрагменты керамики, украшенной "гладкой качалкой". Здесь же было открыто сужающееся к западу, округлое в плане очажное пятно, выделяющееся своими размерами (с северо-запада-запада на юг.-восток-восток – 365 см и с юго-юго-запада на северо-северо-восток – 225 см). В его заполнении найдены фрагменты двух сосудов и каменная булава с биконическим отверстием (рис. 1, 1, 2, 3). Большие размеры пятна и мощность его заполнения позволяют предполагать наличие здесь округлого наземного жилого сооружения, погибшего от пожара.

В целом культурный слой стоянки был слабо насыщен находками. Всего найдено 448 предметов, в том числе 208 фрагментов керамики от 16 сосудов (выделенных по венчикам). Керамика изготовлена из хорошо отмученной глины с примесью шамота ленточным способом внахлест. На одном фрагменте четко прослеживалась ширина ленты порядка 6 см (рис. 2, 8). Поверхность сосудов тщательно заглажена с обеих сторон. На отдельных фрагментах сохранились следы нагара.

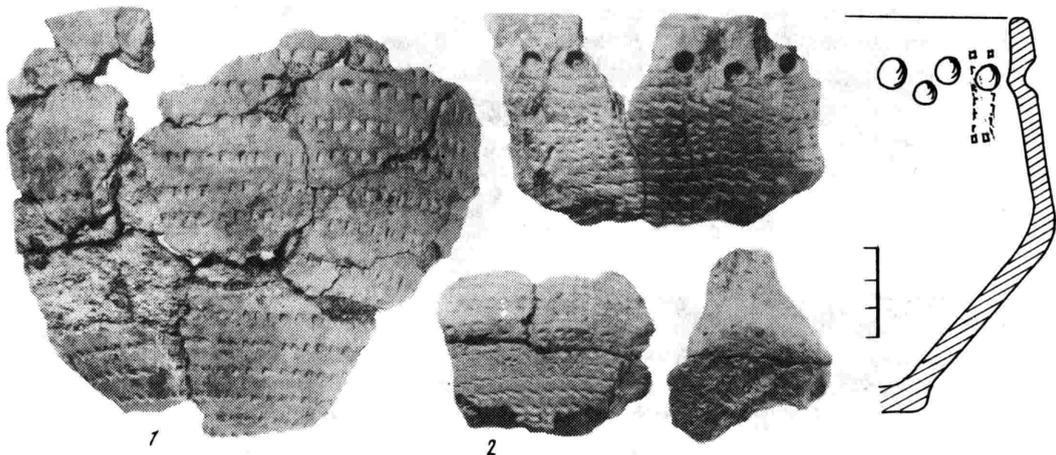
По форме все сосуды можно разделить на два типа: 1) приземистые круглодонные с прямыми или незначительно отогнутыми венчиками, с приостренным, округлым, реже плоским срезом, в большинстве случаев орнаментированным насечками. Сосуды крупные (диаметр по венчику от 16 до 38 см), слегка сужающиеся книзу. Единственное сохранившееся округлое дно имеет диаметр 12 см, на нем видно отслаивание поверхностного слоя глины (рис. 1, 6). Толщина стенок сосудов этого типа составляет 7–10 мм; придонная часть, как правило, несколько утолщена; венчики, наоборот, утонщены на 1–2 мм; 2) единственный сосуд, выделяющийся формой, техникой изготовления и орнаментацией. Это плоскодонная банка с прямым, незначительно наклоненным внутрь венчиком и резко сужающимися книзу стенками с поперечным ребром примерно посередине тулова. Днище сосуда со стороны тулова подчеркнуто неглубокой бороздкой по всему контуру. Изготовлен он не ленточным способом, а техникой выколачивания (рис. 3, 2).

Среди керамики первого типа по характеру орнаментации выделяются следующие группы. Первая представлена девятью сосудами (56 % всех круглодонных сосудов) с орнаментацией гладкой качалкой по внешней стороне венчика и тулову. Два сосуда (диаметр венчиков 38 и 26 см; рис. 2, 1, 2) украшены и по венчику, и по тулову. Керамическое тесто первого сосуда отощено шамотом, составляющим 10–15 % массы. Выделяется фрагмент венчика третьего сосуда: поверх орнамента на нем были нанесены попарно расположенные косые ряды ямок, выполненные перпендикулярными наколами орнамента округлого сечения (рис. 2, 6). Еще три фрагмента разных сосудов украшены горизонтальными поясами гладкой качалки (рис. 2, 4, 11, 12). На двух из них прослежено сочетание орнаментальных мотивов: косых рядов наколов, выделяющих венчики, и горизонтальных поясов, образованных гладкой качалкой. Кроме венчиков, к этой группе отнесены 42 фрагмента стенок. Длина отпечатков штампа на них варьирует от 1 до 4 см. Различаются они и по плотности заполнения орнаментального поля: от разреженного до уплотненного (рис. 2, 7–8, 13–15). Композиционное построение узоров установить невозможно из-за небольших размеров фрагментов; прослеживается только сочетание в узоре различных орнаментальных мотивов, выполненных гладкой качалкой и отпечатками перпендикулярно поставленного округлого в сечении орнамента. Один фрагмент венчика украшен горизонтальной полосой, выполненной мелкозубой качалкой (рис. 2, 9). Такие же горизонтальные пояса отмечены на небольших фрагментах еще двух сосудов (рис. 1, 1, 4). У сосуда, найденного в очажном заполнении (рис. 1, 1), край венчика подчеркнут двойными,

Р и с . 2. Керамика стоянки Игреково II.

1,2,4,7-9,11-15 - фрагменты, украшенные качалкой; 3,5,6,10 -
фрагменты второй орнаментальной группы

Р и с. 3. Стоянка Игреково II. Сосуды

1 — украшенный наколами, 2 — украшенный зубчатым штампом

наискось расположенными наколами орнамента овального сечения; у второго венчик выделен сквозными отверстиями.

Вторая орнаментальная группа представлена фрагментами четырех сосудов (рис. 1, 2; 2; 3, 5, 10), узоры на которых выполнены перпендикулярно поставленным орнаментом уплощенного сечения. Наколы образуют различные на каждом сосуде орнаментальные мотивы: двойные горизонтальные пояса, горизонтальные ряды, розетки (рис. 2, 5), двойные, наискось расположенные наколы. Орнаментальное поле на всех этих сосудах характеризуется сильной разреженностью.

Три сосуда, представленные единичными экземплярами, не образуют орнаментальных групп. Один из них украшен сеткой из косых прочерченных линий (рис. 1, 5). Другой (по форме второй тип керамики) орнаментирован по всей поверхности оттиском зубчатого штампа с незначительным протаскиванием (рис. 3, 2). Венчик сосуда подчеркнут круглыми ямками, нанесенными поверх основного орнамента. Третий сосуд (по форме первый тип) украшен горизонтальными рядами отпечатков косо поставленного орнамента уплощенного сечения (рис. 3, 1). Орнаментация занимает всю его поверхность. Край венчика диаметром 24 см имеет срез на внутреннюю сторону, по которому нанесен ряд насечек. 15 фрагментов этого сосуда залегали скоплением, и только один происходит из раскопок 1972 г. Именно этот фрагмент позволил тогда предварительно интерпретировать материалы Игреково II как тождественные материалам Игрекова I, а М.Ф.Косареву это послужило основанием для объединения Игрековских стоянок в отдельный этап развития неолитической культуры. Раскопки 1974 г. не подтвердили сходства материалов Игрекова I и II, дав не только иную керамику, но и различный каменный инвентарь.

Большинство орудий стоянки Игреково II изготовлено из кремневой афонитовой породы светло-серого цвета с включениями песчинок кварца. Для шлифованных орудий использовалась зеленокаменная порода. Оба вида сырья характерны и для других неолитических стоянок Западной Сибири. Наличие на стоянке отбойника в форме четы-

рехгранной кварцитовой гальки с противоположным усечением концов, первичных отщепов и чешуек свидетельствует о том, что на стоянке представлен полный цикл расщепления кремня и изготовления орудий.

Каменный инвентарь представлен 240 предметами, из которых 168 (69 %) имеют признаки искусственного расщепления, а 74 (31 %) – вторичную обработку.

Из 107 отщепов 10 крупных (5x3 см) (в том числе два первичных и три пластинчатых), 21 – средних размеров (3x2,5 см) (из них девять первичных), 76 – мелких (в том числе четыре пластинчатых и четыре первичных). У подавляющего большинства отщепов ударные площадки прямые, или вообще без дополнительной обработки, или оформленные единичными снятиями. Выпуклые ударные площадки представлены на небольшом количестве изделий.

Нуклеусы встречены в количестве 6 экз. Несмотря на сырье низкого качества (трапезоватая порода с различными включениями), все они служили для снятия тонких призматических пластин, которых в коллекции значительно меньше нуклеусов, – всего 2 экз. (рис. 4, 1). Из подобных пластин изготавливались орудия, в том числе и вкладышевые (рис. 4, 6). Типология нуклеусов и приемов первичного расщепления затрудняется тем, что в подавляющем большинстве они представляют либо начальные стадии использования (рис. 4, 18), либо обломки. Интересен крупный скол с призматического нуклеуса с негативами снятия микропластинок шириной 0,5 см (рис. 4, 16). В целом нуклеусы и пластинчатые заготовки свидетельствуют о преобладании пластин шириной 0,5–0,9 см при длине 3–5 см.

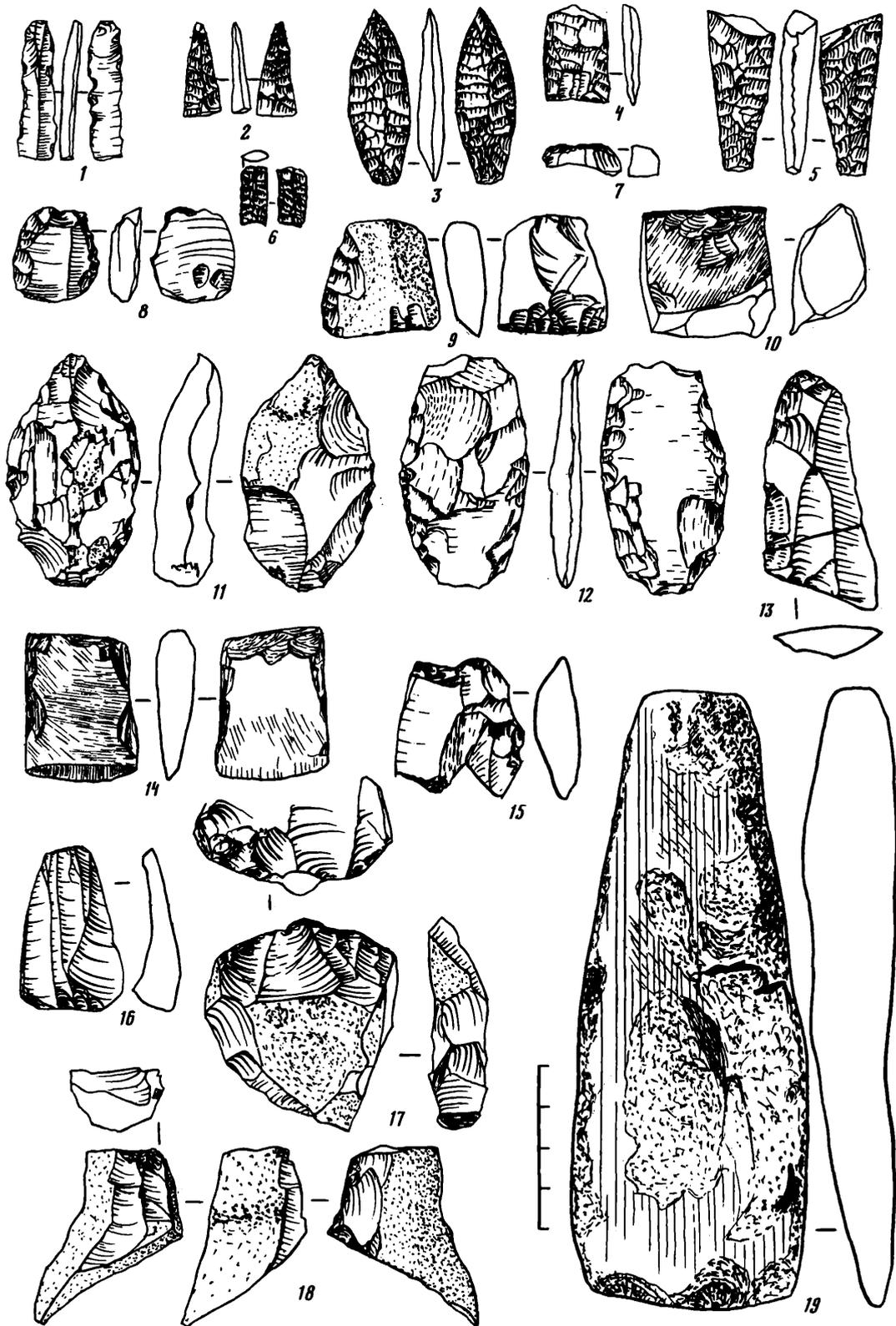
Относительно большое количество осколков и обломков окремненной светло-серой породы (45 экз.) свидетельствует об интенсивности процесса первичного раскалывания на месте стоянки, а необычно высокий показатель законченных орудий их обломков – о повышенно экономном отношении к сырью при изготовлении орудий.

Двусторонне обработанные наконечники представлены в коллекции пятью предметами, в том числе двумя целыми. Один длиной 4,3 см, симметричной листовидной формы с выпуклыми боковыми сторонами и узким прямым основанием (рис. 4, 3). Остальные наконечники имеют стрелчатую форму с ровными прямыми или слегка выпуклыми боковыми гранями (рис. 4, 2). У двух из них основание прямое или слегка вогнутое (рис. 4, 2, 4). Один фрагмент (рис. 4, 5), судя по положению фасеток ретури на узком конце, скорее всего, от нижней черешковой части наконечника. Практически все наконечники, таким образом, разнотипны.

Определенный интерес представляют изделия разной морфологии, по следам употребления (определения Г.Ф.Коробковой) отнесенные к долотовидным орудиям. Первое из них шлифованное, подчетыреугольной формы, с ровным, слегка выпуклым лезвием асимметричного профиля (рис. 4, 14). Его боковые края и обухок несут следы сильной забитости. Второе изделие, изготовленное на отщепе, имеет трапециевидную форму, крутую ретушь по одному из боковых краев и ровное, почти прямое лезвие, оформленное тонкой вентральной ретушью, чем достигается асимметричный плоско-выпуклый профиль орудия (рис. 4, 9). Отнесение к долотовидным еще двух изделий основано на их морфологии: это довольно крупные обломки отщепов с лезвиями, образованными чешуйчатой ретушью с заломами (рис. 4, 15).

Одно орудие, по наличию ступенчатой чешуйчатой подработки близкое описанным (рис. 4, 10), по следам сработанности определено как пила для работы по камню. Это явно вторично переоформленное изделие, первоначально бывшее шлифованным орудием.

После отщепов с мелкой ретушью (16 экз.), возможно возникшей в процессе утилизации, самой многочисленной группой орудий являются скребки (14 экз.). Изготовленные на отщепах, часто аморфного облика, скребки не составляют устойчивых

Р и с. 4. Каменный инвентарь стоянки Игреково II

групп, и практически единственным признаком их классификации остаются размеры изделий. Среди мелких скребков выделяются орудие подокруглой формы с ретушью по всему контуру отщепа (рис. 4, 8) и один скребок с лезвием, оформленным на ударной площадке отщепа. Два из отнесенных к этой группе орудий представляют обломки скребковых лезвий (рис. 4, 7). Среди крупных скребков выделяются четыре изделия с сильновыпуклым, с вентральной подработкой на отдельных участках лезвием и выделенным шипом или жальцем (рис. 4, 17). Остальные крупные скребки имеют зубчатый край и вентральную подработку на отдельных участках, отличаясь от скребков с шипом меньшей тщательностью обработки.

Среди девяти скребковидных орудий два выделяются своими крупными размерами и длиной лезвия. Одно из них двухлезвийное с одним прямым, а другим выпуклым лезвием. Мелкие скребла характеризуются неустойчивой морфологией. Среди них выделяются три предмета с частичной вентральной подработкой и выделенным шипом, напоминающим по форме и технике выполнения аналогичный элемент, отмеченный на скребках.

К группе ножей отнесено семь орудий (три в обломках), выполненных на пластинчатых отщепах удлиненной овальной формы с лезвиями, оформленными пристроенной ретушью, иногда двусторонней. Наряду с острыми лезвиями (от 20 до 35°) наиболее характерным их признаком является овальная форма при значительной вариативности размеров и пропорций. Наиболее выразительные из них имеют двусторонне обработанный край почти на всей его протяженности (рис. 4, 12). Все ножи двухлезвийные, лезвия или соединяются плавным скругленным переходом, или образуют на контакте острие порядка 40–50°. Один предмет (рис. 4, 11), скорее всего, представляет заготовку ножа, судя по форме и пропорциям, отличаясь от них отсутствием характерной тонкой ретуши.

Кроме долотовидного орудия и переоформленного изделия, шлифовка присутствует на двух предметах, одно из которых со слегка выпуклым ровным лезвием симметричного профиля представлено небольшим фрагментом. Второе, крупное орудие топоровидного облика с частичной зашлифовкой одной из боковых поверхностей и сильной забитостью по всему контуру можно рассматривать и как неоконченное орудие, и как орудие на конечной стадии его использования (рис. 4, 19).

14 экз. – обломки неопределенных орудий. Г.Ф.Коробова по следам сработанности пять из них определила как скобели.

Единичные предметы в инвентаре стоянки – булава из крупнозернистого рыхлого песчаника с биконическим отверстием и изделие подчетыреугольной формы из известковистой плитки, отбойник. Семью экземплярами представлены песчаниковые абразивы.

Сопоставление материалов стоянок Игреково II и I позволяет отчетливо констатировать их различие. На Игреково I основные орнаментальные узоры выполнены в технике накола (67,2 %)³; на Игреково II такой тип орнаментации представлен единственным сосудом, а преобладающей является керамика, украшенная качалкой (56 %), которая на Игреково I редка. Аналогии керамике Игреково I по форме и заполнению орнаментального поля имеет единичный сосуд второго типа Игреково II (рис. 3, 2). Различия касаются и кремневого инвентаря. Наконечники стрел Игреково I образуют выразительную серию; они характеризуются удлиненными иволистными формами или треугольными наконечниками с глубокой выемкой в основании. На Игреково II наконечники имеют более укороченные пропорции, а основания треугольных наконечников прямые. Ножи на Игреково I представлены прекрасными двусторонне ретушированными изделиями, на Игреково II – значительно более аморфны-

ми орудиями. Различия преобладают и при обобщенной характеристике инвентаря: на Игреково I материал в целом носит макролитический характер, на Игреково II он отличается значительно меньшими размерами.

Различия в материале и условиях залегания памятников позволяют предположить их хронологическую разновременность. Решающее значение при этом имеет то, что культурный слой Игреково II залегает на 2 м ниже слоя Игрекова I. Для Лесного Зауралья В.Ф. Старковым установлено, что памятники развитого неолита "... существовали в течение одного климатического периода, отличающегося сухостью, который затем сменился периодом сильного увлажнения"⁴, с которым связывается появление нового, позднего этапа неолита. Более ранний возраст стоянки Игреково II по отношению к Игреково I подтверждается аналогиями в материалах ранне-неолитического памятника жилища Сумпанья IV⁵, в первую очередь по характеру орнаментации (пояса или наклонные ряды шагающей гребенки). Аналогии мотиву гладкой качалки имеются в материалах третьего культурного слоя ст. Казачка на р. Кане, датируемой поздним неолитом (конец III тысячелетия до н.э.)⁶.

Поскольку для Игреково II не удалось получить радиоуглеродной даты, аналогии остаются единственно возможным способом установления ее возраста. Наиболее приемлемым кажется отнесение ее к периоду развитого неолита, точнее, к его окончанию (первая половина III тысячелетия до н.э.). Являясь временными сезонными стоянками, оба поселения Игрековского острова отражают, таким образом, два последовательных этапа развития неолитической культуры Среднего Приобья.

1. К о с а р е в М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М., 1961. С. 70.
2. С и н и ц ы н а Г.В. Игреково I - памятник неолита в Среднем Приобье // Палеолит и неолит. Л., 1966. С. 100-106.
3. Там же.
4. С т а р к о в В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980. С. 93.
5. К о в а л е в а В.Т., У с т и н о в а Е.А., Х л о б ы с т и н Л.П. Неолитическое поселение Сумпанья IV в бассейне Конды // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1964. С. 32-44; Х л о б ы с т и н Л.П., М а р к о в Ю.Н. Радиоуглеродные даты неолитических памятников р. Сумпанья // Тез. докл. Всесоюз. конф. "Геохронология четвертичного периода". Таллинн, 1985. С. 66.
6. С а в е л ь е в Н.А., Г е н е р а л о в А.Г., А б д у л л о в Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка I как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. краевой конф. "К 100-летию открытия палеолита на Енисее". Красноярск, 1984. С. 141.

В.В.Питулько

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ОРТИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Первые сборы в низовьях Печоры (в районе пос. Ортино) были проведены в начале 1960-х годов зоологом Н.П. Пядышевым. Полученный материал оказался настолько своеобразен и отличен от известных к тому времени благодаря работам Г.А. Чернова¹ памятников Большеземельской тундры, что стало возможным выделение особой ортинской культуры. Археологический материал, отнесенный к ней, первоначально был датирован Л.П. Хлобystиным² в рамках второй половины II тысячелетия до н.э. Впоследствии Л.П. Хлобystин (совместно с Л.П. Лашуком) на основе изучения родственных ямальских комплексов пришел к выводу о возможности некоторого удревления датировки³.

В 1967-1968 гг. продолжались работы Заполярной и Архангельской экспедиций ЛОИА, в ходе которых появились новые обширные материалы, характеризующие ортинскую культуру. В окрестностях бывшего пос.Ортино открыто свыше 30 разновременных памятников, из которых к ортинской культуре могут быть отнесены достоверно Ортино II (пункты I-4), Ортино IV (пункты I-2), Ортино VI и VI Б. Определяющим является сходство керамики, поэтому ряд пунктов с невыразительным и небольшим археологическим материалом не могут быть определенно охарактеризованы в культурно-хронологическом плане⁴.

Все рассматриваемые местонахождения отличает довольно высокий уровень кремнеобработки. Кремьень, особенно орудия, представлен в неравнозначных количествах (табл. I). Тем не менее в материалах, характеризующих различные памятники, имеются повторяющиеся типы орудий.

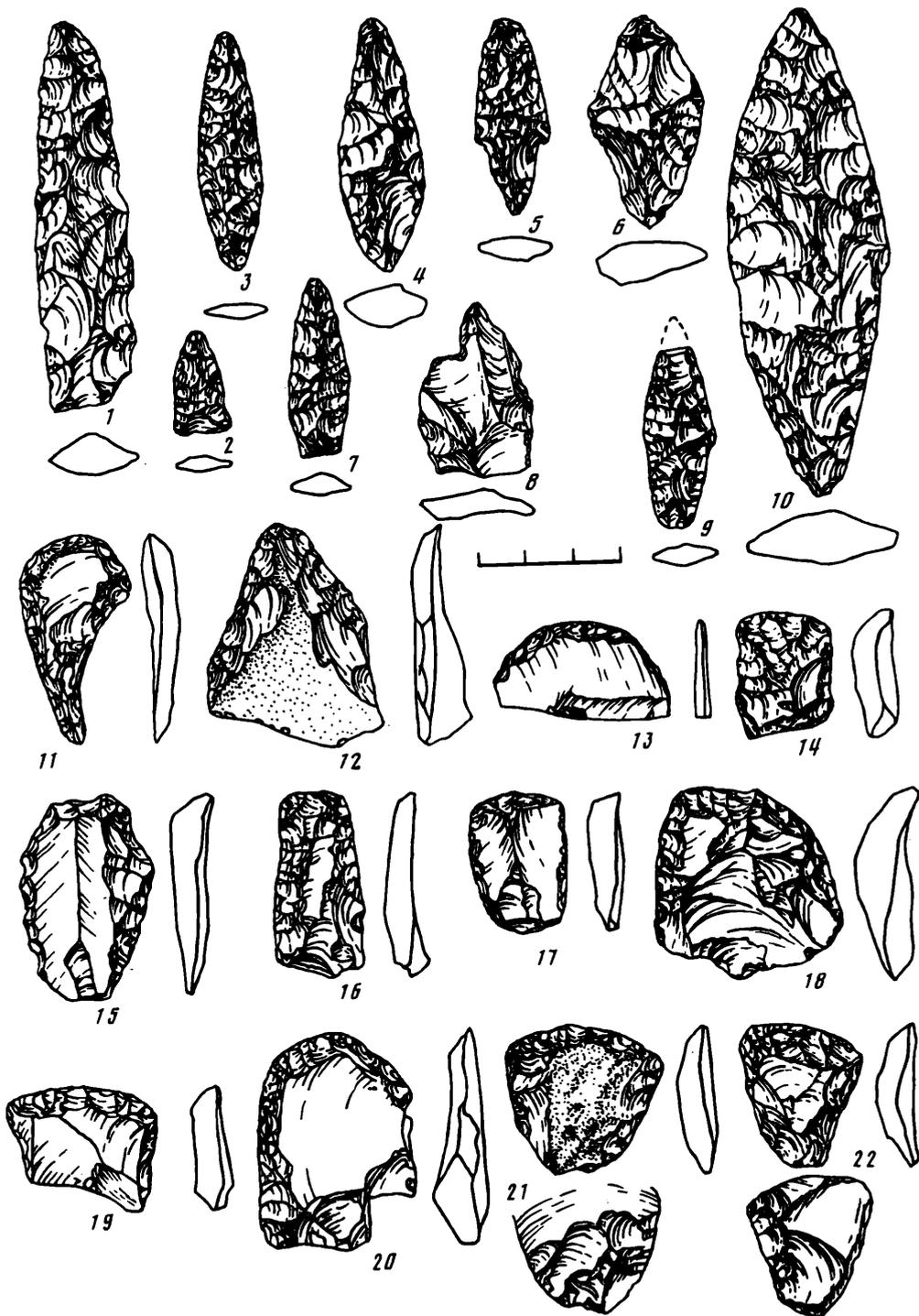
Сходство отдельных типов орудий, а также характерная орнаментация керамики (даже при небольшом числе фрагментов) служат, с нашей точки зрения, достаточным основанием для объединения памятников в одну группу. Особенностью ряда пунктов является наличие фрагментов правильных и близких к ним грубых ножевидных пластин и орудий, с ними найдены реберчатый скол и неправильные пластинчатые сколы. Возможно, эти находки могут рассматриваться как ранняя примесь, но, с другой стороны, их можно считать рудиментами призматической техники скальвания, постепенно утрачивающими свое значение, как это произошло, например, в гаринско-борских и зауральских памятниках⁵. Нуклеусы, найденные на ортинских местонахождениях, предназначены для получения отщепов. Один из них, происходящий из пункта 2 Ортино II, имел негатив околлов неправильных удлинённых очертаний⁶. Характерно, что отщепы в основном из кремня различных оттенков серого цвета, тогда как для выделки орудий использован разноцветный кремьень.

В кремневом инвентаре памятников преобладают наконечники стрел, дротиков, а также скребки, часть из которых имеет устойчивую форму, значимую при сопоставлении материалов.

Наконечники стрел и дротиков представлены семью типами (рис. I, 1-7, 9, 10; 3). 15 экз. сохранились полностью или почти полностью, 21 - в обломках, форма их не восстанавливается. Все сохранившиеся наконечники имеют полную двустороннюю тщательную обработку пологой ретушью. Характерно отсутствие как массового явления длинных плоских фасеток "струйчатой ретуши".

Листовидные наконечники - наиболее широко представленная форма. Их размеры 4,8-5,7 см, сечение уплощенно-линзовидное или односторонне-выпуклое. Количеством преобладают треугольно-вытянутые, с прямым или симметрично-вогнутым насадом наконечники, найденные всего на двух памятниках (рис. 2). Сечение их линзовидное, иногда уплощенное, размеры 1,5 до 7,8 см (рис. I, 1, 3). Пять таких наконечников имеются в Ортино II/I (рис. 2), при этом все они небольшие - от 1,5 до 2,6 см. Остальные пять типов представлены единичными находками, причем наиболее разнообразны формы из Ортино VI. Здесь найден миндалевидный наконечник с линзовидным, относительно массивным сечением (рис. I, 4), треугольно-черешковный с оформленными на плечиках жальцами и линзовидным сечением (рис. I, 5) и ромбический (рис. I, 6) наконечники. Свообразны формы из Ортино II/2: небольшой уплощенный листовидный наконечник стрелы с боковой выемкой (рис. I, 9) и крупный (10,2 см) листовидный наконечник с односторонне-выпуклым поперечным сечением и намеченным насадом (рис. I, 10).

Скребки (27 экз.) также распадаются на несколько типов, при анализе этой категории орудий в качестве основных признаков приняты четкость формы, характер

Р и с. I. Орудия из орфинских стоянок

I, 3-6, 8, 11, 13, 14 - Орфино VI; 12 - Орфино VI Б; 2, 15-20 - Орфино II/I; 7, 9, 10, 21 - Орфино II/2; 22 - Орфино II/4

Памятник	Тип								Скребки				
Ортино	II/1							5		2	3	2	1
Ортино	II/2	1			1	1			1		1	6	
Ортино	II/3								1			1	
Ортино	II/4	1							1				
Ортино	IV	1											
Ортино	VI	1		1	1					1		4	2
Ортино	VI Б												1

Р и с. 2. Распределение орудий в ортинских стоянках

вторичной обработки, количество и способ размещения лезвий. Все скребки изготовлены на отщепах, реже на пластинчатых заготовках (5 экз.). Выделяются следующие основные типы орудий (рис. 2).

1. Подтреугольные в плане, слегка изогнутые в профиль скребки, тщательно обработанные крутой и полукрутой ретушью. Рабочий край слабовыпуклый. Изготовлены на относительно массивных отщепах, ретушь может покрывать спинку орудия, с "брюшка" подтесан ударный бугорок (рис. 1, 21, 22). У одного скребка край его по периметру обработан крутой ретушью.

2. Подпрямоугольные в плане, слегка изогнутые в профиль скребки с узким прямым или слабовыпуклым рабочим краем, характер обработки спинки, возможно, определяет природа заготовки (рис. 1, 14, 16, 17).

3. Двухлезвийные (концевой и боковой) скребки на отщепах, прямые или почти прямые в профиль, боковой рабочий край прямой, второй может быть выпуклым в различной степени (рис. 1, 19, 20).

4. Однолезвийные скребки на отщепах и пластинчатых сколах, имеют различный размер, прямой или слабо изогнутый профиль. Различаются по локализации лезвия (концевые, боковые, диагональные), рабочий край может быть как прямым, так и выпуклым в различной степени. Количественно преобладают концевые скребки (7 экз.) на округлых в плане отщепах и их сечениях (рис. 1, 13).

Атипичные (?) формы представлены скребком на ударной площадке массивной пластины (?), напоминающим палеолитические скребки "а мюз", рабочий край обработан крутой ретушью и выделен боковой выемкой, боковые стороны обработаны зубчатой ретушью (рис. 1, 15); и крупным двухлезвийным скребком на массивном отщепе, по способу выделения лезвий близким палеолитическим конвергентным скребкам (рис. 1, 14). К атипичным формам может быть также отнесено комбинированное орудие - скребок-проколка (рис. 1, 12), слегка изогнутый в профиль, имеющий дугообразно выпуклый рабочий край, оформленный крутой ретушью. Предварительно к атипичным формам может быть отнесен скребок-проколка на отщепе. Он имеет односторонневыделенное прямоугольной выемкой острие, дистальный край отщепа обработан полукруглой зубчатой ретушью (рис. 1, 8).

Керамика встречена на памятниках в неравнозначном количестве. Наиболее многочисленны находки в Ортино II/2 (табл. I), которые разнообразны и включают в себя все разновидности орудий, найденные в других пунктах. Примеси одинаковы - шамот, песок. Орнамент покрывал всю поверхность сосудов. При орнаментации боль-

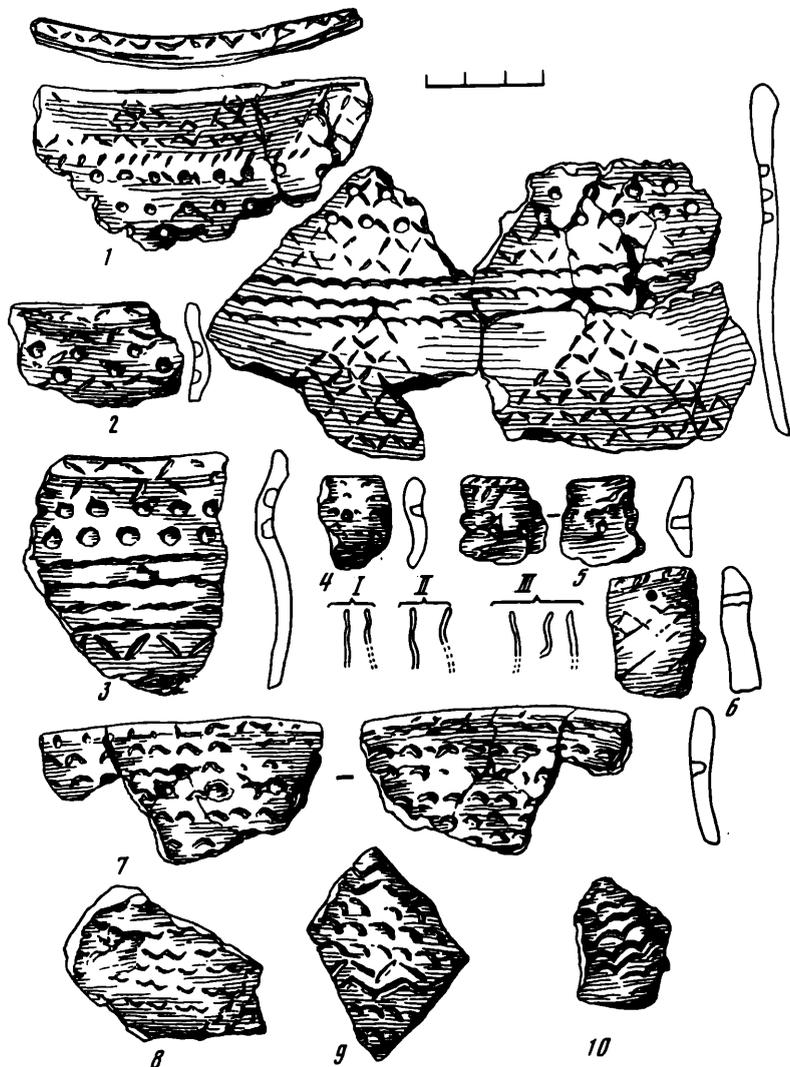
Т а б л и ц а I

Памятник	Отщепы Осколки	Пластинки прав. неправ.	Реберча- тые сколы	Отщепы и сколы с ретушью	Нуклеусы	Наконечники стрел и дротиков целые фрагм.	Скрепки выраж. формы на отщепе	Отличные формы	Керамика
Ортино II/1	$\frac{141}{25}$	$\frac{3}{1}$	I	4		$\frac{5}{9}$	$\frac{5}{2}$	I	22
Ортино II/2	$\frac{604}{53}$	$\frac{5}{9}$		18	I	$\frac{3}{9}$	$\frac{2}{6}$		359
Ортино II/3					I		$\frac{1}{1}$		6
Ортино II/4	$\frac{7}{3}$						$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{0}$	
Ортино IY/2							$\frac{1}{1}$		26
Ортино У1	$\frac{248}{31}$	$\frac{4}{9}$		<u>11</u>		$\frac{5}{0}$	$\frac{1}{4}$	I	14
Ортино У1Б	$\frac{32}{6}$						$\frac{0}{1}$	I	3

шого количества сосудов использован линейный принцип построения композиции - трехрядные пояса (из мелких нарезом и гладких прямых оттисков, имитирующих шнур, сдвоенных наколов⁷, гладких и зубчатых арочек), разделенные простым или сдвоенным зигзагом из прямых гребенчатых оттисков, относительно коротких и широких (рис. 3, 2). Использовались также геометрические композиции из зубчатых, гладких и арочных оттисков (рис. 3, 1, 8). Интересна композиция на тулове крупного сосуда, состоящая из неясных оттисков короткого прямого гладкого штампа (?), образующих ряды с примыкающими к ним незаполненными фестонами, напоминающие узор на одном из сосудов из поселения Гыркас-эль⁸. В единичных фрагментах представлены зоны, заполненные мелкими наколами, которые могут покрывать всю поверхность сосуда (рис. 3, 4); гладкий многорядный зигзаг, оттиски личиночного штампа, образующие вертикальный зигзаг. Бордюр состоит из гладких прямых оттисков, образующих фестоны из ромбической сетки (рис. 3, 1, 3) или сдвоенный зигзаг (рис. 3, 3), ниже которых расположены два-три ряда цилиндрических ямок, иногда нанесенных поверх ромбической сетки (рис. 3, 1). Узор из ромбической сетки, выполненный тонким гребенчатым штампом, был нанесен на тулове крупного сосуда с тонкими проколами под венчиком (рис. 3, 6), срез которого украшен редкими косыми оттисками того же штампа. Венчики могли иметь и более разнообразную орнаментацию - в отдельных случаях и на внутренней поверхности прикраевой части сосуда (рис. 3, 5). Особенно характерен фрагмент крупного чашевидного сосуда с чешуйчатым орнаментом из мелкозубчатых арочек (рис. 3, 7), в орнаментации чашевидных сосудов использован один ряд ямок под венчиком.

На ряде сосудов отмечено лощение. Поверхность части сосудов была покрыта сплошным чешуйчатым орнаментом (рис. 3, 7, 10). Форма венчиков довольно разнообразна. В первую очередь это характерные для ортинской культуры S-видные профили, тип I (рис. 3, 1), близкий ему тип IIa - тот же слабый S-видный изгиб, но сам венчик отогнут наружу; тип IIб - прямой, отогнутый наружу венчик с прямым срезом; тип III - прямой с чуть приостренным, сглаженным внутрь срезом; вариации определяются формой сосуда (рис. 3). Судя по профилям верхних частей сосудов, здесь представлены открытые (рис. 3, 3, 5), в том числе чашевидные (рис. 3, 4, 7), и крупные, слегка закрытые сосуды (рис. 3, 1, 2) полуяйцевидной формы.

Керамика, в первую очередь фрагменты крупных сосудов с венчиками типа I, II, находит полные аналогии в материалах, ранее выделенных Л.П.Хлобыстиным в ортинскую культуру по первым находкам⁹. Близкая керамика встречена также на Ямале в поселении Пернашор, где сходство проявляется как в профилировке частей сосудов, так и в первую очередь в наличии мелких зубчатых арочных элементов¹⁰. Чашевидные сосуды, орнаментированные таким образом и близкие ортинским, известны на поселениях Нерчей II, Ружникова и др.¹¹ Участие этих элементов, по наблюдениям В.С.Стоколоса, существенно сокращается по мере продвижения памятников с керамикой, близкой ортинской, в лесную зону, и в Чужья-эльской культуре они представлены слабо. Кремневый инвентарь памятников ортинской культуры отличается высоким качеством обработки и известным своеобразием форм, что заметно отделяет его от памятников типа Чужья-эль, для которых В.С.Стоколосом констатированы общий невысокий уровень кремнеобработки и заметное однообразие форм каменных орудий¹². Ортинские подтреугольные скребки с подтеской брешка (копьевидные, по терминологии М.Е.Фосс¹³) широко распространены в памятниках III-II тысячелетий до н.э. на территории приполярной зоны Евразии¹⁴. Из разнообразных ортинских наконечников особо выделяются наконечники с боковой выемкой и наметчен-

Р и с. 3. Керамика из ортинских стоянок
 1-7 - Ортино П/2; 8-10 - Ортино IV

ным насадом (рис. 1, 9, 10), прочие формы широко распространены. Близкие находки известны в волосовских памятниках (наконечники с выделенным насадом, практически идентичные нашему - из Сахтыш I, II) и памятниках типа Модлона, также отнесенных к кругу волосовских (наконечники с боковой выемкой), причем к раннему этапу культуры¹⁵. Интересно отметить, что из Большеземельской тундры известны и другие волосовские формы, в частности проколка (рис. 1, 6) и наконечник с перехватом, хорошо представленные в ряде памятников¹⁶. Возможно, что эти аналогии могут служить указанием на несколько более ранний возраст местонахождений. Наконечники других форм из Ортино VI (рис. 2) с полным основанием могут рассматриваться как одновременно бытующие. Показательно поэтому отсутствие здесь более "ранних" форм.

Вопрос о датировке наших материалов, таким образом, представляется не вполне ясным. С одной стороны, анализ керамики, имеющей близкое сходство с ранее добытыми материалами, позволяет принять датировку, предложенную Л.П.Хлобыстиным, и отнести их к середине II тысячелетия до н.э.¹⁷ С другой стороны, аналогии в каменном инвентаре как будто бы указывают на более глубокий возраст, хотя хронологические рамки их бытования (в частности, отдельных типов орудий) могут быть довольно широкими. Аналогии, отмеченные в чужья-ёлских памятниках, не позволяют отнести к ним, во всяком случае на данном этапе исследований, с полным доверием, так как в их хронологии, как нам представляется, присутствуют спорные моменты. Возможно, новые исследования позволят выявить внутреннюю хронологию ортинских памятников. Таким образом, в настоящий момент представляется наиболее вероятной датировка в пределах II тысячелетия до н.э., хотя, возможно, период формирования ортинской культуры может быть отнесен и к несколько более раннему времени¹⁸.

1. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985.
2. Пядышев Н.П., Хлобыстин Л.П. Новая стоянка в Печорском Заполярье // КСИА. 1962. Вып. 92; Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток Европейской части СССР в эпоху неолита и ранней бронзы // МИА. 1973. № 172. С. 61.
3. Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири в эпоху бронзы // КСИА. 1986. Вып. 185. С. 43-50.
4. Хлобыстин Л.П. Отчет о работах Заполярной экспедиции 1987 г. // Архив ЛОИА, КП. Д. 4190.
5. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР. М., 1987. С. 10-27; Наговицын Л.А. Новоильинская, гаринско-борская и притиковская культуры // Там же. С. 28-34; Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Среднем Прикамье // МИА. 1961. № 99; Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
6. Хлобыстин Л.П. Отчет о работах...
7. Стоколос В.С. Древние поселения Мезенской долины. М., 1986.
8. Он же. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988. С. 35, 36. Рис. 10.
9. Пядышев Н.П., Хлобыстин Л.П. Новая стоянка...; Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток...
10. Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири... С. 44, 45. Рис. 1.
11. Стоколос В.С. Культуры эпохи раннего металла... С. 42-46; Чернов Г.А. Атлас... С. 60, 61.
12. Стоколос В.С. Древние поселения...; Он же. Культуры эпохи раннего металла... С. 28, 31, 32.
13. Фосс М.Е. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА. 1952. № 29. С. 144.
14. Федосеева С.А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1983; Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток...
15. Ошибкина С.В. Энеолит и бронзовый век Севера Европейской части СССР // Археология СССР. М., 1987. С. 147-156.
16. Фонды Нарьян-Марского краеведческого музея. Археология СССР. М., 1987. Рис. 4, 6, 8, 9, 20, 29.
17. Пядышев Н.П., Хлобыстин Л.П. Новая стоянка...; Хлобыстин Л.П. Крайний Северо-Восток...
18. Лашук Л.П., Хлобыстин Л.П. Север Западной Сибири...

ПЕТРОГЛИФЫ У ЭКИБУЛАКА (ДАГЕСТАН)

К северо-западу от г.Махачкала, в бассейне р.Шура-озень, среди грядобразных скальных поднятий находится хут.Экибулак ("Два источника"). Данный район входит в Наратубинскую зону осадочных пород, состоящую из "системы надвигов и взбросов". Относясь к чокракскому ярусу верхнемиоценовых отложений, зона на этом участке в основном сложена песчаниками¹. В изломе они обладают белым цветом при равномерной среднезернистой структуре. Большое количество Fe_2O_3 (до 0,29 %) ², по-видимому, способствует тому, что в процессе выветривания местные скалы покрываются очень плотной, почти черной корой пустынного "загара". Данный факт немаловажен для определения относительной древности скальных срезов.

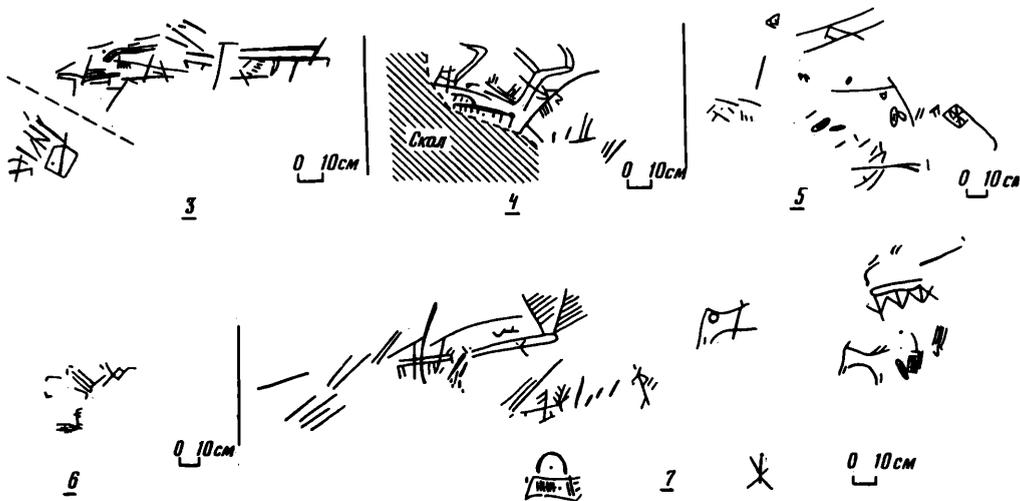
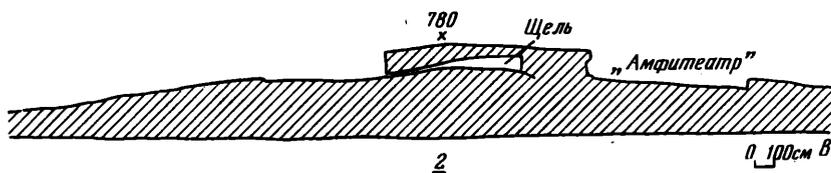
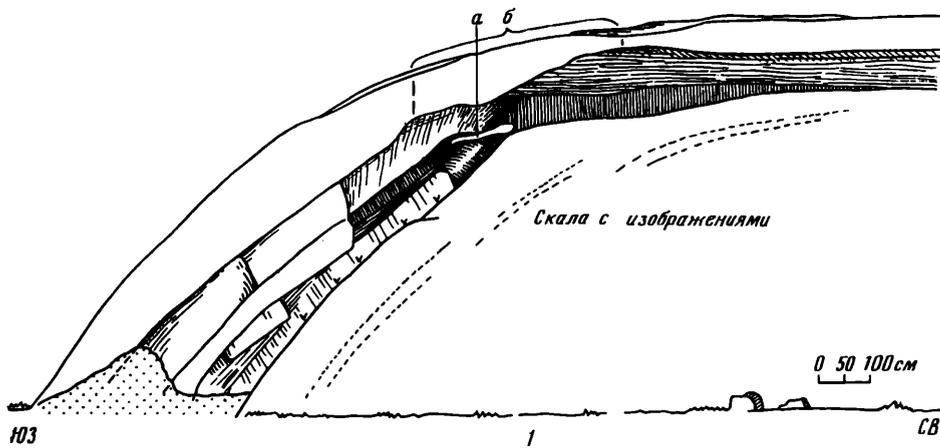
В районе Экибулака можно видеть восемь гряд песчаника, которые тянутся параллельными рядами, простираясь с запада на восток. С северной стороны они выклиниваются, скрываясь в склонах, поросших низкорослым лесом, а с южной, поднимаясь вверх, образуют отвесные плоскости с петроглифами. За 1980-1987 гг. в этом районе обнаружены 22 группы древних наскальных изображений. Все они покрыты интенсивным пустынным загаром. Помимо этого, петроглифы найдены в двух гротах и узком коридорном убежище (оно занимает расщелину между двух скал). Многие из них уникальны (рисунки зубра, оленей, хищников кошачьей породы; зооморфных булавок и проч.). Однако самое интересное местонахождение древних изображений открыто в скальной щели, расположенной в 1,5-2 км к северо-востоку от Экибулака (рис. 1, 1, 2). Здесь в восточной оконечности самой длинной гряды (гряда А, простирается до 3,5 км) находится куполообразная возвышенность, которая в отличие от прямоугольных очертаний местных скал обладает дуговидной отделенностью. Она протянулась на 74 м, возвышаясь над уровнем почвы на 7,80 м. Далее, за перемычкой, продолжается гряда, удаляясь к западу. От восточного края скального поднятия описываемый грот находится на расстоянии 25 м. Проникнуть в него можно с юго-восточной стороны, где имеется небольшая выемка в массиве песчаника, доходящая до почвенного слоя. Выше, перед гротом, почти на уровне самой верхней его части с петроглифами скалы образуют естественный округлый "амфитеатр" диаметром до 10 м. Края его в виде ступенек сохраняют сильную заглаженность. Здесь могли проходить ритуальные действия.

Грот представляет собой дугообразную полость, скорее щель, образовавшуюся в скале за счет выдувания и вымывания наиболее рыхлых прослоев песчаника. Этому, вероятно, способствовало наличие продуха ("светового окна") в северо-западной части скалы. Будучи расположенным напротив входа, он способствует свободной циркуляции ветра в щели и по сей день. Вместе с тем "окно" (1,70 x 0,25 м) неплохо освещает глубинную часть грота.

Пол щели - сильно покатам, естественно уплотненная поверхность песчаника, круто падающая к юго-западу. Размах ее у входа - 11 м, в глубине, у "окна" - 5,5 м, длина - 9,50 м. Потолок у полости неровный и также круто опускается к земле в юго-западной части. Толщина потолка от 0,20 м у входа и до 1,45 м у "окна". Возле входа в потолке имеется разрыв, здесь образовался просвет, и это место грозит обвалом.

Юго-западная стена щели, опускающаяся до уровня почвы, имеет неровную поверхность. Она содержит пять групп изображений (рис. 1, 1, 3-7).

1-я группа петроглифов занимает площадь около 1,70 x 0,75 м и представляет собой штрихи, разделенные перегибом скалы. Они в основном вытянуты по горизонта-

Р и с. 1. Экибулак. Скальная щель с петроглифами

1 - вид скальной щели с входом (а - световое "окно"; б - просвет в кровле, 1-5 - расположение групп изображений на стене у входа); 2 - разрез скалы со щелью по линии запад - восток; 3-7 - первая - пятая группы петроглифов, расположенных на стене щели, у входа в нее

ли (верхняя часть - "а") или идут параллельно угловатости скалы. Заметна определенная ритмичность в их расположении.

2-я группа (0,90 x 0,50 м) - сильно стилизованные животные и отдельные штрихи. Попорчена сколом.

3-я группа (1,30 x 0,80 м) состоит из геометрических начертаний (ромба, треугольника и линий) и знаков плодородия приотрещенно-овальной формы.

4-я группа (0,40 x 0,35 м) - штрихи и фигура животного (птицы?).

5-я группа (3,20 x 1,10 м) представляет собой отдельные штрихи, геометрические, почти орнаментальные начертания, и среди них - человеческие фигуры, сильно стилизованное изображение оленя с сигарообразным туловищем, рисунок козла с рогами в виде утрированно утолщенной одиночной дуги и стершиеся контуры каких-то животных. Здесь же имеется знак плодородия.

Все эти рисунки сохранились довольно плохо, так как они находятся в зоне сильного тока воздуха, идущего от "окна" ко "выходу". Наиболее древними представляются две первые и последняя группы изображений. В их композиционном построении заметна ритмичность, отдельные фигуры сильно стилизованы.

Однако главное скопление петроглифов находится на полу щели. С юго-востока "полотнище" с ними ограничено вибрирующей чертой, глубоко выбитой в скале. За ней, вне грота, уже нет рисунков. В толщину эта линия достигает 2,5-5 см, длина ее сейчас около 10 м. Она идет от земли и почти достигает верхнего края скальной полости (рис. 2; 3).

Изображения, покрывающие пол, нанесены на бугристую поверхность скалы. Площадь, покрытая ими, представляет собой треугольник со сторонами 10,7 м (в юго-восточной, открытой части щели близ упомянутой черты), 7,50 м по юго-западному краю (от черты к "окну") и до 12-13 м в самой глубине полости. Следует заметить, что нанести петроглифы у "окна" было крайне трудно, так как здесь высота щели едва превышает 0,50 м (у входа в самой южной части она равна 1,50 м). Изображения нанесены процарапыванием (гравировки) и реже ударами пунктира.

Самая древняя группа рисунков, нанесенных обеими техниками, находится в восточном углу "полотнища" (рис. 2). Здесь изображены две стилизованные человеческие фигуры, козлы и олени. К сожалению, участок скалы попорчен и от оленей сохранились лишь рога. Наиболее крупная фигура животного, скорее всего безарового козла³, равна 23 см, наименьшая - 9 см. Эта группа петроглифов покрыта почти черным загаром, что вполне естественно, так как тут кровля грота едва нависает над поверхностью пола. По мере углубления в полость интенсивность загара падает.

Через небольшой промежуток, где густота изображений уменьшается, можно видеть следующую группу петроглифов. Здесь преобладают начертания геометрического характера, и лишь по краю основной массы гравировок узнаются фигуры козлов и животного, напоминающего серну, - с загнутыми рожками. Среди обилия рисунков выделяются более новые - знаки плодородия и полумесяц (рис. 2; 3). Интересно, что если в предыдущей группе все животные обращены головами внутрь камеры, то здесь они как бы выходят из нее. Вероятно, высекались контуры животных в разное время.

Геометрического характера петроглифы данной группы очерчены угловатыми линиями, внутри которых нанесено до шести штрихов. Несмотря на разбросанность начертаний, в целом производят они впечатление обдуманной ритмической композиции. Западная часть этой группы, опускающаяся по покатости пола к пониженной части щели, испещрена более удлиненными линиями, которые идут с востока на запад. Они без штриховки и смотрятся более разряженными. Поверх описанных гравировок в 60-

Р и с. 2. Экибулак. Скальная щель с петроглифами

А - первая и верхняя часть второй группы петроглифов, нанесенных на пол щели (а - ластообразное изображение, б - полумесяц); Б - схема расположения групп петроглифов

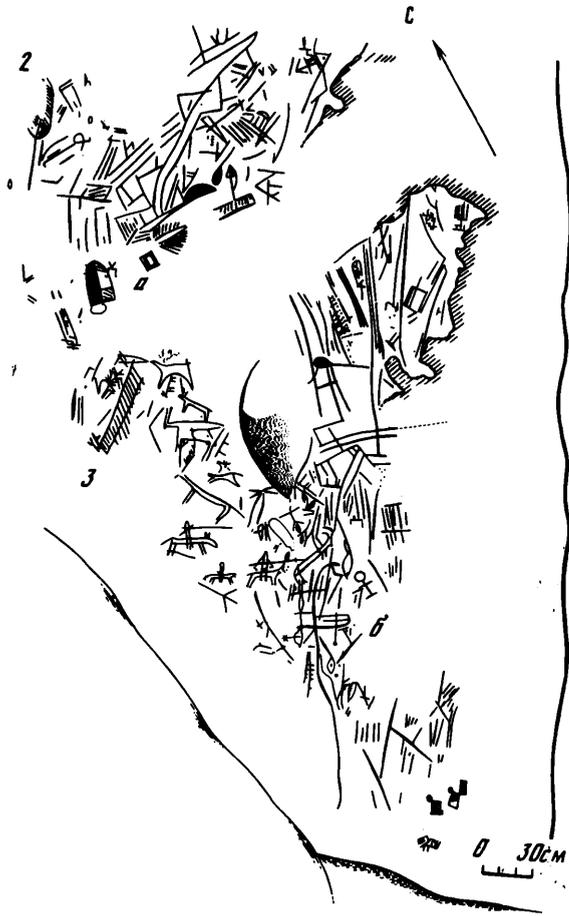
лее позднее время были нанесены отдельные тамгообразные знаки в виде трезубцев, стреловидных, рогатых и ф-образных срезов.

Среди петроглифов группы особенно выделяются на восточной оконечности заштрихованное ластообразное изображение с углублением в "пятке" (длина его 33 см), а на западной стороне - полуoval, разделенный на зоны со штриховкой разных направлений (его величина 28x15 см).

Третья группа рисунков, простираясь углом, находится у входа в щель близ ограничительной линии (рис. 3). Нижняя ее часть отстоит от земли на 20-25 см и нанесена на круто падающий откос скалы. Эта группа стилистически делится на две

Р и с. 3. Экибулак. Скальная щель с петроглифами

Нижняя часть второй группы и третья группа петроглифов, нанесенных на пол щели (а - полуовал и тамга, б - тамга)

части. Граница между ними очерчена отрезками линий и крупной дункой, края которой расплывчаты. Внешняя часть группы в основном состоит из удлиненных и отдельных угловатых врезов. Более поздними среди них являются тамгообразные изображения и заштрихованные прямоугольники с точками с левой стороны (расположены почти у земли).

Петроглифы второй части, хотя и сливаются с первой, нанесены острым орудием, линии у них четкие и тонкие. Вся эта часть представлена к выходу из щели. Среди животных узнаются олени; они обращены внутрь полости. Здесь же можно видеть отдельные женские фигуры с распростертыми руками и обозначением пола и начертания в виде лука со стрелами. Здесь же имеется заштрихованное изображение, напоминающее лестницу.

Эти тонкие, изящные рисунки, неплотно разбросанные по скале, подходят к четвертой группе петроглифов, уходящих в глубину щели. Из их состава сразу же следует исключить рыхлое и грубое изображение животного (возможно, коня), нанесенное в самое позднее время (рис. 4). Оно стилистически не связано с рассматриваемыми материалами. В основном эта группа петроглифов представлена штрихами, заключенными в "рамы" угловатых и округлых очертаний. Выполнены они, как и основ-

Р и с. 4. Экибулак. Скальная щель с петроглифами

Четвертая группа изображений, выбитых на ее полу (а, б - новейшие рисунки - конь? и антропоморфная фигура)

ная масса рисунков щели, более тупым орудием, дающим широкий и мягкий след. Петроглифы-штриховки смотрятся компактным пятном. Только в верхней части группы можно видеть стершиеся фигуры животных и тамгообразные знаки, да и среди "рам" выделяется птицеподобное изображение человека, обращенное лицом к выходу (оно дано в профиль). У внутреннего края скалы эту группу завершает фигура животного, нанесенная приостренным орудием.

Таков состав петроглифических изображений в Экибулакской щели. Однако среди рисунков и штриховых начертаний в первых трех группах можно видеть чашевидные углубления округлой формы размером от 4x4 см при глубине 2-3 см и до 14x12 см при глубине 7 см. Многие из них завершаются "стоком" в виде хвоста длиной до 70 см. "Стоки" достаточно глубоки и опускаются в разных направлениях по округлости (рис. 2; 3) скалы. Чаш насчитывается более 30, точное число назвать их трудно, многие могли выветриться в овальные желобки, неясные углубления и т.д. Даже крупная лунка в третьей группе петроглифов (около 80x40 см при глубине до 10 см) могла быть подобной чашей - один ее край сохраняет очертания дуги.

Итак, обилие петроглифов, наличие углубленных чаш со стоками, округлый "амфитеатр" у входа в Экибулакскую щель - все это свидетельствует, несомненно, о ритуальном характере комплекса. Здесь, вероятно, происходили действия с жертвоприношениями, для чего и служили чаши. Особенности ритуала требовали определенного пространства, вот почему в узком пространстве, в глубине щели, чаш нет.

А.А.Формозов, рассматривая гипотезы возникновения петроглифов, замечает, что при наделении их магическими функциями "рисунки были средством, а не целью", их не сохраняли, так как изображение являлось "следом колдовского акта". Если же рассматривать их с позиций "мифологической гипотезы", то рисунки должно было беречь "для передачи информации о мифах данного общества"⁴.

Расшифровка смыслового значения петроглифов Экибулакской щели - дело будущего. Однако следует обратить внимание на их стилистическую разнохарактерность.

Их возникновение не было единовременным актом, и все же в нанесении заметно бережное отношение к предшествующим рисункам. Посетители грота выскивали свободные или удобные места в массе гравировок, прежде чем нанести новый рисунок, что и позволило сохранить определенную ритмику в отдельных группах петроглифов, придать их мозаичному сочетанию завершенность. Только конь (?) у "окна" и птицевидная фигура в четвертой группе петроглифов портят это впечатление. Они и были нанесены людьми, пришедшими сюда, во всяком случае, не для поклонения данному святилищу.

К какому же времени относятся петроглифы скальной щели Экибулака? Ответить на этот вопрос не очень легко. Из района Экибулака известно каменное изваяние эпохи бронзы⁵. К этому же времени могут быть отнесены здесь же обнаруженные нами кромлех, сложенный из крупных камней, и гробница, содержащая, помимо керамики, сверленную булаву. Разведки, а затем и раскопки в соседнем Капчугайском ущелье (по р. Шура-озень) позволили выявить группы петроглифов, близкие Экибулакской щели. Им сопутствовала керамика эпохи бронзы⁶. Однако петроглифы щели не стоит сопоставлять с крупными (по размерам) наскальными изображениями, обнаруженными в том же Экибулаке (фигуры зубра и животных в гроте 2 гряды Г), Уйташе, Буглене и других пунктах⁷. Они выглядят более монументально и близки наскальным изображениям Кобыстана (Азербайджан)⁸, которые принято датировать временем мезолита - неолита⁹. Петроглифы Экибулакской щели, несомненно, относятся к эпохе бронзы. Они близки гравировкам Капчугая и по размерам, и по манере исполнения. Среди описанных рисунков наиболее древними являются фигуры животных первой группы, самыми поздними, но в пределах поздней бронзы - раннего железа, могут быть петроглифы третьей группы. Имею в виду фигуры животных, всадников, женщин и сопутствующие им изображения, выполненные острым орудием и четкими линиями. Основная масса штриховок и начертаний геометрического характера вместе с чашами могут быть хронологически размещены между ними. Тамги и близкие им рисунки являются самыми поздними среди местных петроглифов, относясь, возможно, к раннему средневековью.

Экибулакская щель с петроглифами напоминает некоторые культовые места с пещерами, которые хорошо описаны В.М.Котович для горного Дагестана и рассматриваются ею в качестве своеобразных храмов¹⁰. С такой трактовкой согласиться вполне можно.

Полная интерпретация нашего материала возможна лишь в совокупности с изучением всего комплекса петроглифов по течению р. Шура-озень и близлежащих регионов (Капчугай, Чиркутан, Буйнакск, Манас-аул и др.). Это дело будущего.

1. П и р б у д а г о в В.М., Ш о л п о В.Н. Краткий очерк геологического строения // Дагестанское землетрясение 14 мая 1970 г. М., 1980. С. 151, 154.
2. Г о л у б я т н и к о в В.Д. Строительные материалы Дагестанской АССР // Природные ресурсы Дагестанской АССР. М.; Л., 1933. Т. I. С. 280, 281; К о з о р е з о в П.И., Ф и л и м о н о в И.Д. Строительные и абразивные материалы Северо-Кавказского края // Природные богатства Северо-Кавказского края. М. Пятигорск, 1935. С. 415; А м и р х а н о в М.-Ш.И. Пески района Исси-Су - Присулакск Дагестанской АССР // Инженерная геология и строительные материалы. Махачкала, 1966. С. 14, 15.
3. В е р е щ а г и н Н.К. Записки палеонтолога. Л., 1981. С. 57. Рис. 15, 4.
4. Ф о р м о з о в А.А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987. С. 76.
5. Г а д ж и е в М.Г., М а м м а е в М.М. Каменное антропоморфное изваяние из Экибулака // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. С. 52-57. Рис. I. (МАД; Т. 6).

6. Марковин В.И. Археологические памятники в районе сел.Капчугай Дагестанской АССР // СА. 1954. Вып. XX. С. 328-330. Рис. 4а, б; О н ж е. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана // СА. 1958. № 1. С. 147-155. О н ж е. Работы в Дагестане. // АО 1980 г. М., 1981. С. 110.
7. Работы Прикаспийской экспедиции ИА АН СССР. См.: Марковин В.И. Разведки в предгорьях Дагестана // АО 1986 г. М., 1988. С. 136, 137.
8. Джафарзаде И.М. Наскальные изображения Кобыстана (Азербайджанская ССР) // Тр. Ин-та истории Азерб. АН. Баку, 1958. Т. XIII. С. 39. Рис. 18, 19.
9. Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969. С. 42-47.
10. Котович В.М. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М., 1976. С. 97.

И.И.Дремов

ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА У С.СТАРИЦКОЕ
(Саратовская обл.)*

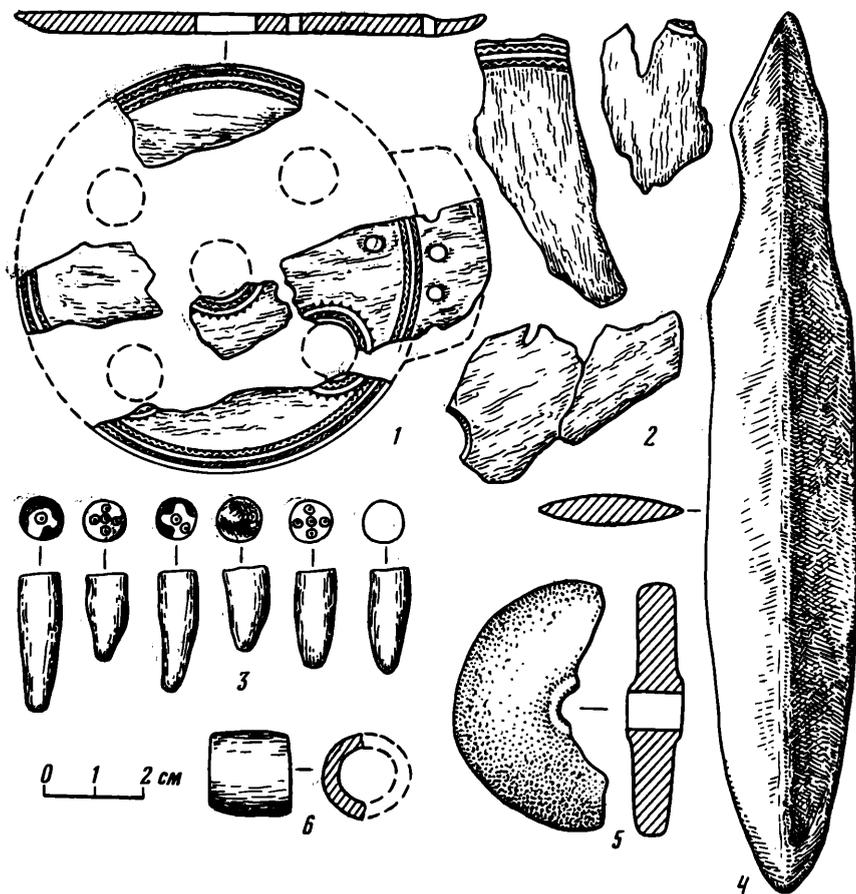
Осенью 1985 г. в археологическую лабораторию СГУ поступили находки из кургана у с.Старицкое Энгельсского района Саратовской области. Удалось получить информацию, что переданные предметы происходят из двух погребений, выкопанных в кургане, одно из которых содержало оселок и железный меч сарматской культуры, а второе, относящееся к срубной культуре, - бронзовый нож, обломки костяного псаля и глиняную модельку колеса (рис. 1, 1, 5). Псалий лежал на северо-западном крае могилы, нож и обломки глиняного колесика - в заполнении. Могила имела круглую форму, на дне ее у южной стенки находилось скопление человеческих костей, причем кости ног лежали скрещенно перед тазовыми костями, а остальные беспорядочной грудой. Череп отсутствовал.

Место находок было осмотрено мною, И.В.Семеновой - сотрудницей Энгельсского музея краеведения и студентом Д.Г.Баринным. Курган (диаметр насыпи 30 м, высота около 1,5 м) находится на распахиваемом поле на коренной террасе левого берега р.Большой Караман, в 3 км к юго-западу от с.Ленинское и в 1,5 км к северо-востоку от с.Старицкое.

В центре кургана была заметна свежевыкопанная, но засыпанная яма со сторонами 3 м и прирезками по контуру погребений. Для проверки полученных данных мы расчистили раскоп и увеличили его до 4х4 м (рис. 2). На краю могилы фиксировались остатки деревянного перекрытия, а также следы материкового выкида из ямы. При расчистке ямы были найдены в заполнении кости овцы, обломок костяной пронизки (рис. 1, 6) и фрагменты лепного сосуда баночной формы. Стенки могилы не были зачищены, мы это сделали сами, и поэтому в конструкции могилы сомнений нет. Яма оказалась почти круглой - 130х150 см и заглубленной в материк на 100 см. В придонной части западная стенка могилы имела подбой, что придавало дну правильную круглую форму диаметром 1,5 м. На дне могилы выделялся слой светлого органического тлена от подстилки. У южной стенки были зачищены несколько непо потревоженных человеческих костей. На дне лежала тазовая кость и крестец, на них - несколько позвонков и ребер, остальные кости были перестоложены.

Таким образом, удалось установить, что погребение было основным в кургане, могильная яма имела округлую форму и небольшой подбой в западной стенке. Сверху

*По материалам доклада в отделе камня и бронзы ИА в 1988 г.

Р и с. I. Предметы из погребения

1-3 - фрагменты костяных псалий; 4 - бронзовый нож; 5 - глиняная моделька колеса; 6 - обломок костяной пронизки

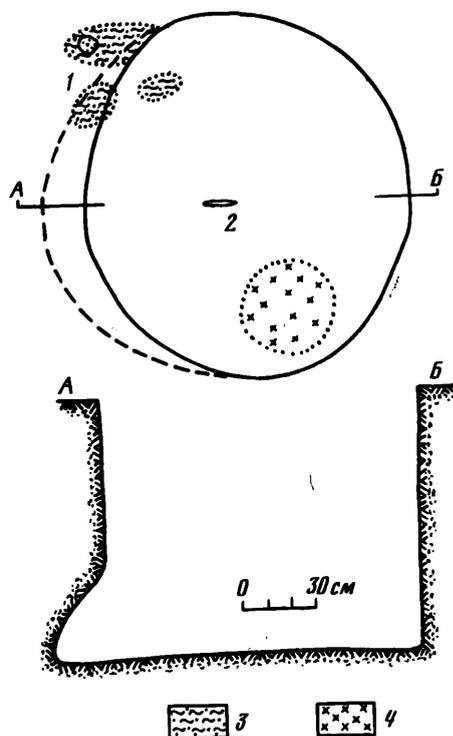
на уровне древнего горизонта могила перекрывалась плахами. На перекрытии были положены псалии, а также, вероятно, бронзовый нож и глиняное колесико. Первоначальное расположение костяной пронизки, обломков сосуда, костей барана, которые встретились при вторичной расчистке могилы, установить невозможно. Погребенный, вероятно, был посажен или расчленен и сложен в южной части могилы. По определению антрополога А.В.Шевченко, кости принадлежали мужчине могучего телосложения в возрасте более 30 лет.

Псалий, найденный в кургане, реконструируется по сохранившимся обломкам и по существующим аналогиям. Он относится к типу дисковидных, с выделенной планкой, с малыми отверстиями, с четырьмя вставными шипами и центральным отверстием¹.

Наиболее близкой аналогией данной находке является псалий из кургана у с. Старорубьево². Однако у него имеется отверстие в дополнительной плоскости, а у старорубьевского псалия дополнительной плоскости нет. Подобная реконструкция подтверждается находкой В.А.Лопатиним псалия у с.Бородаевка в 1982 г. Он отличается от

Р и с. 2. План погребения

1 - псаали; 2 - нож; 3 - следы
деревянного перекрытия; 4 - скоп-
ление человеческих костей

старицкого лишь формой планки и также не имеет дополнительной плоскости для отверстия³. Кроме того, псаалий из Старицкого кургана имеет два маленьких дополнительных отверстия между центральным отверстием и планкой, что сближает его с находкой из IV шахтной гробницы в Микенах.

Микенский псаалий датируется XVI в. до н.э., старокурьевский Е.В.Кузьмина датировала XV-XIV вв. до н.э.⁴ В связи с этим наиболее вероятная дата для основного погребения из кургана у с.Старицкое XVI-XV вв. до н.э.

На памятниках развитой срубной культуры дисковидные псаалии не известны. В Волго-Уральском и Волго-Донском междуречье они найдены в абашевских, катакомбно-многоваликовых и петровско-новокумакских комплексах⁵. Кресты на шипах и семь расходящихся лучей вокруг центрального отверстия на старокурьевском псаалии, кружочки с точками на шипах, волнистая линия и расходящиеся зубцы вокруг центрального отверстия старицкого псаалия имеют выраженную солярно-календарную символику.

П.Д.Либеров на основании аналогий орнаментации костяных псаалиев, блях и пронизок с лунницевидной костяной бляхой от уздечного набора с поселения у с.Кирово датирует все эти комплексы началом I тысячелетия до н.э.⁶ По-видимому, орнаментальные традиции в данном случае очень устойчивы и не могут служить основой для датировок. В индоевропейской мифологии колесница и конь как атрибуты солнечного культа оказались чрезвычайно устойчивыми и сохранились повсеместно⁷. Поэтому не удивительно, что в изобразительном искусстве солярная символика оставалась неизменной в течение долгого времени.

Псаалий в кургане у с.Старицкое лежал на краю могилы на перекрытии. Аналогично ему в погребении 2 кургана 3 у с.Иловатка костяные бляхи от безудильной уз-

дечки лежали на краю перекрытия. Это хорошо согласуется с обычаем хоронить возле могилы коней в петровских и срубно-абашевских комплексах⁸. В связи с этим небезынтересен ведический гимн, в котором мир уподобляется жертвенному коню: "... утренняя заря - это поистине голова жертвенного коня, солнце - глаз, ветер - дыхание, рот - огонь, год - туловище жертвенного коня, небо - хребет, воздушное пространство - живот, земля - копыта, страны света - ребра, времена года - члены, месяцы и полумесяцы - суставы, дни и ночи - ноги, звезды - кости, облака - плоть... восходящее солнце - передняя часть, заходящее солнце - задняя часть"⁹. Таким образом, захоронение коней в курганах или их атрибутов подчеркивает космологическую организацию курганного пространства.

В настоящее время установлено, что дисковидные псалии использовались не для верховой езды, а для колесничной запряжки¹⁰, символика которой связана в первую очередь с культом солнца¹¹. Вероятно, наличие в старицком погребении неординарной по форме круглой ямы с подбоем, глиняной модельки колесца, псалия с солярной орнаментацией, а также необычной позы костяка - сидя или расчлененно без головы - свидетельствуют, что в кургане встречено ритуальное захоронение, связанное с календарными циклами и посвященное солнечному божеству.

Возможно, что нож также связан со встреченным ритуалом. Ножи найдены в комплексах с псалиями в Старокорьево¹², у с.Иловатки (курган 3, погребение 2, нож находился на перекрытии вместе с бляхой от безудильной уздечки¹³), в Бородаевке и в Краснополье¹⁴. Во всех перечисленных случаях ножи аналогичны старицкому: с намечающимся перекрестием и с ромбическим окончанием черенка. Подобные ножи встречаются на поздних абашевских памятниках, а также на памятниках первого этапа срубной культуры лесостепного Поволжья: Неприкский могильник, II Шигонское поселение, Ишеевский могильник¹⁵.

На территории степного Поволжья найдено семь аналогичных ножей: в абашевском погребении в кургане у с.Скатовка¹⁶, в кургане у с.Краснополье¹⁷, на поселении в Надеждино-Куракино¹⁸, случайная находка из с.Новый Балыклей¹⁹ из срубно-абашевского погребения в кургане на Калмыцкой горе у с.Бородаевка²⁰, с Новопокровского селища с абашевской керамикой²¹, из Бережновки²².

Таким образом, погребение старицкого кургана имеет аналогии в срубно-абашевских памятниках Нижнего Поволжья, которые исследователи относят к покровскому времени. В Среднем Поволжье погребения с аналогичным инвентарем относятся к I этапу срубной культуры.

Памятники покровского типа степного Поволжья принято отчленять от срубной культуры и выделять в инокультурные комплексы. При этом их появление рассматривается как результат взаимодействия сформировавшейся срубной культуры с абашевской и синхронизируется со вторым этапом срубной культуры²³.

Первый этап срубной культуры Среднего Поволжья надежно синхронизируется по всем комплексам инвентаря с памятниками покровского типа. Если признать, что в Нижнем Поволжье им предшествуют памятники бережновского горизонта (первого этапа срубной культуры степного Поволжья), то напрашивается вывод, что срубная культура сформировалась в степном Поволжье и отсюда распространилась в лесостепь. Однако в настоящее время признано, что в степном и лесостепном Поволжье срубная культура сформировалась одновременно²⁴, так как материалы из обоих регионов в целом близки. В связи с этим заслуживает внимания точка зрения исследователей, предлагающих расширить круг памятников первого периода срубной культуры Нижнего Поволжья за счет включения в него, помимо бережновских, памятников покровского типа²⁵.

1. Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях Евразийских степей // КСИА. 1960. Вып. 161. С. 9.
2. Прякин А.Д. Курганы поздней бронзы у с. Старокурьево // СА. 1972. № 3. С. 233, 234. Рис. 3.
3. Лопатин В.А. Отчет об исследовании археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы, 1982 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9108.
4. Кузьмина Е.Е. Еще раз о дисковидных псалях... С. 15.
5. Там же. С. 8-21.
6. Либеров П.Д. О хронологии некоторых костяных изделий эпохи поздней бронзы // КСИА. 1980. Вып. 161. С. 21-24.
7. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных народов Старого Света // Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977. С. 40-42.
8. Зданович Г.Б. Основные характеристики Петровских комплексов Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 55; Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культура бронзового века Восточной Европы. Куйбышев, 1983. С. 12.
9. Брихадараньяка-упанишада, I, I, I. Цит. по: Древнеиндийская философия. М., 1978. С. 138.
10. Кузьмина Е.Е. Распространение коневодства... С. 42.
11. Там же. С. 57.
12. Прякин А.Д. Курганы поздней бронзы... С. 233, 234.
13. Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. 1958. № 60. С. 226. Рис. 9.
14. Лопатин В.А. Отчет об исследовании...; Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60. С. 157.
15. Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура... Рис. 6, 9.
16. Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда // МИА. 1959. № 60. С. 157, 172-174.
17. Там же. С. 157.
18. Кривцова - Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46. С. 31. Рис. 4, 5.
19. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1960. С. 126.
20. Лопатин В.А. Отчет об исследовании...
21. Малов Н.М. Отчет об археологических раскопках Яблоновского кургана и Ново-Шокровского селища в Саратовском Поволжье в 1962 г. // Архив ИА АН СССР. Р-1. № 9252.
22. Синицын И.В. Археологические исследования... С. 68. Рис. 25, II.
23. Смирнов К.Ф. Археологические данные о древних всадниках Поволжско-Уральских степей // СА. 1961. № 1. С. 57-59; Малов Н.М. Конструктивные особенности псаля из Краснополя // СА. 1983. № 4. С. 204, 205.
24. Мерперт Н.Я., Качалова Н.К., Васильев И.Б. О формировании срубных племен Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев, 1985. С. 24.
25. Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность. С. 73.

Поселение эпохи бронзы Старчики расположено на правом берегу р.Фарс, в 4,5 км к северу от ст.Новосвободной Майкопского района Адыгейской АО. Раскопки осуществляются с 1979 г. Майкопским отрядом Кубанской экспедиции ЛОИА (нач. экспедиции – В.С.Бочкарев, нач. отряда – А.Д.Резепкин, работами на поселении руководит автор).

На поселении найдены два фрагмента литейных форм, документирующих местную металлообработку. Один фрагмент найден в восточной части раскопа 1981 г. на глубине 65 см от современной поверхности в среднем (втором) культурном слое поселения, другой – в 1986 г. в верхнем горизонте нижнего (третьего) культурного слоя поселения на глубине 120 см в шурфе.

Фрагменты представляют собой обломки створок от трехчастных керамических литейных форм. Фрагмент, найденный в 1981 г. (рис. 1, 1), был изготовлен из глины с примесью дресвы. Поверхность неровная с выступающими частицами отопителя, цвет снаружи красно-охристый, в изломе – серый. Форма прокалена, на внутренней стороне ее сохранилась капелъка бронзы. Заливка металла, судя по сохранившемуся фрагменту, производилась через щель в форме вдоль спинки.

Реконструируется изготовлявшееся орудие – топор с коротким прямым узким в плане клином. Брюшко орудия вогнуто и плавно переходит в переднюю стенку удлиненной втулки, нижний край втулки прямой (рис. 1, 2).

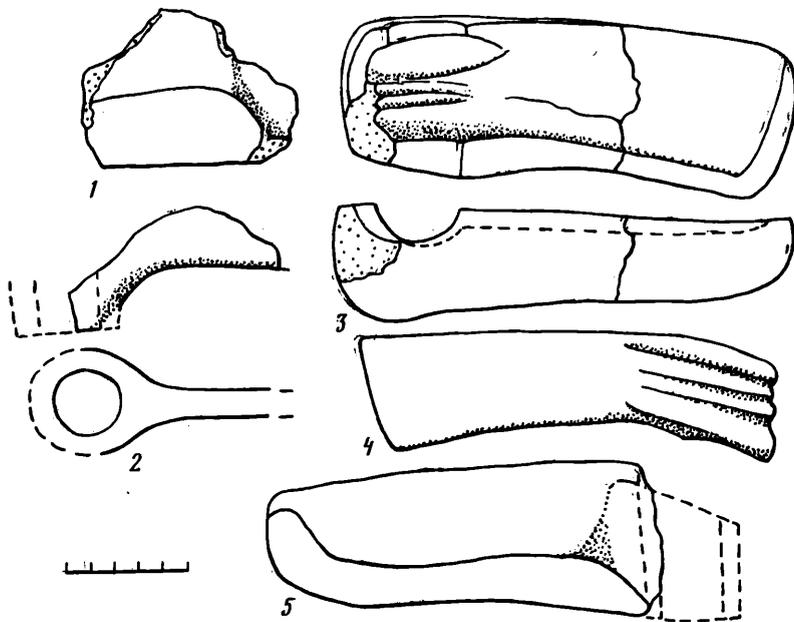
Вторая форма (1986 г.) изготовлена из глины с примесью толченого известняка, мергеля (рис. 1, 3), поверхность заглажена и изнутри покрыта тонким слоем жаропрочной глины, цвет снаружи окристо-серый, бежевый, в изломе светло-серый; очертаниями форма напоминает топор. Металл заливали через щель со стороны спинки вдоль клина орудия.

Гипсовая модель, изготовленная нами во второй форме (рис. 1, 4), дает представление об отливавшемся орудии. Топор имел удлиненный узкий клин с узким планом; брюшко клина пристроено и слабо вогнуто; втулка укорочена, ее края слабо скошены вниз, в центре отчетливо видны два узких валика, более широкие валики обрамляют верхний и нижний края втулки. Длина изделия – 14 см, ширина клина – 3,5 см, ширина втулки – 3,5 см, ширина планки клина – 1 см, диаметр отверстия – 2,8 см.

Таким образом, найденные формы позволяют реконструировать два типа топоров. Орудия имели слабо изогнутый узкий клин, слегка расширенный к лезвию; брюшко клина пристроено; отливка производилась через щель со стороны спинки; план клина узкий. У первого топора втулка удлиненная с гладкой поверхностью. Другой топор имел укороченную втулку, обрамленную валиками.

Третья литейная форма найдена на однокультурном Дегуакско-Даховском поселении в долине р.Белой у станции Даховской (работы В.И.Марковина)¹. Фрагмент обнаружен в верхней части культурного слоя на глубине 15 см от современной поверхности (Дегуакское поселение синхронизируется нами с комплексом нижнего слоя поселения Старчики). В форме из Дегуакского поселения (рис. 1, 5) отливали топор с коротким и узким прямым клином, план клина узкий, брюшко пристроено и плавно переходит в переднюю стенку удлиненной втулки, верхний край втулки слабо скошен вниз, нижний ее край прямой. Металл заливался в щель со стороны спинки вдоль клина орудия.

Учитывая некоторые комплексы и случайные находки на Западном Кавказе и в Предкавказье (дольмены в Эшери, Привольненский клад, погребения в Андреевской

Р и с. 1. Фрагменты глиняных литейных форм (1,3,5) и гипсовые отливки (2,4)

1-4 - поселение Старчик; 5 - Дегуакско-Даховское поселение

долине, Былымском карьере и др.), можно констатировать производство в этих областях двух основных, ведущих типов бронзовых топоров: 1 - с узким в плане, удлиненным изогнутым клином и удлиненной втулкой (так называемый арочный); 2 - с узким в плане, коротким прямым клином и укороченной либо удлиненной втулкой.

Центр производства топоров первого типа находился на Центральном Кавказе. Отсюда подобные орудия распространялись на Северный Кавказ и в Абхазию, а отдельные экземпляры достигали Северного Причерноморья² и даже Центральной Европы³.

Центр производства топоров второго типа связан с территорией Северо-Западного Кавказа и Предкавказья. Эти орудия (к которым относятся и топоры, отлитые в формах из поселений Старчики и Дегуакского), вероятно, ведут свое начало от майкопских изделий эпохи ранней бронзы. Майкопские мастера отливали топоры в открытые со стороны брюшка формы. Усовершенствованный вариант орудия представлен в постновосвободненском погребении из могильника Лебеди I⁴. Здесь при прежнем способе отливки уже имеются укрепляющие край втулки валики - способ повышения прочности орудия, неизвестный майкопским мастерам. Однако решающим моментом в совершенствовании топоров явилось освоение литья в щель со стороны спинки. Появилась возможность изготавливать топоры с профилированным клином и удлиненной втулкой, что повышало как надежность крепления топора на рукояти, так и прочность и боевые качества орудий⁵. Можно предположить, что освоение нового способа литья на Северном Кавказе стало возможным благодаря контактам с мастерами Закавказья, изготавливавшими топоры арочного типа.

Также топоры были боевыми (и парадными), а широкое их распространение в эпоху средней бронзы на Центральном Кавказе можно связать с процессами перемещения

населения и сменой культур; потребность совершенствования вооружения привела к открытию принципиально нового способа литья бронзовых топоров.

Орудия второго типа были универсальными (как рабочими, так и боевыми). По-видимому, на Северном Кавказе не сложились условия для появления специализированных боевых топоров (более стабильная обстановка развития культур?). Поэтому, учитывая относительно более высокие темпы совершенствования оружия (по сравнению с орудиями труда), а также использование на Северном Кавказе закавказских источников сырья⁶, кажется вполне допустимым предположение, что новый способ литья был открыт в Закавказье, где появились арочные топоры, а затем заимствован северокавказскими мастерами.

Новая технология изготовления топоров от населения Северного Кавказа распространилась в степь к мастерам катакомбных племен. Это подтверждается находками литейных форм в таких катакомбных погребениях, как Веселая Роща, Ворошиловград, Краматорск⁷. Несомненная типологическая близость форм из катакомбных погребений с формой из поселения Старчики, 1986 г. (сравни, например, формы из Веселой Рощи), отражает связи между катакомбными племенами и населением Северо-Западного Кавказа.

На одновременное использование обоих ведущих типов бронзовых топоров указывают совместные находки в нижнем слое дольменов Эшери и в составе клада "Струбло" на Волныи.

Топоры, отливавшиеся в формах из Дегуакского поселения и поселения Старчики, 1986 г., близки к орудью из Привольненского клада, к топору из дольмена 6в.

Эшери, из разрушенного погребения в Андреевской долине, из дольмена в станице Абадзехской⁸. Типологические параллели топору, отливавшемуся в форме, найденной на поселении Старчики в 1986 г., образуют орудия из дольмена 5 в Эшери, из погребения в станице Келермесской, находки из селения Хабаз и р.Сочи⁹. Близкие литейные формы обнаружены в разрушенном погребении из карьера Былым в Кабардино-Балкарии и в катакомбном погребении могильника Веселая Роща в Ставрополье¹⁰. Щель для заливки металла у литейных форм из упомянутых погребений (катакомбных) короче, чем у форм из поселений строителей дольменов. Уменьшение размеров щели, а затем переход к литью через литник повышали качество отливок, что отражает прогресс в развитии металлообработки эпохи бронзы. Типологический ряд топоров второго типа между находками из могильника Лебеди I и поселения Старчики (1986 г.) занимает форма из разрушенного погребения у ст.Скачки близ Пятигорска. В этой форме заливка производилась со стороны полностью открытой сплинки. (Выражаю благодарность А.Л.Нечитайло за информацию.)

Попытаемся уточнить датировку второго слоя поселения Старчики, где обнаружен фрагмент литейной формы. Датировочное значение имеют следующие находки: лопаточковидная сердоликовая подвеска (рис. 2, 1); так называемые реповидные горшки (рис. 2, 2, 5); амфоры с наклепным "воротничком" на наружном крае венчика (рис. 2, 3). Эти элементы входят в состав инвентаря погребений предкавказской катакомбной культуры позднего этапа в Калмыкии, Верхнем Прикубанье и на р.Бейсуг¹¹. Можно сопоставить стиль орнаментации сосудов из позднекатакомбных погребений и из второго слоя нашего поселения. Так, часть сосудов из поселения Старчики украшена характерными для катакомбной традиции мотивами: налепной валик с наколами на плечиках; чередование оттисков веревочки и рядов подтреугольного или круглого штампа (рис. 2, 5). Характерным для декора позднекатакомбного времени считается "перевернутый" сюжет на плечиках горшков, составленный из концентрических, вписанных друг в друга дуг, заполненных семечковидными наколами (рис. 2, 4). Перечисленные соответствия в керамических комплексах (на уровне типов сосудов и сти-

Р и с. 2. Датирующие находки из второго слоя поселения Старчики

1 - сердоликовая подвеска; 2-5 - глиняные сосуды и их фрагменты

ля орнаментации) свидетельствуют о тесном взаимодействии и культурной близости катакомбных групп и строителей дольменов. Усиление связей кавказского населения с катакомбными племенами на позднем этапе существования этих культур выразилось в определенной взаимной нивелировке керамического комплекса, а культурная близость на "идеологическом" уровне проявилась в распространении сходных украшений этнографического костюма¹² и в использовании "церемониальных" бронзовых крючков.

Новации в керамическом комплексе культуры строителей дольменов на позднем этапе (второй слой поселения Старчики) по сравнению с более ранним этапом развития (комплекс третьего слоя поселения Старчики) связаны с распространением в орнаментации сосудов различных видов штампованного декора, расчлененных наклепных валиков, "перевернутых декоров"; появляются реповидные горшки с горизонтально отогнутым наружу краем венчика; распространяются керамические модели колес с выступающими ступицами. Эти изменения отражают усиление степного элемента в культуре населения Северо-Западного Кавказа.

Одновременно наблюдается "затухание" признаков керамического комплекса, связанных с закавказской (?) традицией. Например, во втором слое поселения Старчики выходит из употребления (характерная для нижнего слоя) керамика с пролощенным орнаментом и гладкими наклепными валиками; исчезает также группа чернолощенной керамики на светлой "подкладке"; не изготавливаются сосудики со сквозными отверстиями в стенках и крышки с ручкой-столбиком в центре (изменения в комплексе поселения Старчики отражают процесс утраты культурного своеобразия, нивелировку культур в регионе).

Керамический комплекс верхнего горизонта нижнего слоя поселения Старчики по стилю орнаментации и по формам сосудов сопоставим с керамикой раннего этапа до-

неокой и предкавказской катакомбных культур. К датированным находкам из нижнего слоя поселения Старчики можно отнести дисковидную костяную подвеску с отверстием у края (рис. 2, I). Подобные украшения распространены в катакомбных погребениях раннего этапа (этап С по схеме В.А.Сафронова).

Синхронность и сходный характер новаций в керамических комплексах катакомбных племен и строителей дольменов находят объяснение в свете предложенной В.С.Бочкаревым концепции культурных блоков¹³. В единый блок культур эпохи средней бронзы можно включать катакомбные культуры юго-востока и культуры населения Северного Кавказа (в том числе культуру строителей дольменов). Тем самым находит объяснение ранее отмеченное М.И.Артамоновым, Г.Чайлдом и развитое В.Я.Кияшко наблюдение о сходстве отдельных элементов катакомбной и дольменной культур¹⁴. Уточняя хронологическую позицию материалов второго слоя поселения Старчики, заметим, что по стилю орнаментации сосудов керамика из поселения Старчики близка керамике донеокой катакомбной культуры на ее позднем этапе, в также отчасти керамике развитого этапа так называемой северокавказской культурно-исторической общности¹⁵. Решающими показателями сходства является "пышный" характер декора отдельных сосудов, употребление сочетаний различных видов штампов, композиции с использованием концентрических дуг, дополнение прорезанного и штампованного декора различными расчлененными выступами¹⁶.

Для выяснения абсолютной датировки комплекса второго слоя поселения Старчики важное значение имеет то обстоятельство, что на этом этапе в степь с Северного Кавказа проникают украшения костяма так называемой поздней группы¹⁷. Северокавказские погребения второго этапа с этими украшениями традиционно датируются 1800/1700-1500 гг. до н.э.¹⁸ Однако в нашей работе, посвященной датировке комплексов из эшерских дольменов (в печати), обосновывается удревнение нижней границы появления подобных украшений до начала XIX в. до н.э. Верхняя датировка в пределах средней бронзы пока не может быть уточнена.

По мнению В.С.Бочкарева, фрагмент литейной формы 1961 г. демонстрирует появление признаков топора костромского типа¹⁹. Близкий ему типологически топор из дольмена ст.Абадзехской найден вместе с плоским теслом переходных пропорций от привольненского к костромскому типу²⁰. Переходные по пропорциям плоские тесла встречены также в катакомбных погребениях вместе с реловидными горшками (Ажиновский могильник 2, Шахаевский могильник)²¹. Появление "костромских" признаков позволяет относить форму из второго слоя поселения Старчики к концу привольненского этапа эпохи средней бронзы.

Задачей дальнейших исследований является рассмотрение характера взаимоотношений внутри обозначенного блока культур между катакомбным населением и строителями дольменов Северо-Западного Кавказа.

1. М а р к о в и н В.И. Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Майкопском районе // Сб. тр. по археологии Адыгеи. Майкоп, 1977. С. 58. Рис. 2, 14. Близость керамического комплекса позволяет синхронизировать материалы из Дегуакского поселения и из нижнего (третьего) слоя поселения Старчики.
2. К о р е н е в с к и й С.Н. Втульчатые топоры - оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и Средневековье. М., 1981. С. 26. Рис. 4, 25; С. 27. Рис. 5, 7.
3. К у ф т и н Б.А. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941. Т. I. С. 16. Рис. 14, 5.
4. Г е й А.Н. Погребение литейщика новотитаровской культуры из Нижнего Прикубанья // Археологические открытия на Новостройках. М., 1986. Вып. I. С. 24, 25. Рис. 12.
5. К о р е н е в с к и й С.Н. Втульчатые топоры - оружие... С. 27, 37.

6. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 45-50.
7. Державин В.Л., Тихонов Б.Г. Погребение литейщика эпохи средней бронзы на Ставрополье // СА. 1981. № 3. С. 255; Братченко С.Н., Шапошников О.Г. Катакомбная культурно-историческая общность // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1. С. 419. Рис. 109, 16.
8. Марковин В.И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978. Рис. 129, 23; Кореневский С.Н. Втульчатые топоры - оружие... С. 25. Рис. 4, 1; Куфтин Б.А. Дольменная культура Абхазии // Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 4. С. 302. Рис. 65, 3.
9. Куфтин Б.А. Дольменная культура... С. 269. Рис. 30, 1; Кореневский С.Н. Втульчатые топоры - оружие... Рис. 3, 5, 14; Он же. Новые данные по металлообработке докобанского периода в Кабардино-Балкарии // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1984. Т. 1. С. 250. Рис. 9, 2; Воронцов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С. 50. Рис. 20, 11.
10. Батчаев В.М. Погребальные памятники у селения Лечинкай и Былым // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Т. 1. С. 159. Рис. 24, 1. От степенных орудий "колонтаевского" типа кавказские топоры отличаются как поперечным сечением клина, так и оформлением втулки валиками. См.: Державин В.Л., Тихонов Б.Г. Погребение литейщика... Рис. 5.
11. Синицын И.В., Эрдниев У.Э. Археологические раскопки в Калмыцкой АССР в 1961 г. // Тр. КРКМ. Элиста, 1963. Вып. 1. С. 16, 41. Рис. 11, 2; 13, 2; Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье в эпоху средней бронзы. Киев, 1978. С. 123, 128. Рис. 41, 5; 44, 21, 22; 47; Трифанов В.А. Две группы катакомбных погребений на среднем Бейсуге // КСИА. 1983. Вып. 176. С. 88. Рис. 1, 5, 7.
12. Кореневский С.Н. О поясных наборах периода средней бронзы из Центрального Предкавказья // КСИА. 1986. Вып. 165. С. 41; Он же. Новые данные... С. 264-265, 267. Рис. 25. С. 281; Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1978. С. 53, 141; Смирнов А.М. Катакомбные культуры в бассейне Северского Донца: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 7, 8.
13. Бочкарев В.С. О временном соотношении Сейминского и Турбинского могильников: Докл на археол. совещ. по пробл. срубной культурной общности в г.Куйбышеве в февр. 1982 г.
14. Кияшко В.Я. Связи Нижнего Подонья и Кавказа в палеометаллическую эпоху // Тез. докл. Всесоюз. сес. археол. исслед. в 1970 г. Тбилиси, 1971. С. 113-116; Он же. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1974.
15. Смирнов А.М. Катакомбные культуры ... С. 7-8.
16. Братченко С.Н. Нижнее Подонье... С. 36, 38. Рис. 14-17, 20; Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье... С. 88-91. Рис. 39; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1960. № 93. С. 120, 121. Рис. 50.
17. Братченко С.Н. Нижнее Подонье... Рис. 25, 1, 2, 4; Братченко С.Н., Шапошников О.Г. Катакомбная... Рис. 110, 20.
18. Нечитайло А.Л. Верхнее Прикубанье... С. 137, 104. Рис. 39.
19. Выражаю благодарность В.С.Бочкареву, любезно согласившемуся проанализировать фрагмент формы из поселения Старчики.
20. Куфтин Б.А. Дольменная культура... С. 302. Рис. 65, 4.
21. Рябова В.Я. Работы Ажиновского отряда в 1976 г. // Древности Дона. М., 1983. С. 103. Рис. 25, 5; Федорова - Давыдова Э.А. Раскопки курганной группы Шахаевская II на р.Маныче // Там же. С. 45. Рис. 24, 4.

ХРОНИКА

В.И.Балабина, А.М.Смирнов

ОТДЕЛ КАМЕННОГО И БРОНЗОВОГО ВЕКОВ В 1988–1989 ГГ. ИА АН СССР

В 1988–1989 гг. отделом каменного и бронзового веков велись исследования по следующим основным направлениям: проблемы каменного и бронзового веков Центра и Севера европейской части СССР, раннеземледельческие культуры Юго-Запада СССР и Средней Азии, проблемы эпохи бронзы Кавказа и степей, урало-сибирская проблематика, зарубежная археология.

На базе отдела в 1989 г. организованы группы: степной археологии под председательством Н.Я.Мерперта, кавказской археологии под председательством В.И.Марковина, урало-сибирской археологии под председательством М.Ф.Косарева. Создание групп способствовало консолидации исследователей, заинтересованных в разработке соответствующей проблематики. В группы помимо сотрудников отдела вошли специалисты из разных подразделений института, аспиранты, сотрудники других учреждений (МГУ, ГИМ, ГМИВ). Группы работали по собственному плану.

Сотрудники отдела в 1988–1989 гг. завершили ряд плановых тем, рассмотренных на заседаниях и рекомендованных к печати.

Работа В.В.Волкова "Центральная Азия и скифо-сибирская проблема" построена на анализе оленных камней Монголии. В исследовании Х.А.Амирханова "Палеолит юга Аравии" рассмотрены материалы палеолитических памятников, открытых и изученных автором в НДРИ в 1983–1986 гг. Обобщаются вопросы датировки, периодизации, эволюции культуры. В работе А.А.Формозова "Человек и наука (по материалам археологии)" подводятся итоги 70-летнего периода развития отечественной археологии. В.И.Марковин завершил свод "Дольменные памятники бассейна р.Кубани и Причерноморья", вып. 2, где даны систематизированные описания памятников, открытых Прикубанской экспедицией, и их интерпретация. В работе Г.Н.Матюшина "Неолит Южного Предуралья" приведены в систему данные по соответствующим памятникам региона, на основании анализа фаунистических данных впервые поставлена проблема проникновения производящего хозяйства в Европу в неолите через Предуралье. М.Ф.Косаревым подготовлена к печати обобщающая многоплановая монография "Древняя история Западной Сибири". В.П.Шилов в книге "Древние скотоводы калмыцких степей" (печатается в Калмыкии) обосновал новую периодизацию памятников эпохи бронзы. В.Я.Сергин подготовил монографию "Восстановление контекста палеолитических поселений среднеднепровского типа". М.П.Зимина представила работу "Каменный век бассейна р.Мсты". В.И.Сарианиди сдал в печать монографию "Древности страны Маргун".

Сотрудниками отдела за отчетный период опубликованы следующие монографии: В.М.Марковина, Р.М.Мунчаева "Kunst und Kultur in Nordkaukasus" (Leipzig, 1988), в которой дан обзор памятников от эпохи камня до современности; А.А.Формозова "Следопыты земли Московской" (М., 1988); В.И.Сарианиди "Храм и некрополь Тиллате" (М., 1988) и "Тайные сокровища безвестных царей" (изд. в Японии, 1988). В серии "Археология СССР" выходит том "Мезолит СССР" (редактор Л.В.Колыцов). В Молдавии переиздана книга Г.Н.Матюшина "Три миллиона лет до н.э." (на молд. яз., 1989).

Под руководством сотрудников отдела велись экспедиции в пределах СССР и за рубежом.

Верхневолжская экспедиция под руководством Д.А.Крайнова продолжала исследовать стоянки Сахтыш II, VII, IX в Ивановской области и Ивановская VII в Ярославской области. Отряд экспедиции под руководством Л.В.Кольцова вел раскопки на двух стоянках мезолитической бутовской культуры. С.В.Ошибкина руководила Северной экспедицией. Исследовались мезолитические поселения Веретье I и Сухое, велись разведки в Тожемском районе Вологодской области (открыто пять памятников разного времени). М.П.Зими́на руководила Северо-Западной экспедицией, завершившей раскопки могильника Репище. В.И.Сарианиди вел раскопки монументального здания, предположительно храма II тысячелетия до н.э., на памятнике Гонуртепе в Туркмении. Г.Н.Матюшин руководил Южно-Уральской экспедицией: раскопками в Мулино и разведками по Южному Уралу. М.Г.Жилин вел работы на Дубне и в Горьковской области. Раскапывалась позднебутовская стоянка Окаево-5. Открыто 120 новых памятников, Л.Л.Галкин работал на плато Устьурт, где обнаружена крепость эпохи бронзы. М.А.Давлет руководила работой отряда по изучению петроглифов в Туве. Отряд В.П.Шилова раскапывал курганы эпохи бронзы в Калмыкии.

Проводились зарубежные экспедиции. Д.А.Амирханов руководил отрядом Советско-Йеменской экспедиции, в ходе разведок которой открыто 36 памятников различных эпох. Н.Я.Мерперт возглавлял Советскую археологическую экспедицию в Сирии, а также (с советской стороны) Болгаро-Советскую экспедицию, продолжающую раскопки телля Юнаците. В.В.Волков руководил отрядом Советско-Монгольской экспедиции; обследовались памятники монументального искусства и раскапывались раннекочевнические курганы.

Отдел сотрудничает с рядом научных учреждений страны. С некоторыми из них ведутся совместные работы на археологических объектах, осуществляется финансирование раскопок и разведок (Калмыцкий НИИФЭ, Калининский, Ярославский, Тожемский, Вологодский музеи). Отдел связан со многими вузами и музеями, сотрудники которых приезжают на стажировку, а также в качестве аспирантов и соискателей (Ивановский университет, Куйбышевский пед. институт, Волгоградский университет, Тобольский пед. институт, Тобольский краеведческий музей).

Сотрудники отдела в 1988-1989 гг. принимали активное участие в международных, всесоюзных и региональных конференциях. Н.Я.Мерперт участвовал в конференции в Болгарии, посвященной 100-летию Софийского университета, в международном симпозиуме "Медный век в Европе" в ФРГ, в международном симпозиуме "Античная балканистика 6" и заседании Международного Совета по Фракологии (избран президентом Совета). Д.А.Крайнов и С.В.Ошибкина приняли участие в Советско-Датском совещании "Взаимодействие древних культур в районе Балтийского моря" в Ленинграде, В.И.Марковин - в международном симпозиуме "Кавказ в системе евразийских культур эпохи палеометалла" в Сагареджо, Грузия; в XV Крупновских чтениях в Махачкале, в работе Бекшапсарского семинара в Сухуми, в совещании отдела языка и литературы АН СССР по вопросу работы Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. М.А.Давлет участвовала в конференциях: "Актуальные проблемы современного сибиреведения" в Ленинграде, "Историография и источники изучения исторического опыта освоения Сибири" в Новосибирске, в конференции Института Азии "Владимирские чтения", представила доклады на конференции в Кемерово и Алма-Ате. М.П.Зими́на делала доклады на новгородских конференциях "Новгород и Новгородская земля" и "История и археология Новгородской земли". Она, а также С.В.Ошибкина выступали на заседаниях Проблемного совета ГИМ. Доклады на конфе-

ренции ИА "Религиозные представления в первобытном обществе" читали М.А.Дэвлет, Г.Н.Матюшин, М.Ф.Косарев, а Д.А.Крайнов руководил работой этой конференции. Х.А.Амирханов и Ю.А.Смирнов участвовали в конференции "Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке Средней Азии" в Фергане. Ю.А.Смирнов делал доклад на конференции по методике исторических исследований в ИИ АН СССР. В.И.Сарианиди и А.М.Смирнов представили доклады для Башкирского семинара в Сухуми. В.И.Сарианиди читал лекции за рубежом – в Метрополитен музее в США, в Университете в Хельсинки.

С 1988 г. отделом руководит доктор исторических наук М.Ф.Косарев. В составе отдела сейчас трудится 21 сотрудник. Проведено 63 заседания, на которых выслушано 43 доклада сотрудников отдела, 14 – сотрудников других подразделений института, 21 доклад – представителей различных научных организаций СССР, два доклада иностранных коллег, семь докладов аспирантов и соискателей. Проходили заседания методологического семинара, на которых были зачитаны доклады: М.Ф.Косарева "К социально-экономической оценке кочевничества", Г.Н.Матюшина "Антропогенез в свете новых научных данных", М.А.Дэвлет "Мировоззренческий аспект изучения петроглифов", В.И.Марковина "Спорные вопросы в этногенетическом изучении древностей Северного Кавказа (майкопская культура)" и "Основные проблемы археологии Северо-Восточного Кавказа".

Сотрудниками отдела отредактировано 18 монографий и сборников, оппонированы три докторские и четыре кандидатские диссертации, рецензированы семь монографий и сборников, 26 статей, более 200 отчетов для ОПИ, девять завершенных плановых тем; написаны отзывы на пять докторских и четыре кандидатские диссертации. В различных периодических изданиях опубликовано более 100 статей и заметок. Осуществляется руководство работой 22 аспирантов и соискателей (руководители: М.Ф.Косарев, Л.В.Кольцов, Д.А.Крайнов, В.И.Марковин, Н.Я.Мерперт, С.В.Ошибкина, В.П.Шилов). Ведется работа по популяризации археологии.

В.М.Массон, Н.Д.Праслов, В.И.Тимофеев

ПАМЯТИ НИНЫ НИКОЛАЕВНЫ ГУРИНОЙ

9 сентября 1990 г. скончалась доктор исторических наук Нина Николаевна Гурина, крупнейший и авторитетнейший отечественный специалист в области археологии неолита, мезолита и раннего металла лесной зоны и Севера, автор около 200 научных работ.

Человек феноменальной работоспособности, Н.Н.Гурина являлась выдающимся исследователем первобытных культур Советского Союза и сопредельных стран. Ее научный поиск постоянно расширялся, открывались новые памятники и культуры, изучалось производство по добыче кремня, рассматривались связи и историческое место неолитических культур лесной и лесостепной зоны СССР в системе неолита нашей страны и Северной Европы.

Н.Н.Гурина родилась 17 июня 1909 г. в г.Ростов Ярославской обл., в семье рабочего-железнодорожника. В 1927–30 гг. Н.Н.Гурина училась в I Московском Университете, на историко-этнологическом факультете, затем работала в музеях гг.Кандалакши и Петрозаводска. С 1934 г. научная деятельность Н.Н.Гуриной связана с Ленинградом. Вначале она работала научным сотрудником Доклассового отдела Гос.Архиважа, а в декабре 1935 г. поступила на работу в Государственную Академию Истории Материальной культуры (ГАИМК, позднее ЛО ИИМК, ЛОИА АН СССР), где работала всю свою жизнь с небольшим перерывом в 1942–43 гг. С декабря 1943 г.

Н.Н.Гурина проходила обучение в аспирантуре ЛОИИМК (научным руководителем ее диссертационной работы был чл.-корр. АН СССР, проф. В.И.Равдоникас) и 22 мая 1946 г. защитила кандидатскую диссертацию "Поселения эпохи неолита и раннего металла Северо-Восточного побережья Онежского озера". В диссертации, базирующей преимущественно на материалах, полученных в ходе собственных исследований, бы

ла, в частности, разработана периодизация памятников первобытной археологии Карелии. В 1951-60 гг. Н.Н.Гурина была Ученым секретарем ЛОИИМК, сочетая административные обязанности с активными научными, в частности, экспедиционными исследованиями. Тогда же была проведена большая работа по подготовке к печати материалов уникального Оленеостровского могильника (Оленеостровский могильник. МИА. 46, М; Л, 1956). С 1956 г. и до конца жизни Н.Н.Гурина являлась членом редколлегии КСИИМК-КСИА, ряд лет была зам.отв.редактора этого издания. В течение многих лет Н.Н.Гурина была заведующим неолитической группой сектора палеолита. В 1976 г. Н.Н.Гуриной были поручены обязанности заведующего ЛОИА АН СССР, которые она исполняла до января 1982 г., не ослабляя все это время чрезвычайно интенсивной научной, в том числе и экспедиционной, деятельности.

Н.Н.Гурина внесла большой вклад в археологическое освоение "белых пятен" на обширных территориях северо-запада СССР. Итоги ее многолетних экспедиций по изучению каменного века и эпохи раннего металла Карелии и Ленинградской области были подведены в фундаментальной монографии "Древняя история северо-запада Европейской части СССР" (МИА 87, Л., 1961), защищенной в 1963 г. в качестве докторской диссертации. Важный вклад в развитие изучения неолита Прибалтики внесла монография "Из истории древних племен западных областей СССР" (МИА 144, Л., 1967). Дискуссия по проблемам нарвской неолитической культуры, длящаяся в научной литературе более 20 лет, все более подтверждает ряд положений, выдвинутых

Н.Н.Гуриной на основании еще немногочисленных тогда материалов. В монографии "Древние кремнедобывающие шахты" (Л., 1976) подведены итоги многолетних исследований уникальных для нашей страны памятников конца неолита – эпохи бронзы, масштабно проведенных Н.Н.Гуриной на западе Белоруссии. Особое место в исследованиях Н.Н.Гуриной занимает первобытная археология Кольского полуострова. Проведя первые исследования там в 1946–48 гг., Н.Н.Гурина развернула широкие экспедиционные работы по изучению памятников Заполярья в период середины 1960-х – 1980-х гг. Некоторые итоги этих исследований были подведены в серии статей и научно-популярной книге ("Время, врезанное в камень", Мурманск, 1982). В 1969 г. Н.Н.Гуриной была завершена монография, обобщающая огромные накопленные материалы. Параллельно с исследованиями на Кольском полуострове интенсивные экспедиционные работы в 1960–1980 гг. велись в верховьях Волги, где на Селигерской системе озер были открыты сотни памятников неолита и мезолита и проведены широкие раскопки эталонных поселений. На базе Кольской и Верхневолжской экспедиций ЛОИА АН СССР в 1960–70-х гг. Н.Н.Гуриной была создана по существу школа полевых исследований, собравшая целую группу молодых тогда сотрудников Сектора палеолита ЛОИА АН СССР. Важные экспедиционные исследования были также проведены Н.Н.Гуриной и на ряде других территорий, в том числе в Поволжье, где она руководила крупными работами Горьковской археологической экспедиции (Труды Горьковской археологической экспедиции, МИА, ЛО, М; Л., 1963), в Сибири, где она провела значительные раскопки памятников каменного века в качестве начальника отрядов Ангарской и Красноярской экспедиции ЛОИА и др.

Н.Н.Гуриной было сделано чрезвычайно много в реконструкции древней истории лесной, лесостепной зон и Севера нашей страны. Ею был выделен или внесен решающий вклад в выделение целого ряда археологических культур неолитической эпохи (в их числе ведаяйская, кольская, нарвская, неманская и др.), разработан и ряд вопросов заселения Севера, периодизация неолита-раннего металла обширных территорий северо-запада лесной зоны, выделение эпохи раннего металла как особого периода в истории лесной зоны, по-существу воссоздана впервые общая картина соотношения конкретных общностей позднего каменного века в лесной и лесостепной зоне Европейской части СССР. Для научного стиля Н.Н.Гуриной характерны постановка широких проблем, глубокий историзм подхода к археологическим материалам, стремление совместить данные разнообразных источников для достижения более конкретного знания о процессах, происходивших в первобытности.

Очень много делалось Н.Н.Гуриной по координации исследований в области первобытной археологии лесной зоны. Она была выдающимся организатором коллективных исследований, ориентированных на решение крупных проблем, наиболее актуальных для науки на данном этапе ее развития. Под ее руководством была организована и проведена в Ленинграде серия всесоюзных совещаний (по проблемам мезолита, этнокультурных общностей эпохи неолита, датировке неолита, методики полевых исследований), оказавших огромное воздействие на развитие археологии лесной зоны неолита-мезолита в нашей стране. Последнее из этих совещаний ("Ранний неолит лесной и лесостепной зон и его генезис") было проведено в ЛОИА в январе 1990 г. Сборники трудов совещаний, опубликованные под редакцией Н.Н.Гуриной ("Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР в эпоху неолита", МИА.172, М; Л., 1973; "У истоков древних культур. Эпоха мезолита", МИА.126, М; Л., 1966; сборники КСИА "Проблемы мезолита", Вып. 149, 1977, "Датировка неолита", Вып. 153, 1978 и др.), явились важными вехами в развитии отечественной археологии позднего каменного века.

Н.Н.Гурина принимала большое участие в общественной жизни коллектива Института, членом которого была более 50 лет.

Совершенного Н.Н.Гуриной в науке с лихвой хватило бы на несколько человеческих жизней. Такие качества как исключительный исследовательский темперамент, высокая требовательность к себе и другим, сочетающиеся с огромной работоспособностью, определили ее место подлинного лидера в науке. Для коллег, друзей, многочисленных учеников она навсегда сохранилась в памяти доброжелательным, отзывчивым и глубоко преданным любимому делу человеком.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЖ	- Антропологический журнал
АО	- Археологические открытия
АСГЭ	- Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВЭИИП	- Вопросы этнической истории народов Прибалтики
ГАИМК	- Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ	- Государственный Исторический музей
ИА	- Институт археологии АН СССР
КНИИИФЭ	- Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики
КСИА	- Краткие сообщения ИА АН СССР
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	- Ленинградское отделение Института археологии
МАД	- Материалы по истории Дагестана
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
ПИДО	- Проблемы истории докапиталистических обществ
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников
СГЭ	- Сообщения Государственного Эрмитажа
СОМК	- Саратовский областной краеведческий музей
Тр.ГИМ	- Труды Государственного Исторического музея
Тр.ИИААЭ АН КазССР	- Труды института истории, археологии, этнографии Академии наук Казахской ССР
Тр.КРКМ	- Труды Калмыцкого республиканского краеведческого музея
AM	- <i>Archeologia Moldaviae. Bucuresti</i>
AM	- <i>Athenische Mitteilungen. Berlin</i>
BCH	- <i>Bulletin de Correspondence Hellénique. Paris</i>
ESA	- <i>Eurasia septentrionalis Antiqua</i>
SB	- <i>Sitzungsberichte des Preussischen Königlichen Akademie der Wissenschaften. Berlin</i>
CAH	- <i>Cambridge Ancient History. Ed. 2. Cambridge</i>
SMYA	- <i>Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja</i>

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

Ю.В.Андреев. Башенные жилища на Кикладах.....	3
Э.В.Сайко. Технология керамики в характеристике исторической динамики раннеземледельческих обществ	9
В.И.Балабина. Зооморфная фигуративная пластика культуры Кукутени-Триполье	16
Н.Н.Гурина . Относительная хронология керамики верховьев Волги	25
М.Д.Хлобыстина. "Сидячие" погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы	32
В.П.Шилов. Еще раз о погребениях литейщиков Калиновского могильника..	38
В.Г.Ломан. Особенности гончарной технологии эпохи поздней бронзы Центрального Казахстана	47
Э.С.Шарафутдинова. О социальной градации в протомеотском погребальном обряде	54

Публикации

А.В.Энговатова. О культурной принадлежности погребения со стоянки Ибердус I	63
М.П.Зимина. Неолитические стоянки озера Городно	67
Д.А.Крайнов, А.В.Уткин. Погребения на стоянке Сахтыш I.....	73
Г.В.Синицына. Неолитическая стоянка Игреково II в Среднем Приобье....	78
В.В.Питулько. Новые памятники ортинской культуры	86
В.И.Марковин. Петроглифы у Экибулака (Дагестан)	94
И.И.Дремов. Погребение из кургана у с.Старицкое (Саратовская обл.)...	101
М.Б.Рысин. Литейные формы из поселения Старчики в Адыгее	106

Хроника

В.И.Балабина, А.М.Смирнов. Отдел каменного и бронзового веков ИА АН СССР в 1988-1989 гг.	II2
В.М.Массон, Н.Д.Праслов, В.И.Тимофеев. Памяти Нины Николаевны Гуриной	II4
Список сокращений	II7

Научное издание

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ
КСИА. Вып. 203

Утверждено к печати
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е.И. Михайлова
Художественный редактор И.Д. Богачев
Технический редактор Т.В. Фараонова